23/I-14

ЗНАНИЕ — СИЛА 1/93

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

№ 1 (787)
Издается с 1926 года

Сдано в набор 08.12.92
Подписано к печати 09.02.93
Формат 70×100 1/16
Офсетная печать
Печ. л. 10,0
Усл. печ. л. 13,0
Уч.-изд. л. 16,11
Усл. кр.-отт. 52,0
Тираж 39 500 экз.
Заказ № 1568

Адрес редакции
113114, Москва
Кожевническая ул., 19,
строение 6
Тел. 235-89-35

Ордена Трудового
Красного Знамени
Чеховский
полиграфический комбинат
Министерства печати
и информации
Российской Федерации
142300, г. Чехов
Московской области

Цена свободная
Индекс 70332

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются.

В НОМЕРЕ

0130—1640 «Знание — сила», 1993, № 1, 1—160.

ISSN 0130-1640

„Knowledge is power“ (F. Bacon)

ЗНАНИЕ-СИЛА 1/93

ЗНАНИЕ — СИЛА 1/93

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

№ 1(787)
Издается с 1926 года

Обложка В. Бреля

Триста лет минус два года

Дорогие читатели! Давайте вместе порассуждаем о том, что было, о том, что будет. Минувший год не сделал нас ни богаче, ни счастливее, зато дал бесценный опыт жизни в эпоху... даже непонятно, как ее назвать. Эпоху попыток революционным образом, но без революции переменить уклад жизни огромной страны — не так ли сказать точнее всего?

И что же? Жизнь меняется на глазах, волнами идет рост цен, политические катаклизмы раз за разом настигают высшие эшелоны власти. А значительные группы населения ясно показали достаточную мудрость в оценке перипетий быстротекущей жизни, понимание новых условий, продемонстрировали готовность включиться в процесс перемен. Это представляется мне самой яркой чертой современной российской истории. Конечно, родимые пятна тоталитаризма, в какие бы одежды он ни рядился, бросаются в глаза на каждом шагу. И тем не менее... Как зловеще нас заклинали иные ораторы, утверждая, что потеряно все: Союз, державность, великая история и слава предков. Да нет же, выжил народ, сохранил, хотя и с ущербом, свои естественные понятия о жизни, надежды на лучшее время. Потерял многих и многое, но выжил, победив нацизм, пройдя грандиозный и бесчеловечный большевистский эксперимент с его стремлением в каждой клеточке общественного организма внедрить социальную кабалу и казарменную культуру.

Два года назад на страницах журнала я совершенно серьезно, хотя, конечно, и вполне безответственно, высказал идею программы «300 лет» — программы создания правового государства, демократического политического строя, гражданского общества, духовного возрождения, осознанного выбора приоритетов развития. И первым среди этих приоритетов называл гуманизацию государства, общества, школы и прежде всего — самого человека. Видит Бог, как справедливы оказались эти соображения, излагавшиеся на бумаге в канун трагических событий в Литве в январе 1991 года, теперь, когда кровавые конфликты полыхают на многих территориях бывшего Союза.

За два минувших года, пережив августовский путч и первый приступ к реформированию экономики, мы сделали лишь самые первые робкие шаги к правовому государству и гражданскому обществу — боюсь, что и это слишком оптимистическая оценка. По-прежнему права человека, права личности ставятся ниже прав национальной или коммунальной общности, ниже прав отдельных властных групп, ниже прав государства — не это ли продемонстрировали конфликты на Кавказе, в Приднестровье и Средней Азии, практика даже европейски ориентированных стран Балтии? Исполнительная власть по-прежнему отчуждена от народа, а представительная власть так же мало отражает интересы электората, как и прежде.

Однако цели развития все равно остаются прежними, те цели, достижение которых обеспечит нормальную жизнь. Потому что народ не может уйти в отставку, не может скопом переселиться на острова Тихого океана из-за того, что его не устраивают политические лидеры. Судьба народа — строить свою жизнь здесь и сейчас.

Гражданское общество, например, не может быть создано указами президента или законодательными актами парламента. Оно может возникнуть лишь как результат разнонаправленных усилий самых различных социальных групп, в действиях которых есть лишь один единый для них вектор: стремление к обживанию и структуризации общественного пространства, дотла разоренного коммунистическим режимом. Уже первые шаги в этом направлении дают интересные результаты. Как ни слабы пока еще ростки нового экономического строя, но и они уже обозначили свои особенные требования к социальному пространству: к системе образования (невиданный спрос на бухгалтерские профессии, на менеджеров, посредников, коммерческих агентов), к системе связи (электронная почта, космическая связь), к сфере банковского дела, к транспорту, к законодательству (см., например, публикации в последнем номере нашего журнала за прошлый год).

Ростки нового, роль науки и вклад ученых в решение возникающих проблем, обстоятельства развития самой науки и обретение ею нового лица в меняющемся обществе — обо всем этом журнал стремится размышлять на своих страницах.

Духовное возрождение нации — другая область интересов журнала. Статьи по отечественной и мировой истории, о проблемах социальной структуры российского общества, о психологии личности и малых коллективов, о различных формах переживания современной истории, о новациях и традициях в культуре — словом, огромный круг вопросов кажется редакции насущно необходимым в журнале потому, что он способствует осознанию нашего бытия. Но также еще и потому, что от подобных сфер мировой культуры мы были десятилетиями оторваны, и нужна упорная работа «крота культуры» для достижения естественной включенности в разнообразные, часто противоречивые смыслы этих сфер.

Журнал будет продолжать регулярную серию «Исторический детектив», а также серию, с первыми публикациями которой читатель уже познакомился, — «Революция — неизбежность?»

Особое внимание редакции привлекают проблемы школьного образования. Конечно, журнал не может и не должен конкурировать со школьными учебниками и книжными пособиями (хотя иногда делает вид, что конкурирует), но редакция осознает в этой области свои задачи и свои возможности. После нескольких лет предварительных шагов журнал, начиная с этого номера, вводит в свою структуру цельный и обширный раздел «Лицей», намереваясь вести его из номера в номер последовательно и разнообразно и надеясь на заинтересованный отклик читателей.

Из нововведений этого года хотелось бы также отметить обширный раздел «Для интеллектуального чтения». В этом номере он представлен размышлениями писателя и историка Я. Гордина о сходстве и различиях двух весьма удаленных друг от друга периодов отечественной истории — в восемнадцатом и в двадцатом веке. В дальнейшем читателя здесь ожидают беседы о судьбах поколения «шестидесятников», о проблемах эмиграции, исторические чтения, рассказы о животных, психологические детективы и т. д.

По-прежнему журнал предполагает с различных сторон освещать проблемы экологии и состояния окружающей среды, ведь кто знает, может быть, именно отсюда будущему нации грозит первейшая опасность? Впрочем, продолжать разговор о том, что сохранится в журнале, наверное, бессмысленно, это заставило бы перечислять все, что появилось на его страницах.

В заключение редакция хотела бы высказать признательность тем читателям, кто проявил свою заинтересованность в журнале несмотря на трудные времена. Весной прошлого года, объявив «переподписку», редакция выслушала немало обидных слов о вздувании цены. К концу года выяснилось, что за каждый экземпляр журнала редакции приходится доплачивать столько же, сколько за него заплатил подписчик уже по новой цене. И только регулярные дотации, выделявшиеся правительством и Верховным Советом, да поддержка спонсоров позволили журналу выходить во второй половине прошлого года так, как он выходил. Надо сказать, что и нынешняя цена журнала — в нынешних хозяйственных условиях — примерно на треть не покрывает расходов по его изданию, и редакция опять пребывает в поисках дотаций и спонсорских взносов. Так что пусть читатель с пониманием увидит в марте или апреле в каталоге «Роспечати» цену на второе полугодие: так или иначе, думается, но она опять окажется недостаточной. Тем не менее редакция надеется на лучшее и призывает читателя верить в плодотворность нашего союза.

Г. ЗЕЛЕНКО

ПОНЯТЬ ИСТОРИЮ, ПОНЯТЬ СЕБЯ

Историческая наука как бы балансирует между неистинностью настоящего и нереальностью прошлого. В настоящем все правдоподобно, здесь нет чудес и героев. Отбрасывая свет на прошлое, современность и оттуда изгоняет миф. Но настоящее не ощущается современниками, не имеет субстанции, оно — как мелькание несоединимых точек, как зерна из апории Зенона, никак не могущие образовать кучу. Напротив, прошлое вполне серьезно и исполнено глубокого смысла. Оно красочно и многоцветно, оно «романно». Мы живем в призрачной реальности и наблюдаем тяжелые, плотные тени прошлого на беленой стене. Мы смотрим исторический фильм.

А. Ковельман

Три статьи о давних и недавних временах.

РЕВОЛЮЦИЯ — НЕИЗБЕЖНОСТЬ?

«Воистину: земля перевернулась подобно гончарному кругу. Разбойник стал владельцем богатств. Богач превратился в грабителя. Люди стали подобны птицам, ищущим падаль. Каждая чужеземная страна говорит: "Это наша вода, это наши поля". Человек ожесточенный говорит: "Если бы я знал, где бог, я бы принес ему жертву"». Египетский мудрец описывал бедствия своей земли за три с лишним тысячи лет до появления слова «революция» на политическом горизонте буржуазной Европы, но он не случайно прибег к той же метафоре вращения круга, гончарного или небесного.

Историки по-разному трактуют слово «революция». Для Ханны Арендт первая Французская революция происходит в 1789 году; Огюстен Тьерри настаивает на ее сходстве, если не тождестве, с революциями в средневековых французских городах. Там, где русский переводчик Диодора или Ксенофонта употребит слово «переворот», английский переводчик обыкновенно поставит «революция». История человечества полна насилий и смут. Революция, однако, не просто смута. Для революции надобно участие народа — иначе это лишь переворот. Для революции нужна организация — иначе это лишь бунт. И наконец, революции необходима программа, изложенная языком мифа, религии, идеологии,— программа, вдребезги разрушающая тот духовный слой, из которого произрастала легитимность свергнутой власти.

Революция противостоит реформе, как изменение насильственное — изменению ненасильственному. Но и революция, и реформа есть процесс внешний и формальный, противостоящий тем глубинным процессам истории, которые невозможно измерить статистикой, и которые, однако, делают статистику возможной.

Что такое революция? Прежде всего — лишь буква в алфавите истории. Как буква имеет значение не сама по себе, но лишь в контексте прочих букв, образующих слово, так революция имеет значение не сама по себе, но лишь в контексте данной неповторимой цивилизации. Подобно человеку, поставленному в экстремальную ситуацию, в экстремальный миг революции культура предстает во всем своем своеобразии, а история — во всей своей непредсказуемости.

В прошлом году мы начали публикацию серии статей Ю. Латыниной об исторических революциях. Мы продолжаем эту серию и переносимся из средневековой Европы в средневековый Китай.

Ю. Латынина

«Белый лотос» и Чжу Юаньчжан

В конце мая 1351 года китайские крестьяне, 150 тысяч которых было согнано монгольским правительством Токто на строительство дамбы на Хуанхэ, выкопали из земли каменного одноглазого человека. Находка не была неожиданной; уже год, как кто-то пустил песенку: «каменный одноглазый человек возмутит Хуанхэ, и Поднебесная восстанет». Устраняя всякие сомнения, надпись на спине каменного идола гласила: «Это и есть каменный одноглазый человек».

Человека закопали и песенку сочинили члены «Белого лотоса» — тайного религиозного общества. Превосходно организованные восстания вспыхивали в разных местах, число участников в считанные недели увеличивалось до сотен тысяч, правительственные войска бежали.

Организационные формы «Белого лотоса» отличались высоким совершенством, а социально-политические представления о грядущем строе — редкой привлекательностью: «После того как Майтрейя придет в этот мир, он расширится и очистится, исчезнут шипы и колючки... долины и холмы сравняются, золотой песок покроет землю... будут собирать семь урожаев, так как растения будут произрастать сами собой». А будда Майтрейя уже явился в этот мир, и было достоверно известно, что это не кто иной, как Сюй Шоухуй, поставленный во главе повстанческого государства Тяньвань, от тела которого во время купания в соленой запруде исходило сияние.

Впрочем, учение «Белого лотоса» было гибко, синкретично, и если в долине Янцзы правил сам будда Майтрейя, то в долине Хуанхэ правил Сяо Минван, манихейский Князь Света.

Итак, непокорные убивали несправедливых, полагая, что «только после искоренения несправедливости наступит великое равенство»; бывшие солевары и бедняки «погрязали в роскоши и собирали драгоценности»; юаньский император катался на лодке и со свойственной ему страстью к техническим поделкам лично изготавливал чертежи корабля-дракона, у которого пасть и хвост шевелятся на плаву; его войска, отчасти подобные дракону, «победив, грабили, потерпев поражение, грабили еще больше»; и по всей стране люди из ненависти убивали друг друга и от голода друг друга поедали. Меж тем один из повстанческих вождей, Чжу Юаньчжан, сын бедняка-арендатора, харизматический лидер, блестящий полководец, расчетливый убийца, привлекал на свою сторону конфуцианских ученых и сплачивал вокруг себя силы, способные на здоровое государственное строительство, ибо полагал: «с помощью колдовских заклинаний невозможно успешно завершить дело». В 1368 году он создал империю Мин. К концу семидесятых объединил Поднебесную, расправился с поклонниками Майтрейи, с монголами, с бандитами, с соперничавшими группировками, возродил мир и процветание Поднебесной и начал расправляться с собственными соратниками.

С помощью колдовских заклинаний невозможно успешно завершить дело.

А с помощью чего?

«Города берут оружием, а чтобы успокоить народ, надо обязательно использовать «жэнь». Конфуцианский термин «жэнь» традиционно переводится как «гуманность».

Европейские крестьянские восстания не отличались ни продолжительностью, ни организованностью. «Тогда они собрались и направились, не имея определенной цели и без всякого вооружения, кроме дубин, обитых железом, и но-

жей... а когда их спрашивали, зачем они это делают, они отвечали, что не знают, но что видят, как делают другие, и сами делают то же самое». Это — о Жакерии.

Впрочем, средневековому европейскому историку попросту нет дела до крестьянских бунтовщиков, как Корнелю нет дела до того, что Юлий Цезарь сморкается и плюется, — бунт воспринимается как стихия антикультурная и историческим фактом не является.

Не то в Китае. С 184 года, когда сотни тысяч организованных последователей даосского проповедника Чжан Цзяо, надев желтые повязки, восстали по данному знаку сразу в нескольких провинциях (местные власти, опасаясь сектантов, боялись доносить в центр, да и в столице сторонники считались тысячами), с этого времени китайские восстания — не «бунт бессмысленный и беспощадный», но скорее революции, с вождями, с обдуманными стратегическими и политическими планами.

Китайские историки с полным правом считали, что причина падения великих династий — народные восстания. А восстают оттого, что «чиновниками не было проявлено сострадания к голодающему народу», оттого, что власти действуют, «превосходя воров и разбойников». «Чиновники притесняют — народ восстает».

«Рабами вы были, рабами и останетесь», — это напутственное обещание Ричарда II повстанцам Уота Тайлера, бунтовавшим аж пол-лета. «Простонародье давно испытывает мучение, давно заслуживает сострадания», «Причина бунта — притеснение народа чиновниками-лиходеями» — это покаянный манифест императора Чжао Гуана по поводу мятежа Ван Сяобо (993—997), который тоже хотел «уравнять бедных и богатых».

Откуда такая гуманность?

Китайская экономическая мысль исходила из идеи хронической нехватки предметов первой необходимости, предотвращать которую — задача государства. Из идеи «земледелие — основное, торговля и ремесло — второстепенное». Из идеи, что в государстве не должно быть ни слишком богатых, склонных к независимости, ни слишком бедных, склонных к бунтам.

Хрупкое равновесие нарушается, если богачи скупают землю и ставят крестьян в зависимость от себя, а не от государства. Не дело, когда «простой народ, не будучи в состоянии прокормиться, уходит и занимается торговлей», когда «отовсюду извлекают доходы, отдельные семьи богатеют, общее благосостояние падает». Тогда «население роскошествует сверх меры, для потребителей нет пользы, а барыши торговцев и ремесленников не сочтешь». Тогда, если не «принять широких мер предосторожности по исправлению прежних пороков... бедствие для государства придет не от варваров, а изнутри страны».

Каковы же меры предосторожности?

Восстановить простоту — и цены снизятся, запретить мотовство — и потребление ограничится, выгоды от торговли и ремесла станут ничтожны, население вновь займется земледелием. Ограничение могущества «поглотителей», переселение сильных родов с насиженных мест («искоренение зла без применения насилия»), государственная помощь, амбары милосердия, выделение земли и ссуд крестьянам и, главное, очищение чиновничества.

Трактат «Чжоу Ли», написанный якобы в XII веке до новой эры (на самом деле, по-видимому, в середине III века до новой эры) и описывающий систему «цзинтянь», сыграл в истории китайской экономической мысли куда бóльшую роль, нежели «Государство» Платона или миф о Ликурговом строе, — фактически каждый крупный мыслитель и реформатор ссылался на него, понимая, впрочем, под «уравнением полей» совершенно различные вещи, но так или иначе одобряя прошлое, когда «наблюдали за равномерным распределением земли и имущества, раздавали в случае недостатка... а обилие чиновников не стесняло никого, так как не было злоупотреблений».

Народ и государство взаимно поддерживали друг друга и вместе страдали от корыстолюбцев.

Так складывается система, которая противопоставляет чиновника, соблюдающего справедливость, торговцу, ищущему выгоду, и обеспечивает моральный приоритет государства. Ее источник — формирующееся уже в чжоускую эпоху сословие «ши»: ученые служилые люди, детище новой деспотической государственности, оторванные от родовой структуры, с пробужденным индивидуальным сознанием, по словам В. В. Малявина, с «настойчивой проповедью своей исключительности и столь же безоговорочной апелляцией к анонимному общему мнению».

В этой системе постоянные порицания «корыстолюбивых чиновников» выполняют двоякую роль. С одной стороны, позволяют верховной власти открещиваться от непосредственных исполнителей приказов. С другой — позволяют честному чиновнику дистанцироваться от собственного сословия (так самообвинения интеллигента и делают его интеллигентом).

Из сетований на чиновников, которые, подобно голодным червям, пожирают плоть людей и творят произвол и насилие, следует вывод: не устранять необходимость в чиновниках, но «энергично производить прополку». Если причина обнищания в том, что люди бросают земледелие и избирают то, что выгодно, если выгода частная и общественная противоречат друг другу, — значит, чтобы их примирить, необходима высшая инстанция, справедливый чиновник.

Парадокс, однако, в том, что именно эта система, направленная на сохранение традиций, на благо народа и государства, обращается в свою противоположность.

В Европе согнанный с земли народ превращается в люмпен-пролетариат. В Китае, когда честных чиновников, «скрывающихся в лесах и горах», становилось слишком много, в дополнение к люмпен-пролетариату возникала люмпен-бюрократия. В европейском (по типу) бунте Емельки Пугачева доля Швабриных — Швановичей была ничтожна, пропасть между Швабриным и крестьянами — непреходяща, соображения Швабрина — исключительно шкурнические. В Китае справедливые чиновники всегда уважали мнение народа, а народ всегда восхищался справедливыми чиновниками.

Было и другое. Обезземеливание в Китае, как и везде, выбивало людей из привычных социальных луз. Разбойничьи шайки и секты становились заменителями родственных и государственных связей. Именно благодаря всепроникающему идеалу государственности секты эти, противостоящие государству, даже в мирное время обладали великолепной, хотя и несколько противоречивой организацией. С одной стороны, у сектантов обычно «нет разделения среды людей в пользовании вещами», с другой — секта исчерпывающим образом ведет перепись людей по десяткам и селениям, регламентируя все жизненные подробности. Иначе говоря, внутри секты нет иерархии имуществ, но есть иерархия должностей: «Минцзяо» или «Милецзяо», с одной стороны, противостоят официальному миру, с другой — они его идеальная копия.

Не посещайте государство, где неспокойно; не живите в государстве, где беспорядки. Если в Поднебесной царит спокойствие, будьте на виду; если в Поднебесной нет спокойствия, скройтесь. Если государство управляется правильно, бедность и незнатность вызывают стыд. Если государство управляется неправильно, то богатство и знатность также вызывают стыд.

Конфуций, «Лунь Юй»

Когда людей много, их надо сделать богатыми. Когда они станут богатыми, их надо воспитать.

Конфуций, «Лунь Юй»

Изолированное существование внутри секты позволяет избежать как мгновенных репрессий, так и компромиссов, неизбежных в нормальной общественной жизни, позволяет вызреть контридеологии, ибо, чтобы революция была успешной, «защитная идеологическая оболочка должна быть вдребезги разбита контридеологией» (Фейерверкер).

Европейский колдун — Фауст, в одиночку бросающий вызов богу; китайский колдун — Ван Цзе из «Развеянных чар» Ло Гуаньчжуна и Фэн Мейлуна, реальный ересиарх, глава «Милецзяо», поднявший в 1047 году восстание в Бейчжоу.

Также и разбойники. Европейский разбойник — Робин Гуд. Китайский — Сун Цзян из гениальных «Речных заводей» Ши Найаня, главарь прекрасно организованного стана в Ляньшаньбо (представьте себе в Шервудском лесу «наблюдающих за изготовлением сигнальных флажков», «надзирающих за печатями», «ответственных за продовольствие», а также надзирающих за наказаниями и наградами). Предводители разбойников были, по замечанию Соммерса, «в подпольном мире двойниками обычно всепроникающего в местном обществе слоя шеньши». В условиях общественной нестабильности двойники исчезали — возникали оборотни. Система круговой поруки, личных и родовых связей, традиционно крепившая общество, начинала действовать в обратном направлении: деревенские общины становились легальной формой деятельности тайных сект. Если обратиться к тем же «Речным заводям», где разбойники по ходу действия превращаются в повстанцев, то мы увидим, что истинный размах движение приобретает тогда, когда во главе его невольно становится всеми уважаемый Сун Цзян,— с этой поры служилые люди и ученые сановники, начальники тюрем и гарнизонов начинают, в порядке личного одолжения, переходить на сторону людей из Ляньшаньбо.

Европейская революция, раз начавшись, как-то неуклонно сползает от национальных собраний к якобинскому террору. В Китае террор кончается компромиссом: император пишет покаянный манифест и дарует разбойникам чины. Впрочем, государство может призвать варваров, дабы расправиться с бунтовщиками, после чего варвары расправятся с самим правительством. Оно может позволить организовывать отряды самообороны на местах, крестьяне не любят, чтоб их грабили, как бы это ни называлось — государственным налогом или повстанческой продразверсткой. То самое государство, которое всячески препятствовало экономической самостоятельности, теперь, хватаясь за соломинку, разрешает самостоятельность военную. Тогда существующая структура обречена. Победители — варвары или получившие военную самостоятельность сильные дома — покончат с государством. Если... если его не восстановят повстанцы.

В начале XIII века — подобно большинству грабителей, еще не свыкшихся с ролью завоевателей,— монголы опустошили Северный Китай и превратили земли вокруг нынешнего Пекина в то, что, с точки зрения монгола, было пастбищем, а с точки зрения китайца — пустырем. В отличие от своих недавних предков завоеватель Южного Китая, основатель династии Юань Хубилай хотел, чтобы «народ спокойно занимался своими делами и земледелием, монголы ведь не знают этих занятий». Великолепную машину китайского государства он сохранил, хотя и использовал по-своему. Строительство каналов, например, было оставлено, зато неудачные военные походы Хубилая на Японию, Яву и Камбоджу стали возможны благодаря тысячам судов, построенных согнанными крестьянами.

Благородный муж стремится к честолюбию и справедливости, низкий человек стремится к богатству и выгоде.

Конфуций, «Лунь Юй»

Император Сяо-Вень носил одежду из грубого шелка, обувался в башмаки из сыромятной кожи, ремни же из выделанной кожи использовал лишь для ношения меча. Шторы в его покоях шились из старых сумок, в которых подавали ему докладные...

Сохранились чиновники; но китайцы фактически не имели доступа к управлению. Сохранились и налоги; однако средства, собранные с китайских земледельцев, шли не в казну и не для помощи в голодные годы — их выдавали монголам. Иногда бывало просто: «Реквизировано 30 тысяч лошадей и отдано монголам-бродягам...» Государственная благотворительность была велика, но безрезультатна, — если китайского крестьянина правительственная помощь действительно поддерживала в голод, то она отнюдь не приучала к земледелию монгола — воина и кочевника.

Впрочем, раньше, по случаю восшествия на престол, прощали недоимки крестьянам. Теперь по аналогичному случаю осыпали дарами знать. Осыпали часто: за шесть лет, с 1328 по 1333, восшествие на престол случалось шесть раз. По счастью, монгольская верхушка выродилась, и споры о наследстве разрешались ядом и кинжалом, а не кровопролитными гражданскими войнами.

Все меньше земли было у государства и у лично свободных крестьян, все больше — у людей влиятельных. Люди богатые скупали землю и не платили налогов, бедняки лишались земли, а налоги оставались при них.

Возникал порочный круг, ибо подати не снижались. Это значило, что соседи сбежавшего или поступившего под частное покровительство крестьянина платят налог за него; это значило, что все больше крестьян избегало непосредственной зависимости от государства (иначе именуемой свободой) и искало частной зависимости (иначе именуемой крепостным состоянием). Люди бросали основное (земледелие), и занимались второстепенным (торговлей), а то и вовсе неподобающим (грабежом).

Конфуцианские ученые констатировали: «Действие законов ослабело, усилились различия между бедными и богатыми. Поэтому многие охотно примыкали к бунтам».

«Ши» тем охотней порицали действия правительства, что доступ к большим должностям имели только монголы и некитайцы. Высшие сановники выходили из семейств императорской гвардии, уровень их образования пал чудовищно.

Китаец мог скорее сделать карьеру в качестве повстанца, чем в качестве простого покорного подданного. Разителен пример Фань Гочжэня.

«У разбойников Шао Сина, конечно же, имеются семьи. Прошу обезглавить их до последнего на рыночной площади в Гунхуа, чтобы, узнав об этом, и далеко и близко убоялись и трепетали».

Из мер
по подавлению мятежа,
принятых Оуяном Сю

По одной версии — Фань был арендатором и убил хозяина-вымогателя; по другой — был облыжно обвинен в связях с пиратами; по третьей — собрал отряд для поимки пиратов и поймал их, но пиратов местные власти выпустили за взятку, а Фаня велели арестовать. (Обратите внимание на сочувственный характер всех трех версий.) Так или иначе, Фань сам стал пиратом и грабил суда с продовольствием так успешно, что... добился от правительства должности «тысячник морских перевозок». Впрочем, это не помешало ему еще множество раз бунтовать, получая чины все более высокие.

Европеец назовет происходящее по-разному: ослабление государства, обезземеливание крестьян, эпоха первоначального накопления. Современники писали так: «Великая Юань! При тебе подлость и лесть стали у власти. Законы правления слабы, а законы наказания тяжелы. Простой народ недоволен. Люди едят людей, деньги покупают деньги. Воры стали чиновниками, чиновники — ворами».

Хрупкое экологическое равновесие «государство — народ» было нарушено. Люди уходили в торговлю и разбой, голод стал обычным явлением. Двору предложили было простое средство от голода: вырезать всех китайцев пяти самых распространенных фамилий. Не утвердили, однако, а вместо этого провели финансовую реформу, впрочем, аналогичную по последствиям.

В этих условиях правительство обычно начинает делать то, что, по общему мнению, оно должно было сделать лет десять назад. Людовик XVI, например, созывает Генеральные Штаты,— а монголы начинают гигантское строительство на Хуанхэ. Правительство, запрещавшее китайцам собираться толпой и для молитв, само собрало 150 тысяч озлобленных крестьян, много больше критической массы, и разворовало средства для строительства. «Белый лотос», со своей стороны, тоже отрядил эмиссаров.

«Разбойники не похищают женщин, не убивают народ, имуществом раскрытых казенных кладовых оказывают вспомоществование беднякам, привлекают недовольных и ропщущих людей становиться их сообщниками».

Из отчета Оуян Сю
о мятеже
Ван Луня

Чжу Юаньчжан, бродячий буддийский монах, чьи родители умерли с голоду, присоединился к восстанию не сразу и не без колебаний: к кому идти — к властям или к повстанцам. Пошел в родную деревню советоваться. Вернулся и увидел, что монастырь сожжен монгольскими войсками: солдаты думали, что в нем поклонялись Майтрейе (может быть, и правильно думали, и не случайно молодой монах бродил по тем местам, где был силен «Белый лотос»).

Чжу Юаньчжан явился в отряд Го Цзысина: поначалу приняли за лазутчика и чуть не повесили. Вождей в отряде было пятеро. Четверо — крестьяне, пятый, Го Цзысин, был когда-то человеком имущим, пока не наслушался проповедников «Белого лотоса», очень поверил им и «раздал свое имущество, тайно собирая приверженцев». Го Цзысин вскоре выделил юношу, взял в личную охрану, а потом сделал зятем.

Увы, нет места останавливаться на деталях карьеры: командование войсками Хэчжоу, подданство у повстанческого императора Сяо Минвана (Князя Света), провозглашение княжества Западное У. Война с другими известными повстанцами: Чень Юляном, Чжан Шичэном, Фань Гочжэнем, Чень Юдином (последний, впрочем, бывший батрак, хозяин провинции Фуцзянь, пошел в свое время не в красные, а в правительственные войска и формально никогда не изменял монгольской династии); взятие монгольской столицы Даду, сильно облегчённое тем, что монголы в это, как и в предыдущее время, сражались в основном друг с другом и с императором; завоевание государства Ся в Сычуани, где еще почитали только Майтрейю и разрушали прочие храмы. Наконец, в 1368 году, провозглашение династии Мин.

Не только полководческий талант и решительность (Чжу Юань-чжан, например, после переправы через Янцзы уничтожил суда, отрезав путь к отступлению) сделали его императором.

В 1355 году Чжу разбивает большой отряд «ибин» во главе с Чень Есянем и оставляет Ченю отряд и должность — это обычная его политика милосердия. Вскоре Чень Есянь, вместе с двумя главными соперниками Чжу Юаньчжана, осаждает Цзицин. Чень изменяет восставшим, убивает соперников Чжу и... погибает в стычке с правительственными войсками, не верящими в его вторичную измену.

Знал ли Чжу Юаньчжан об измене, доставившей ему единоличное командование? В официальных источниках мы найдем стыдливое сообщение: был предупрежден, но не поверил.

В 1360 году Чжу подвергается серьезнейшей опасности: его соседи, Чень Юлян, мелкий уездный чиновник, ныне император повстанческой династии Сун, и Чжан Шичэн, бывший контрабандист и разбойник, ныне князь Восточного У, готовы заключить меж собой союз и захватить Интянь. Чень нетерпелив и предпочтет единоличную поживу — на этом пси-

хологическом расчете строится стратегия Чжу Юаньчжана.

Один из военачальников Чжу, старый друг Чень Юляна, по приказу полководца пишет якобы изменническое письмо, обещая помочь в захвате Интяня. Чень всю жизнь подозревает собственных военачальников в измене и охотно верит в измену военачальника чужого. Он бросается в наступление и попадает в ловушку; страшный разгром и сдача флота предрешают его дальнейшее поражение.

Чжу уважает традицию; лучше разбить союзы противника, нежели его войска, истинная победа — та, которая одержана до битвы. И не это ли называется «беречь людей»?

Но и не этому обязан Чжу Юаньчжан победой, а тому, что он очень рано понял: Поднебесную можно завоевать на лошади, но управлять с лошади Поднебесной нельзя. И не только понял, но и действовал соответственно.

«Строй стены выше. Запасай больше зерна. Не спеши называться князем» — этому совету Чжу Юаньчжан всегда следовал.

С самого начала Чжу Юаньчжан старается привлечь к себе ученых конфуцианцев и служилых людей. Первый из них — Ли Шаньчан. Историки сохранили нам сцену: Чжу спрашивает: «Повсюду идет война, когда же она кончится?» Ли Шаньчан отвечает: «Когда империя Цинь оказалась в состоянии хаоса, ханьский Гао Цзу, вышедший из простолюдинов, щедрый и великодушный, знал людей и искусно использовал их, не убивал безрассудно и через пять лет создал империю». Тот «момент истины», который европейская история обычно изображает через сон, озарение или диалог с самим собой, китайская хроника традиционно изображает в виде разговора властителя и мудреца.

Традиционна сцена. Традиционен и ответ: подбирать людей и помнить, что, опираясь только на военную силу, поддержки народа не добиться. Идеологии восстания противопоставлена идеология восстановления: «Я пришел, чтобы избавить народ от беспорядков».

В революции, начавшейся как милленаристский бунт, отныне берет верх гражданская элита, апеллирующая к традиционной этической идее небесного мандата на обладание Поднебесной. Идея эта чрезвычайно гибка. Благодаря ей в спокойное время каждый государь автоматически становится «совершенномудрым», благодаря ей же в условиях смуты оказывается, что Небо отбирает свой мандат у порочного правителя и передает его обладателю высшей благодати.

Заметим, что обращение к традиции — это вовсе не призыв к сохранению существующего. Как римская традиция восхваляет насильственное изгнание тирана, так и китайская традиция противопоставляет гуманного повстанца Лю Бана, истинного зачинателя Китая, основателя Ханьской династии, — кровавому, а потому недолгому владычеству династии Цинь (221—207 годы до новой эры).

Итак, Чжу Юаньчжан берет Лю Бана за образец. И чиновники отныне могут служить ему. Узнав о порядке в его войсках и прекращении грабежей, на сторону Чжу Юаньчжана начинают переходить отряды «ибин», разрешенные властями силы самообороны. «Ибин» — это «зеленые», крестьяне, которые в условиях смуты защищаются от любых грабежей и в конце концов примыкают не к тем, кто больше обещает, а к тем, кто меньше грабит. Командиры «ибин» — это военный аналог служилых людей. Они сострадают бедствиям народа, но порицают смутьянов. Другое дело — тот, кто пришел, чтобы устранить смуту...

В 1366 году Чжу Юаньчжан обращается к народу с манифестом. Он начинает с перечисления преступлений

«Нынче в столице одежда, пища, экипажи, украшения, дома знатных превосходят императорские... Разрезают целые куски прекрасного шелка на ленты для заклинаний... кромсают тонкое цветное шелковое полотно и, подбирая из восьми цветов... составляют узоры в виде волн, прикрепляют их к ларцам, украшают ими коробы, оторачивают юбки, кофты, пришивают к одеялам... изводятся сотни штук шелка, напрасно затрачивается в десятки раз большая, чем нужно, работа... те, кто это делают, лишь впустую транжирят время, сладко едят, готовое портят, целое кромсают, крепкое превращают в непрочное, из большого делают маленькое, простое усложняют... все это должно быть запрещено».

Ван Фу, II век

«Я, подданный, слышал, что когда преображением занимались совершенномудрые правители, то они ставили на первое место нормы поведения и музыку... Когда же поднялись пять гегемонов, то они стали усиленно заниматься управлением и наказаниями. Преображение посредством норм поведения и музыки — глубоко, применение же администрирования и наказаний — мелко...»

Си Шэнь, III век

династии Юань. «Чинов можно достичь с помощью взяток, и от наказания можно освободиться с помощью личных связей, чиновники облагают повинностями бедных и дают льготы богатым».

Из-за этого «...поддавшись по заблуждению чарам колдунов... глупый народ крепко уверовал в то, что Майтрейя действительно существует. Когда искушение распространилось, злоумышленники из этих сообществ начали творить бесчинства; они по всякому поводу и случаю сжигали и разоряли дома и селения, убивали и истребляли чиновных мужей, губили и калечили людей без разбора... Поднебесная обрушилась и рассыпалась на куски...

Я, крестьянин из Хаоляна, сперва был рядовым в армии... Ясно видя, что с помощью колдовских заклинаний невозможно успешно завершить дело и что дни господства монголов сочтены, я переправился через Янцзы».

«Колдовские заклинания» — это не пустой звук. Поклонники Майтрейи возжигают благовония и бросаются на врагов в трансе. Раскрасив брови, они полагают, что это делает их невидимыми и неуязвимыми, и, что всего любопытней, правительственные войска зачастую того же мнения. Они верят, что вожди их могут наслать на врага войско из бумажных тигров и огненных гадов и взмахом руки наполнить амбары рисом; что не мешает им грабить всех тех, кто тотально виноват одним уже непоклонением Майтрейе. Ибо если в земном рае останутся лишь праведные, избранные, чтобы приблизить желанный миг, надо истреблять неправедных.

Что же взамен колдовских заклинаний? Традиционные хозяйственные и политические средства: с одной стороны, положить конец смуте, с другой — положить конец династии Юань, вызвавшей смуту. С одной стороны, принимать на службу чужих командиров, с другой — казнить беспощадно своих за невзятый город или нарушенный сухой закон. Прежних несправедливых — взять на службу. Программа не столь тривиальна, как кажется европейцу: она не случайно предпочитает идею «порядка» идее «закона» — она предусматривает идеального властителя, того, кто решает: взять на службу или покарать?

Как примирить и бывших монгольских, и бывших повстанческих командиров? Только служением одному вождю, и шпионажем друг за другом.

Именно двойственность идеологии способствует ее необычайной прагматичности. С ее помощью можно, с одной стороны, бороться против династии Юань; с другой,— борясь с другим повстанцем, Чжан Шичэном, обвинять его в том, что «...он мнимо капитулировал перед династией Юань, но закопал живым в землю ее политического советника Чжяо Ляня... И открыто погубил ее министра Даш Тэмура». (Сам Чжу был гораздо гибче. Он тоже вел переговоры с монголами, с Чаган Тэмуром, лучшим их полководцем. Но Чаган Тэмур был убит, ибо двор взял за правило пресекать честолюбивые помыслы удачливых полководцев, даже если они могли бы принести пользу государству. Тогда Чжу казнил только троих из юаньских послов, а главного, не закрывая путь к примирению, одарил и принял на службу.)

Само название династии Мин замечательно своей двойственностью. Для повстанца оно вновь свидетельствует, что долгожданный Князь Света уже явился в мир Чжу Юаньчжаном, и все прочие князья Света — самозванцы. Для конфуцианца — порождает многочисленные традиционные ассоциации. В любом случае оно дает формальный повод считать всех прочих князей Света самозванцами, нарушающими табу на название династии, запретить деятельность «Белого лотоса» и всех тех, которые «...лишь соблазняли людей колдовством, не смогли следовать велениям Неба и поэтому сами себя уничтожили».

Итак, в Поднебесной мир — и запустение. Из костей образовались холмы, вместо полей — пустоши. Людей нет, подати платить некому. А меж тем, как пишет государь, «добиться того, чтобы государство стало богатым и сильным, невозможно иначе, как позволив крестьянам спокойно жить и охотно трудиться». Беднякам раздают пустоши. Каждый, кто поднимает целину, может считать ее своей собственностью. Выделяют ссуды, семена, инвентарь. Чтобы гарантировать возврат ссуд и освоение земель, население организуется по десятидворкам: круговая порука. Обновляют каналы, переписывают земли, составляют «желтые книги» и рыбочешуйчатые реестры. Чиновники предписывают, что, где, как и с какими обрядами сажать. Мудрая власть отличается от немудрой тем, что мудрая насаждает «картошку», немудрая — «кукурузу». Император насаждает «картошку» — сиречь рис, жужуб, хлопчатник. Община и чиновник отвечают за каждое недонесенное преступление: будь то разбой, поклонение Майтрейе или недопосаженный жужуб.

Тщательная регламентация еды, одежды, домов — тоже традиционное средство подъема благосостояния: роскошь — причина корыстолюбия, корыстолюбие — причина общих бедствий. Кстати, сам император подает пример простоты (хотя, ясное дело, для четырех разрядов народа регламентация совершенно различна).

Благосостояние народа растет. Чуть не каждый год снижаются налоговые ставки. В случае неурожая налог не взимают, раскрывают амбары милосердия. Чиновнику, не доложившему о бедствиях, полагается смертная казнь. За двадцать четыре года правления площадь вспаханных земель возрастает вчетверо. В амбарах, казенных и частных,— изобилие. Император учит: «Народу трудно с деньгами, он как птенец, только учащийся летать. Не выдергивайте перьев из этого птенца...»

А кто «выдергивает перья»? Чиновники, похожие на волков и тигров, и «бесчестные жадные и влиятельные богатые люди», которые еще «во времена Юань обижали народ». Государь, впрочем, знает, что и «среди богатого народа многие от природы чисты и понимают современное положение». И не он ли достиг власти, обещая землю — бедным и покой — зажиточным?

То было, однако, во время войны против реального врага, когда правильно то, что служит успокоению Поднебесной: ведь бывает так, что поступки неправедны, а путь осуществляется. Теперь же правильно то, что служит централизации государства.

Поэтому людей богатых охотно назначают ответственными за сбор податей: пришельца-чиновника легко провести. Если предоставить такую систему самой себе, богачи рано или поздно переложат подати на бедных. Но в условиях, когда император работает, как одержимый, и решает в сутки до четырехсот дел; когда за взятку выше 60 лян отрубают голову, сдирают кожу, когда в кабинетах чиновников для назидания стоят соломенные чучела,— в этих условиях правительство делает богатого своим фискальным агентом и одновременно козлом отпущения — тот собственным имуществом отвечает за соседскую лень.

Богачи, однако, хитрили. Государь, «находясь в свое время среди простого народа», назубок знал все их уловки: тайная

Если бы с тех пор, как существует власть, не губили напрасно хороших людей, то и виноватых не удавалось бы казнить, а это означало бы проявление снисходительности к убийству и нетерпимости к казни преступника... Ныне надо снова установить пять видов тяжелых наказаний...

Чжунчан Тун, III век

скупка земли, уступка пустошей, мнимый обмен; богачей переселяли. Те «раздавали людям все накопленное имущество, чтобы избежать беды». Их казнили. Они «пролезали в списки сословия военных, чтобы избегнуть казни». Их находили: в Чжецзяни «богатый народ и влиятельные роды были уничтожены почти целиком».

Это необходимо, ибо бесчестные, жадные и богатые люди, разорив мелкого земледельца, наносят ущерб казне. Мелкий земледелец должен быть зависим от государства, а не от богача. Но богатые люди лезут все равно. Необходимы чиновники, надзирающие за ними. Чиновников подкупают, необходимы казни. Император топает ногами: «Утром казнишь одних, а вечером другие совершают преступления! Отныне казнить всех взяточников независимо от тяжести преступления!»

Негодование императора, как всегда, прагматично, обвинение в корыстолюбии — главный повод для расправы с бывшими соратниками, а значит — с их родственниками и клиентами.

Ли Шаньчан, тот самый, который первым сравнил молодого юношу с Лю Баном и противопоставил традиционную гуманность милленаристскому Майтрейе, казнен вместе с семьей. Остальные советники следуют за ним. Только по двум делам, «делу о пустых бланках» и делу Го Хуаня, казнено 70—80 тысяч человек. Казнив обвиняемых, государь казнит палачей.

Зато император широко распахивает перед народом двери училищ: чиновников катастрофически не хватает. Еще бы! «Из способных чиновников осталось один-два из ста»! Его приближенные не являются во дворец, не попрощавшись с родными. Уклонение от службы — верная смерть. Пребывание при дворе — безвыигрышная лотерея: там, где один донос противоречит другому, все решает воля императора.

А народ? Народ благоденствует и молится за здоровье императора. Ибо, пока государь жив, народ принимает участие в управлении, правда, не посредством выборов, а посредством доносов. Частые казни несправедливых чиновников производят наилучшее впечатление. В Поднебесной — мир, и из трех родов войск — пехоты, конницы и шпионов — остался и расплодился лишь последний. Каналы исправны, и ссуды выдаются, и рис в изобилии, и площадь пахотных земель увеличилась вчетверо.

Кому какое дело до свободы, если она экономически невыгодна?

Чжу Юаньчжан умер в 1398 году.

Последний император династии Мин покончил с собой в 1644 году, когда повстанцы Ли Цзычэна заняли Пекин. Власть, однако, досталась не бунтовщикам, а позваным на помощь маньчжурам.

«Белый лотос» пережил династию. В 1796 году, третьем году Термидора, в Китае опять вспыхнуло и продолжалось девять лет руководимое им восстание. Сектанты учили, что еще немного — и не будет богатых и бедных, все люди будут равны во всех отношениях и земля станет сама собой родить белый полированный рис. Людей, поддерживавших их, было чрезвычайно много, ибо они обещали дать истинным детям чиновничьи должности и землю, писали договоры и выдавали соответствующие документы.

Чтобы подавить следующее великое восстание — тайпинов (1850—1864 годы), пришлось позвать на помощь варваров наиболее беспощадных — европейцев. ●

«Лян Чжуншу притесняет народ в Северной столице и вымогает у жителей деньги и добро... Его богатство нажито нечестным путем, и если кто-нибудь из нас, в задуманном нами деле, затаил корыстные намерения, пусть небо покарает его и поглотит земля».

Ши Найань, «Речные заводи». Клятва Чао Гая и его сообщников перед грабежом каравана

А. Ковельман

О вреде истории

—Вы слышали, скоро будет конец света?
— А нам-то какое дело!

(Разговор, подслушанный автором в обычной московской очереди)

Конец прошлого столетия был отмечен нарастающей ненавистью к истории. Нет, это было не предчувствие «конца истории» (как в наше время), а именно ненависть к историческому сознанию, к множащимся фолиантам книг о Древнем Египте и Робеспьере, к «хитрости разума», влекущего человека по бесконечной дороге, не давая ему задуматься и определиться. Одновременно и с разных концов Европы Тургенев и Ницше заговорили о «гамлетизме» исторического человека, неспособного к действиям. То ли дело Дон Кихот — отважный борец с ветряными мельницами, никогда не оглядывающийся назад!

Все эти ненавистники Клио хотели одного — вырваться из времени в вечность, из царства необходимости — в царство свободы. Их не устраивало время как что-то внешнее, заведомо данное человеку и тут же быстренько зафиксированное в очередном учебнике, время — безделушка в лавке архивариуса, время отчужденное и овеществленное. Экзистенциализм с его мечтой о выходе из космического и исторического во внутреннее, остро ощущаемое время (так у Бердяева) стоял у порога.

Марксизм подходил к делу с другой стороны. Он не собирался впадать в истерику и требовать отмены часов. Время работало на марксистов, ибо приближало социалистическую революцию. И уже за ней ожидалось царство свободы, ведь такой двигатель истории, как классовая борьба, после революции не действовал. И что же? История действительно остановилась. Наступил Большой застой. Время, разбитое на пятилетки, казалось совершенно однородным. Чтобы отличить один год от другого, его именовали «завершающим», «определяющим» и т. п. (по положению в пятилетке). За отсутствием событий событием становился юбилей — 50-летие, 70-летие и т. д. Последние серии документального сериала «Наша биография» почти сплошь состояли из перечисления юбилеев.

Однородность, безликость времени господствовала не только на официальном, общегосударственном уровне, но и в жизни человека. С рождения можно было запланировать всю карьеру (детский сад — защита диссертации — похороны). Как в стоячей воде бассейна плывут, не делая скидку иа течение, так и в застое жили, не рассчитывая на изменение каких-то внешиих обстоятельств. Ни контора твоя не разорится, ни Брежнев никогда не умрет, нн пятый пункт анкеты не перестанет действовать.

Не только время, но и пространство стало абсолютно бескачественным. Внутри СССР все было одинаково и равномерно — от тундры до Араратской долины.

Великий Застой — подлинное царство свободы. Здесь нет места истории, а следовательно — случайности и произволу. Мы уже забыли, как ненавидели это время. Теперь другие заботы, отнявшие главную свободу — свободу бездействия. Время пристает с ножом к горлу. Поигрывая ножиком, оно говорит: «А не свалить ли тебе в Израиль? Ну, как нацисты придут к власти? А впрочем, можешь и оставаться. Я не неволю». Время меняется, короче говоря, оно существует.

И пока оно существует, давайте поймаем его за руку, посмотрим, каково оно на самом деле. Здесь нужна большая работа, ибо этнографы и философы многое напутали. Они разделили время на циклическое и линейное, а пространство — на сакральное и профанное, как дети играют красивыми словами. Циклическим было якобы время древних земледельческих народов. Каждый год повторял хозяйственный цикл. Умирал и воскресал Осирис, женщины оплакивали Адониса и радовались его приходу. И весь мир возникал, старел и сгорал в космическом пожаре, чтобы родиться вновь.

У кочевников же время двигалось по прямой — из пункта А в пункт Б. Их бог не умирал, не воскресал, он был богом племени и рода, а не поля и сада. От грехопадения до пришествия мессии, от первобытного коммунизма до коммунизма конечного — таков светлый путь линейного времени.

Оба вида времени неоднородны. Циклическое делится на будни и праздники, линейное — на злое время греха и кары и доброе время спасения. Неоднородно и пространство. Вокруг храма оно сакральное, далече — профанное. Да и вся теория эта создавалась в храмовой ограде, в наблюдениях за ритуалом невинных туземцев. А наблюдатели — мудрые этнографы — были еще невиннее, чем туземцы, так как решительно все принимали всерьез.

Нам же, детям застойного времени, принявшим участие в великом множестве ритуалов (от посвящения в пионеры до профсоюзных собраний), нам трудно сохранить подобную невинность. Может, конечно, Большой застой — исключение из всех правил. Может, только при нашей жизни праздник, великий и страшный, — есть лишь повод выпить и закусить, а во все прочие эпохи было совсем иначе. Может, только для нас сакрален не Кремль, а ГУМ напротив Кремля. Но кое-какие подозрения заставляют думать, что и прежде не все было чисто.

И дело даже не в том, что любой миф умирает и тянет за собой в могилу издохший ритуал. И не в том, что смерть мифа связана с бурным цветением рационализма и иронии (такое было в истории неоднократно). И не в том, что мифы и ритуалы регулярно навязывались сверху (вроде божественности гения императора в Риме и принесения соответствующих жертв). Просто есть такой фактор, как *Хитрость обывателя* (не менее сильная, чем Хитрость абсолютного разума). Об этой хитрости — способности выполнять все обряды и по дороге обделывать делишки — больше пишут юмористы, чем ученые. Но она есть, и ее надо учитывать. Если бы не она, вряд ли человечество дожило бы до столь почтенного возраста.

Так вот, для обывателя, по моему глубокому убеждению, время и пространство, как правило, вообще не существуют. Точнее, существует реальное время и реальное пространство (по аналогии с реальным социализмом). Они представляют собой ньютоновский пустой ящик, из любой точки которого, хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь. Ни прямо, ни по кругу здесь ничто не смещается. Человек всегда находится в одной точке, даже если он на всех парах пересекает Кавказский хребет. В момент пересечения он размышляет о неприятностях по службе, его взор ограничен салоном самолета, а хронологическая перспектива — временем раздачи мятных конфет.

Что же тогда для обывателя история, весь набор известных событий? А это было до его рождения или происходит в каком-то другом месте, за пределами реального мира. Вообще история случается не с ним. Пространство и время истории

ирреальны. Вот там-то, в этой ирреальности, и действуют законы циклического или линейного движения. Там-то и находятся сакральные и профанные местности (Париж и Бердичев, например).

Что уже первобытный человек делил мир именно таким образом, ясно из опыта самих первобытных, австралийских аборигенов. Вся их история умещается в эпоху ачеры (аджеры), когда тотемы путешествовали по пустыне, чтобы в конце пути сделаться фетишами-чурингами. У греков был «героический век», у шумеров — допотопные времена и т. п. Опыт австралийцев самый чистый: кончилась ачера, кончилась и история. У более развитых народов граница между историческим и реальным миром подвижна, она как бы бежит *за поколением* Эго (поколение ныне живущих людей), но не догоняет его.

Чем более родовым, клановым является общество, тем дальше историческое время от поколения Эго. Род включает умерших и живых. Его члены могут насчитать по именам до семи и более поколений предков и чувствовать себя в их компании. Ачера рода, его эпоха патриархов относится к тем далеким временам, когда рода еще не было, когда основатель еще не вышел из древней родины, не отделился от братьев-основателей других родов. У человека же XX века родовые воспоминания не идут дальше бабушек и дедушек. Память рода заменена памятью нации и государства, зафиксированной в учебниках. Соответственно, история кончается на бабушках и дедушках или (чаще) на каком-то крупном событии — Октябрьская революция, вторая мировая война и т. п. До этой границы что-то меняется, происходит, за ней наступает цивилизованная реальность с обыденными кухонно-карьерными хлопотами. Пространство твердеет, время прекращает свой бег.

Есть случаи особого рода, когда граница между мифическим и реальным временем не бежит за поколением Эго, а застревает на месте. Тогда народ вообще выпадает из времени и пространства, из истории перемещается в вечность. Индийцы умудрились сделать это раньше всех. Их история кончилась эпосом — Махабхаратой и Рамаяной. Дальше пошла философия в чистом виде — ни хроник, ни летописей, одни философские трактаты. Прошлое индийцы припоминали (каждый индивидуально) в виде череды предыдущих рождений.

Евреи, которые считаются корифеями исторического сознания, утратили его со смертью последнего пророка. За Ветхим заветом для них начался Талмуд — царство закона и вечных категорий. В собственно же еврейской культуре история осталась в тех временах, когда Бог через пророков диктовал ход вещей, когда значимость всего происходящего была очевидна. Сам закон из истории переместился в вечность: уже не с передачи Моисею на Синае, но с начала творения была его жизнь. Всегда — заповеди, всегда — праздники, все всегда — в ожидании прихода мессии и конца реального времени. А в реальном времени даже пространства нет — страна Израиль не вполне существует для правоверного еврея, хотя можно совершить паломничество и даже поселиться там. Ей еще предстоит выплыть из небытия.

Иногда (как у японцев в IX веке) время останавливается на несколько столетий. А. Мещеряков пишет по этому поводу: «...Оттеснение служилой знати (как местной, так и иноземного происхождения) на второй план, герметизация правящего класса, поддерживаемая системой сакральных генеалогий, его абсолютная стабильность приводят к тому, что государство (двор) теряет интерес к историческим формам самопознания. Перестают составляться официальные исторические хроники, ибо стабильное настоящее, считавшееся проекцией далекого прошлого, не давало повода к новым трактовкам истории и мифа». Это был японский «Большой застой».

Время, застрявшее позади Большого застоя, все более отдаляющееся от живущих, это время теряет реальные черты. Оно перестает быть историей и становится мифом. И наоборот, с ликвидацией застоя, когда граница между реальностью и прошлым вплотную приближается к поколению Эго, история изгоняет миф. Прошлое одевается плотью и кровью. Место сказочных героев занимают обычные люди, стихотворный эпос переводится в прозу. Так возникает историческая наука. В Греции логографы, изложившие родовые сказания в прозе, следовали за Гомером и Гесиодом. В Израиле не дошедший до нас стихотворный эпос был замещен древнейшими книгами Библии — Пятикнижием. Отец же истории Геродот описывал события уже почти своего поколения — греко-персидские войны, увязывая их со всем прошлым противоборством Европы и Азии. Эвгемеру осталось сделать последний шаг — превратить богов в древних царей.

Историческая наука как бы балансирует между неистинностью настоящего и нереальностью прошлого. В настоящем все правдоподобно, здесь нет чудес и героев. Отбрасывая свет на прошлое, современность и оттуда изгоняет миф. Но настоящее не ощущается современниками, не имеет субстанции, оно — как мелькание несоединимых точек, как зерна из апории Зенона, никак не могущие образовать кучу. Напротив, прошлое вполне серьезно и исполнено глубокого смысла. Оно красочно и многоцветно, оно «романно». Мы живем в призрачной реальности и наблюдаем тяжелые, плотные тени прошлого на беленой стене. Мы смотрим исторический фильм.

История как наука рождается, когда само настоящее вдруг делается необыкновенно важным и серьезным. Греко-персидские войны родили «Историю» Геродота, царствование Давида пробудило Библию — началась запись древнейших книг. У греческих и римских историков со времен Геродота и Фукидида именно изложение великих событий современности (а не пересказ прошлого) считалось почетнейшей задачей.

Но записанная в книгу современность овеществляется, отчуждается, делается прошлым. В сознании обывателя и даже самого историка события — объект, удаленный от него самого, даже если они произошли сравнительно недавно. Субъективная грань между реальным и историческим временем не исчезает, она только приближается на минимальное расстояние к поколению Эго. При полном свете истории, в окружении исторических кафедр и журналов люди продолжают жить в своем призрачном неисторическом мире, где покупка дивана важнее «исторических решений партии и правительства».

Нельзя сказать, что это вполне устраивает обывателя. Суета и легковесность жизни, отсутствие в ней глубинного смысла заставляют пробиваться к тяжелым пластам прошлого, укоренять себя в почве, чтобы хоть немного приподняться над ней. Как же сделать это «взаправду», на эмоциональном, личностном уровне? Есть простой рецепт — участие в праздниках и обрядах. Слиться с тенями полузабытых предков, отождествлять себя с богами, некогда умершими и воскресшими. Вместе с тотемами абориген путешествует по австралийской пустыне, вместе с Дионисом эллин переживает страсти. А потом возвращается в свою лавку.

В еврейской пасхальной Агаде сказано: «В каждом поколении всякий еврей обязан смотреть на себя, как будто он сам освобожден из рабства египетского... Не одних только отцов наших освободил Пресвятой, да будет он благословен, из Египта, но и нас вместе с ними избавил...» В День Победы, 9 Мая, диктор напоминает телезрителям: это они были спасены солдатами в 1945 году — и те, кто жили тогда, и те, кто родился позже. Так же походы по местам славы, паломничества, посещения пушкинских мест оживляют безликое застойное пространство, делают его значимым. Недаром процессия — древнейший элемент мистерии.

Конечно, современный человек с трудом поддается чарам праздника и обряда. Его мифическое время скрывается и открывается ему в триллерах и «мыльных операх». Чаще всего оно совсем не связано с прошлым. Но оно дает шанс на биографию.

Персонажи истории и мифа имеют богатые биографии. В реальном же времени биографий нет — есть только анкеты. Даже члены ЦК и Политбюро обходились без описания своих страстей, подвигов и помыслов — таков дух Большого застоя. С рождением литературной биографии умирает биографичность простых людей. Родовой человек еще мог почувствовать свою жизнь в цепи предков и потомков, а потому — значимой и достойной эпического рассказа. Греки и римляне уже отдали всю честь жизнеописания царям, философам и знаменитым разбойникам. Поэтому пробиться к собственной судьбе, к персональной экзистенции,

к значимости своего биологического времени простой человек может, лишь отождествляя себя с героями Плутарха или Юлиана Семенова, который учит «не думать о мгновеньях свысока», то есть ловить экзистенцию.

Но как бы ни бились в восторге мисты, как бы ни погружались в роман читатели, как бы ни ощущали верующие судьбу своих богов, все же грань между реальностью и историей, реальностью и мифом различается весьма четко. Река Стикс разделяет два мира, и злой Цербер охраняет границу, чтобы живые не вошли в мир теней и тени не вернулись на землю. Даже в самый разгар светлого римского праздника Сатуриалий, когда господа прислуживали рабам в память о первобытно-коммунистических временах Сатурна, даже тогда рабы знали, где они живут сейчас. И возвращение праздника каждый год не делало время цикличным, ибо прошлое — лишь тень на стене, а жизнь — в глубине пещеры. Также и обещания светлого будущего — прихода мессии, построения коммунизма — не делали время линейным. Коммунизм сам по себе, а карьера (или покупка дивана) — сама по себе. Планирование личной жизни не имеет никакого отношения к планам партии или к ожиданию Спасителя.

Все это, конечно, при условии, что Спаситель или партия не вторгаются непосредственно в личную судьбу и не ставят человека вверх тормашками. Похвальная уверенность обывателя, что история лично к нему никакого отношения не имеет, эта уверенность не вполне основательна. Время, спрятавшееся от человека в роман, в учебник истории, в храм или театр, это время может вырваться из заточения, взяв себе в союзники взбесившееся пространство.

В такие моменты рождалась история как наука, но в подобные же времена она умирала, не выдержав разрушения упорядоченной, цивилизованной — пусть и неистинной — реальности и страшного срыва в архаику, в миф.

Мне приходилось изучать этот процесс на материалах византийского Египта V—VII веков. Сознание египтян и египетских греков пребывало в панически-романтическом состоянии, судя по их письмам, прошениям и прочим папирусным обрывкам. Если прежде символом веры был закон, охранявший праведных бедняков от неправедных богачей, то теперь, в V—VII веках, на место закона встала *перипетия* — перелом от несчастья к счастью или от счастья к несчастью. Она переживалась и отдельными людьми, и деревней, и провинцией Фиваида, и всей империей ромеев.

Познавалась же перипетия с помощью аналогий и аллегорий. Обыватели видели себя то распинаемым Иисусом, то христианским мучеником, то древним израильтянином, ограбленным медианитянами, то персонажем приключенческого романа. Судьба собственной деревни описывалась в духе всемирной истории — от грехопадения до прихода Спасителя. Не только граница между настоящим и прошлым, но и граница между литературой и жизнью стала совершенно прозрачна. До такой степени простой человек мыслил себя литературным героем, персонажем биографии, что не боялся в официальных документах рассказывать самые интимные и скандальные моменты своей жизни с множеством подробностей.

В пору крушения империи и сознание катастрофично. Свою провинцию, свою деревню египтяне называли «несчастными». Преступления, леденящие душу, записывались в прошениях. И рядом — возвращение к эпическим, ветхозаветным сюжетам, спокойное переживание мерного хода поколений. Не меняющийся, чинный и расклассифицированный мир Римской империи уступил место эпическому и поэтическому миру ранней Византии.

И вот другая империя рухнула на наших глазах. Ее называли «империей зла», но это был достаточно чинный и упорядоченный мир. Ничто не предвещало катастрофы, кроме нарастающего желания вновь оказаться в истории, кроме неожиданного ощущения своей включенности в какой-то грандиозный процесс. Ненависть к истории, одушевлявшая прошлый «конец века», получила зеркальное отражение в любви к истории у людей застоя. Фотографии Сталина на ветровых стеклах, оживление «русской идеи», апокалипсический трактат Амальрика — все это звенья одной цепи. И не начал ли и Горбачев свои реформы с лозунга «Возвращение к корням»?

То, что произошло далее, напоминало вторжение призраков. Призраки Молотова и Риббентропа явились на балтийские и днестровские берега. Призраки царской семьи встали из уральских болот. Воспоминания о ГУЛАГе, о депортации народов, об унижении казачества...

Страна распалась, не выдержав тяжести собственной истории.

Ожило не только время, но и пространство и, ожив, немедленно начало разбегаться в разные стороны. Бесцветная плоскость великой страны покрылась множеством экзотических картинок. Такое уже было почти восемьдесят лет назад.

Европа Цезарей! С тех пор как в Бонапарта
Гусиное перо направил Меттерних,
Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственная карта.

Только-только утвердившая принцип легитимности, принцип нерушимости границ и режимов, Европа вновь возвращается к 1914 году, когда О. Мандельштам писал эти строки, а может,— к 1918, когда готовился Версальский мирный договор. Старые споры между сербами и хорватами, между армянами и азербайджанцами делают историю живой.

И не только «большие» пространство и время начали жить. Миллионы беженцев меняют свое пространство. Каждый маленький человек утверждает свое время. К нему возвращается право на биографию вместе с актуальностью страстей, возможностью пролить свою кровь на страницы истории. Это уже не анкета, не отбывание срока жизни. У Аксенова есть великолепная фраза из эпохи застоя: жизнь сокращается — стаж растет. Теперь стаж потерял значение, жизнь наконец-то стала важнее стажа. И чтобы не сгинуть без остатка, человек включает себя в сеть предков, извлекает из сундуков дипломы и дворянские грамоты столетней давности, старается прибиться к роду и нации.

Меняется и качество будущего. Реальное время превращает будущее в абстрактную категорию. Когда-то оно, конечно, осуществится — будет построен коммунизм, придет второй раз мессия,— церковь или правительство могут обещать это даже при жизни нынешнего поколения или, поостыв, перенести подальше, в любом случае обыватель занят своими делами и твердо уверен, что ни второе пришествие, ни потоп еще не актуальны. После нас, после поколения Эго,— сколько угодно.

Но стоит исчезнуть грани между реальностью и мифом, между настоящим и его предысторией, как будущее придвигается вплотную. Так в пору поздней античности отмечали иссякновение плодородия и земных недр, так ныне экологическая катастрофа кажется уже начавшейся. Экзистенциальное время эсхатологично. Строго говоря, оно являет собой откровение в грозе и буре, открытие шлюзов из прошлого и будущего в настоящее.

Есть и конфликт между рационализмом экзистенциального времени и его иррациональностью (Бердяев писал о конфликте между рациональностью и иррациональностью всякой революции). Это время — время познания и осмысления, но осмысливать приходится то, что успело умереть и стать мифом. Мифу может сопротивляться героическое в своем самоконтроле сознание. Но реальное время, например реальный социализм, способствует скорее опустошению душ, чем душевной твердости.

Вторжение призраков в реальную жизнь еще не кончилось. Грядет видение безвременно почившего застоя. Воспоминания о его комфорте мешаются с дикими, обрывистыми фразами из мертвых учебников — от роли пролетариата до происков империализма и требований социального равенства. Нацизм с его упором на «кровь и почву», а следовательно — на историю, толкается в двери. И тяжелая, трусливая ненависть к истории закипает в груди.

Не пора ли остановиться? Не пора ли выстроить вновь перегородку между чистеньким и теплым реальным миром и страшным миром истории и мифа? И жить за этой перегородкой, как живут все нормальные люди. Долой историю! Этим подражанием Заратустре (или Обезьяне Заратустры) я и заканчиваю статью. ●

Г. Померанц

До основанья, а затем...

Каждую свою речь в сенате Катон кончал словами: Карфаген должен быть разрушен.

С этими словами я встречал новый, 1953 год. У нас было припасено на четверых два пол-литра в бутылках, поллитра в пузыре для льда (так легче пронести в зону) и бутылочка коньяка поменьше (не помню, 0,375 или 0,250). Жили мы в разных бараках. Женя Федоров, кочегар электростанции, бывший студент; Алексей Николаевич Кузнецов, машинист электростанции, бывший подполковник артиллерии; Исаак Моисеевич Фильштинский, учетчик биржи готовой продукции, бывший старлейт, военный переводчик. Четвертым был я. Сперва заходили в барак к одному, распивали бутылку, читали стихи, кто какие помнил, потом выходили на морозец. Бутылку — в сугроб (весной один из надзирателей, человек бедный и многосемейный, собирал эти улики). И — в следующий барак. Последние месяцы 1952 года мы много спорили о судьбе отечества, так что я придумал тост, чтобы всех соединить: Carthaginem delendam esse. По-латыни стукач, если и расслышит, не поймет.

И вот теперь Карфаген рухнул. Некоторые мои читатели удивились, что я написал о смерти империи с грустью (как, впрочем, положено о покойном: aut bene, aut nihil). Хотя сам поставил диагноз неизлечимой болезни еще лет двадцать тому назад. Мои украинские друзья, перепечатывая из «Литературной газеты» «Надгробное слово империи», назвали текст парадоксальным. Я этой парадоксальности своей мысли не замечал, но, возможно, они правы. Не люблю долго идти по одной колее и обычно созерцаю по меньшей мере две несовместимые идеи сразу (одну пишем, другая в уме). Если созерцание логически несовместимых идей — парадокс, то я мыслю парадоксально. Впрочем, вовсе не потому, что люблю играть оксюморонами, просто я вижу в ином парадоксальном высказывании прорыв в глубину. Если это игра, то серьезная игра, вроде игры на скрипке, а не в домино.

Прямолинейная логика кажется мне чем-то вроде софизма «негр», только софистичность ее не сразу видна. Негр черный? Да. Совершенно черный? Да. Значит, зубы у него также черные. Представьте себе на минуту, что мы в жизни не видали негра, даже на картинке. Или что разговор идет о предмете, менее очевидном, чем негр. Советская власть плохая? Да. Совершенно плохая? Да. Значит, вернемся к досоветской конституции Азербайджана, по которой никакой автономии Нагорного Карабаха не было. Вернемся к досоветской конституции Грузии, по которой не было никакой автономии осетин и абхазцев. Это совершенно логично и соответствует нормам международного права. Так же как дискриминация русскоязычного населения Эстонии. Будем строго исходить из незаконности всех актов, принятых после 1940 года. Эстонское правительство, находившееся в эмиграции, не приглашало русских, украинцев, белорусов, евреев, приехавших в Таллинн после 1940 года, и не предоставляло им прав гражданства, а давность зла (пребывание оккупантов в стране) не превращает зла в добро. Точно так же, как 40—45 лет проживания в чужом доме не дает на него никаких прав. Эстонец, приехавший из Швеции, вправе выгнать эстонцев, поселившихся в брошенном строении: право собственности священно и неприкосновенно. Да здравствует право, хотя бы мир погиб!

У совершенно черного негра зубы, по идее, черные. То, что они белые, — парадокс. А если мы согласимся с этим парадоксом, то, пожалуй, примем и следующий: худой советский мир все же лучше доброй карабахской ссоры.

Гораздо раньше меня — лет на двадцать — диагноз империи поставил Георгий Петрович Федотов, с еще большим чувством боли (он хотел сочетания империи и свободы, хотел России единой, неделимой и вольной, но понял, что это невозможно, что идея империи умерла, что конец второй мировой войны — это смерть всех империй). Ему было больно, хотя он не был современником Сумгаита и не видел по телевизору убитых и искалеченных граждан бывшей империи. Больно было даже мирно переходить от империи к содружеству наций вроде британского. Но не вышло и этого. Мы не преобразовали империю, мы ее самым дурацким образом развалили и теперь сорок лет будем бродить среди обломков.

Слишком долго мы пели: до основанья, а затем... Затем, казалось энтузиастам, будет чистое добро: многопартийность, рынок, свобода культуры... И когда это не вышло, люди стали кончать с собой. Так кончали с собой пламенные коммунисты после перехода к нэпу.

У меня этого надрыва не было и нет. Я просто не ждал торжества разума. Ждал хаоса и готов долго жить в хаосе.

После возвращения Сахарова, поверив в серьезность перестройки, я набросал схему трех препятствий на ее пути: 1) сопротивление аппарата; 2) сопротивление социальной структуры; 3) сопротивление национальных страстей. По первоначальной оценке, перестройка может преодолеть первый порог, забуксует на втором и потерпит крушение на третьем. Я имел в виду не крушение империи — это входило в мое понимание нормы, но сопутствующие вспышки вроде декабрьской 1986 года в Алма-Ате. Такова была оценка социолога. Как историк я допускал чудеса и ожидал чуда. Таким чудом считаю провал путча, а нынешнее состояние — чем-то вроде периода богооставленности после нечаянной благодати.

На сегодняшний день катастрофы оказались локальными. Москвичи смотрят на них по телевизору. Остальное зависит от личной чувствительности. В среднем она не очень велика. Возможно привыкание к карабахскому и т. п. смертоубийствам. Однако такая привычка очень опасна. Невмешательство в сумгаитский погром и в дальнейшие конфликты было больше чем преступлением — это ошибка, быть может, роковая. Исправить ее сейчас трудно: надо заново создавать общесоюзные структуры. Демократические силы смогли победить только в блоке с движениями, отмеченными печатью «национальной озабоченности» (мой термин) или «этнопаранойи» (термин А. Зубова). Национальные страсти стоят сегодня на пути любых разумных соглашений.

Вернемся теперь к двум первым препятствиям. Номенклатура, проиграв генеральное сражение в августе 1991 года, перешла к партизанской войне. Запретив компартию, Ельцин разрушил партократическое государство и вынужден был импровизировать администрацию с теми же партийными кадрами, саботирующими на каждом шагу, или с временщиками из партии КВД (Куда Ветер Дует). Кто из них более коррумпирован, не берусь судить.

Диссидентство победило морально, но не политически. Оно было движением небольшого кружка, рассеянного репрессиями, и смогло выдвинуть на политическую арену только несколько человек (в России — Сахаров, Ковалев). Большинство демократов, пришедших к власти или борющихся за власть, — Ракитины (семинарист-карьерист из романа «Братья Карамазовы»). Элементарно честные люди составляют меньшинство; и в этом меньшинстве заметнее всего «бернары» (тот же роман), теоретики, запрограммированные своей теорией. Не хватает способности к диалогу и сотрудничеству в своем же лагере. Между тем борьба добра со злом уступила место спорам самолюбивых лекарей, чье снадобье лучше, и необходим консилиум. Манихейское черно-белое мышление становится формой продолжения коммунистической ментальности.

Для понимания инерции социальных структур важно, что наша страна жила в Утопии на поколение дольше других. Только девяностолетние старцы помнят нормальную жизнь. Переход к норме выглядит насилием над естеством. Десятки миллионов людей привыкли к авторитету Ленина, к зависимости от государства, к уравнительному распределению, к сочетанию лени, халтуры и воровства. Такова же и система отношений между заводами, трестами и другими хозяйственными единицами. Многие предприятия так же не способны существовать вне советской социалистической экономики, как и их сотрудники — лодыри, несуны и алкаши. Обвальная приватизация привела бы к обвальному банкротству. Толпы обездоленных людей, одновременно выброшенных на улицу, бросились бы вслед за Жириновским назад, в красно-коричневый тупик. Эту опасность надо иметь в виду и предоставить инертным массам возможность состариться и выйти на пенсию.

Мне хочется повторять, как некогда заклинание Катона, парадокс Нильса Бо-

ра: поверхностной истине противостоит ложь, глубокой — другая истина, также глубокая. В социализме была идея, которую нельзя истребить: социальная защита слабых. Лариса Пияшева не права, обвиняя Гавриила Попова в социалистических симпатиях (ЛГ, 1992, 9 сентября). Во всяком случае, это не симпатии к той разновидности социализма, которую немцы назвали «центрально-административной системой» (а Попов — «командно-административной»). То, что он проводил (льготы пенсионерам, субсидии матерям) — это нормальная практика в рамках «социального рыночного хозяйства» (даю опять кальку с немецкого: социально-политическая терминология ФРГ довольно точно передает суть дела). Экономическая эффективность невозможна без устойчивого порядка, а устойчивый порядок — без социальной защиты. И наоборот: социальная защита неэффективна, если экономика неэффективна.

Кто самее — папа или мама? Детский вопрос. Взрослый над этой метафизической проблемой не думает, а раз в четыре года практически решает, кому дать больше воли, «папиному» или «маминому» началу. Я был в Висбадене во время выборов 1990 года. Они прошли поразительно спокойно. В городе Висбадене по-прежнему остались у власти социал-демократы (сторонники расширения льгот), а в земле Гессен — христианские демократы (сторонники сужения льгот). Или, говоря высокопарным слогом, сторонники социализма и противники социализма. В плюралистическом обществе они мирно сотрудничают. Искоренение противника («...до основанья, а затем...») никому не приходит в голову. Так же как уничтожение того или другого плеча коромысла.

Всякий принцип, последовательно проведенный до истребления противоположного, превращает коромысло в обломки. «Слишком много сознания — это болезнь», писал Достоевский в «Записках из подполья». Я думал над «Записками» более полувека и убежден, что «сознание» здесь означает такую вот последовательность, такую верность принципу, такую склонность выстраивать логические схемы и подчинять им жизнь. Чтение «Записок» в 1938 году вбило глубокий клин в мое рационалистическое миросозерцание. Не скоро сказка сказывается, но в конце концов процесс вывел меня за пределы любого рационализма. Какой там марксизм! Марксизм — частный случай. Любая рационально построенная система видится мне сегодня как движение по касательной к потоку бытия. До известной меры отход логики от бытия можно игнорировать и практически пользоваться схемой, но всегда надо ждать подвоха. А для понимания смысла жизни..

Мне не хватало философской культуры, чтобы сразу это высказать, но я с восторгом принял тезис Витгенштейна из его «Логико-философского трактата» (изданного у нас в 1958 году): «мистики правы, но их правота не может быть высказана: она противоречит грамматике». Из контекста ясно, что «мистика» — это не оккультизм, не парапсихология, а чувство целого, чувство реальности Целого Вселенной. Это целое таинственно не потому, что спрятано; напротив, оно открыто, как солнце в ясный полдень. Но глаза нашего разума неспособны глядеть на Целое в упор. Все, что мы можем сформулировать рационально, уводит по касательной. И потому, как только мы ухватились за принцип, надо подумать о противоположном, о противовесе, чтобы в миг, когда принцип заводит в пропасть, отбросить его и ухватиться за антоним. Как хороший врач, выписывая лекарство, знает, что рано или поздно оно даст противопоказания, и заранее готовится к этому, заранее обдумывает, как повернуть, чтобы из Сциллы не попасть в Харибду.

Решение многих частных задач дается безоговорочно примененному методу, но никак не лечение глубокой болезни, захватившей весь организм. Любой метод и любая система не ведут к целостной истине. Нельзя методически понять Сикстинскую мадонну, «Троицу» Рублева, «Евгения Онегина», самого Пушкина. И не только Россию — никакую страну нельзя измерить общим аршином. Хотя измерять можно.

Всякое измерение — еще одна касательная к жизни. Их может быть много, и каждая где-то близка к жизни, но целое нельзя втиснуть в логически упорядоченную модель, метамодель и метаметамодель. Даже молекулу посложнее, органическую молекулу, приходится мыслить как резонанс нескольких структур. (Эту теорию, созданную Я. Сыркиным, ругали в сороковые годы как антимарксистскую.) Кажется, сейчас теория резонанса общепризнана. Между тем общество на несколько порядков сложнее молекулы. Какая же нужна теория, чтобы руководить процессом перемен! Думаю, что лечить общество не легче, чем лечить больного человека, и одних приборов и расчетов недостаточно. Нужно чутье хорошего врача.

Мы все, наследники средиземноморской цивилизации, склонны резко разводить свет и тьму, добро и зло. Свет — добро, тьма — зло, дух — свет — добро; материя — тьма — зло. Из этого логически следует вывод Мани: надо совершенно умертвить плоть и высвободить дух. Основные монотеистические религии осудили эту крайность — вопреки логике, следуя чутью истины, но логику они не переменили, и какие-то корешки манихейства можно проследить и в иудаизме, и в христианстве, и в исламе. Эти корешки заходят очень глубоко, в древние цивилизации, сложившиеся на краю пустыни, с резким переходом от возделанных полей к бесплодным пескам. И Аристотель только подвел итог, сформулировав закон исключенного третьего: либо S есть P, либо S не есть P; третьего не дано.

В Индии нет закона исключенного третьего. Там допускается пять правильных суждений:

S есть P
S не есть P
S есть и P и не P
S не есть ни P, ни не P
S неописуем.

В ряде практических случаев закон исключенного третьего хорошо работает. Или я подписался на журнал или нет. Или вы должны мне деньги или не должны. Третьего не дано. Но возьмем случай посложнее:

Раскольников добр
Раскольников не добр
Раскольников и добр, и не добр
Раскольников ни добр, ни не добр
Раскольников неописуем.

Убить двух женщин, а потом отдать все свои деньги Мармеладовым, полюбить Соню, раскаяться, преобразиться — все это в аристотелевскую логику не укладывается. Точно так же не укладывается в аристотелевскую логику вся история. Хотя многим в России (и не только в России) свойственно стремление уложиться в окончательную формулу.

Чтобы освободиться от болезненной склонности к принципам, требующим истребления тьмы, зла и т. п. до основанья, полезно высунуться за средиземноморский забор и заглянуть в другие цивилизации. Мы уже заглянули в индийскую логику и освободились от слепой веры в закон исключенного третьего. На Западе эта вера заколебалась в последние сто лет, но до сих пор еще держится. Какую-то новую степень свободы может дать и Китай. Хотя бы тем, что китайская метафизика начинает не со света, а с тьмы и тумана. Лао-цзы, восхваляя дао, восклицает: «О неясное! О туманное!» Средиземноморский автор сказал бы: «О пресветлое, о блистающее!»

Чтобы понять, как китайцы и японцы чувствуют туман, надо вглядеться в китайский свиток периода Сун (или японский периода Муромати). Туман там значит примерно то, что фаворский свет в «Преображении» Феофана Грека: это дыхание вечности. Туманное, зыбкое, текучее инь ближе к неименованному, туманному дао, чем ясно очерченный мир ян. Зыбкое, текучее порождает твердое, женщина рождает, творит из своего тела и духа мужчину со всей его твердостью.

Первичное значение инь и ян — влагалище и детородный член. Но вокруг этих простых вещей собрались ассоциации и вышли символы: инь — женственное, порождающее, текучее, туманное, темное, иррациональное; ян — мужское, твердое, ясно очерченное, небесная твердь, светлое, рациональное... Свет и тьма здесь не противостоят друг другу и не стремятся победить один другого. Они живут в браке. Символ целого — инь и ян как два головастика, светлый и темный, вписанные в круг. Идеальным мыслится не торжество света над мраком, а гармония инь и ян. Зло — не то или иное начало, а нарушение гармонии. Но эта гармония текуча, подвижна. За усилением инь следует усиление ян. Эпохи преобладания инь и ян чередуются, как взмахи маятника. Конфуций и его ученики выше ставили ян. Это связано с морализмом, со стремлением четко отделить должное от недолжного. Даосы (и буддисты школы чань, близкой к даосизму) больше верили интуиции Целого, пробуждающейся, когда стерты все различия. Но культура принимала колебания инь — ян как общий закон бытия.

Западная мысль последних веков была прикована к накопляющимся, нарастающим изменениям, приписывая им характер прогресса (движения от плохого к хорошему). Кризисы XX века повернули внимание к другим изменениям — циклическим и маятниковым. Готовых категорий наподобие инь — ян в европейской культуре не было, и возникли новые. Габриэль Марсель и Эрих Фромм разработали дихотомию «иметь» и «быть». Эти глаголы описывают два универсальных отношения человека к жизни, охватывающей и физическое бытие человека, и смысл его существования. «Иметь» рационально, делится на части (можно иметь много и мало); «быть» иррационально и неделимо (нельзя наполовину, на три четверти быть, или вы

живы или нет; или вы породили новую жизнь, или нет; только в шутку можно быть «чуточку беременной»). Замечательно, что евреи назвали своего Бога Сущим (в противоположность ваалам, «хозяевам» отдельных гор и долин).

Однако в работах Марселя и Фромма нет ясно выраженной идеи гармонии «иметь» и «быть». Оба автора полемичны, оба восстают против разрушения бытия в погоне за обладанием. Более уравновешена (и в этом смысле ближе к духу инь — ян) концепция Виктора Тернера. Мир «иметь» он назвал «структурой», мир «быть» — «коммунитас» (общением в духе). Всякая недооценка того или другого мыслится как причина кризиса.

Каждая из этих моделей имеет некоторые достоинства. Китайское мышление в духе инь — ян было превосходно на средневековом уровне, но не дало выхода к точным наукам. Точные науки, могучие в обладании природой, оказались неспособны предвидеть экологический кризис и разрушали душу, пытаясь познать ее.

Я считаю огромным пробелом в высшем образовании, что и у нас, и на Западе практически почти никто, кроме специалистов, не знает даже азов великих восточных цивилизаций. Чтобы выйти из кризиса конца второго тысячелетия, надо владеть всеми основными формами мысли, созданными человечеством, и созерцать их не как несовместимые «культурные круги», а как ипостаси, как создания единого духа, соединенные «неслиянно и нераздельно». Тогда интуиции нового легче будет выбирать, на какую из старых опор она может опереться.

На пути к этому две трудности (которые, впрочем, сводятся к одной). Во-первых, сциентизм, то есть убеждение, что во всех случаях нужен только научный метод; и во-вторых, чрезмерная ревность в вере, боязнь оскоромиться, познакомившись с великими традициями, не вошедшими в раннехристианский синтез. О предрассудках сциентизма уже было сказано. Но религиозный страх Востока — тоже предрассудок. Это страх потерять веру, оторвавшись от перил богословия. Много ли стоит такая вера? А если суть веры — любовь к Христу (как в символе веры Достоевского), то куда она денется? Вера ранних христиан отлично сочеталась с неоплатонизмом, и нет никаких мысленных препятствий к другим сочетаниям — только сопротивление привычек. Привычек разума, не научившегося одновременно удерживать в голове разные, логически не связанные и иногда несовместимые концепции — и интуитивно угадывать, когда что к месту, когда какая помогает выразить новую мысль. И здесь сциентизм и церковный консерватизм грешат одним и тем же: им нужен метод. Им недостаточно живого чувства целостной вечности. Из которого рождается истина.

Не все на свете можно методически продумать и сосчитать. Не все укладывается в цифры, даты, принципы, догмы. Сколько будет: божий дар плюс яичница? Церковь плюс рынок? Два, но чего?

Божий дар и яичница, эффективность экономики и социальная защита, рынок и культура плохо складываются. Существуют практические примеры, наработанные опытом, как их уравновешивать, но точное решение здесь невозможно. Целое всегда ускользает от точной мысли, прячется в ассоциациях и парадоксах. Целое — как цветок, к которому нельзя подъехать вплотную по железнодорожной колее или по автостраде. Надо пойти пешком, выйти из полосы отчуждения и хоть немного пройтись по бездорожью.

Как бабочка подлетает к едва распустившемуся цветку?

Бодхидхарма говорит: я не знаю.

И Сократ не знал. Дельфийский оракул назвал его за это мудрейшим из греков. Восточная мудрость сходится с европейской.

Истина целого — это истина сократовского незнания. Оно высказывается в ассоциациях, парадоксах и притчах и раскрывается в диалоге. То, что я отстаиваю, — это открытость к парадоксу и диалогу. Но я чувствую, что читатель требует от меня алгоритма. Читатель мыслит по обычаю старого французского двора: «Король умер. Да здравствует король!» Не годится один метод — давайте другой! Давайте парадигму!

Ну что ж, извольте. Шел по дороге пророк Иса с учениками... Это суфийская притча, и Иисуса именуют по-мусульмански. Итак, шли они и видят — лежит на обочине дохлая собака. Ученики отвернулись от мерзости. А пророк Иса посмотрел на собаку и сказал: «Какие у нее прекрасные белые зубы!»

Эта притча попалась на глаза Гете и вошла в его «Диван». Потом на дохлую собаку ссылался и Гегель, и кто-то из столпов марксизма.

Так что и мне впору сказать: зубы у дохлой собаки — белые. И у совершенно черного негра — тоже. ●

ВО ВСЕМ МИРЕ

Звезды, «оторвавшиеся от строя»

Телескоп, установленный на борту американского космического аппарата «Хаббл», зафиксировал существование двадцати звезд необычного типа, именуемых «голубыми, оторвавшимися от строя». Все они находятся в центре тесного звездного скопления Тукана 47, в 15 тысячах световых лет от нас.

«Голубые, оторвавшиеся от строя» — это высокотемпературные звезды, выглядящие очень молодыми, несмотря на то, что расположены они в такой области Вселенной, где, судя по всему, находятся лишь куда более древние объекты.

Это явление изучается в США, в Институте космических наук имени Хаббла. Здешние специалисты пришли к заключению, согласно которому эти странные для своего места звезды образуются при столкновении между собой звезд значительно большего возраста.

Очевидно, именно таким, кажущимся маловероятным способом могут возродиться молодые, «полные энергии» звезды в удаленных просторах мироздания. Каждый такой «голубой юнец» обладает массой, превосходящей во много раз массу любой другой звезды, населяющей то же скопление.

Уникальная карта

В последнее время небольшие группы ученых из разных стран ежегодно отправляются в экспедиции по вырождающимся тропическим лесам, чтобы документально оформить все найденные ими виды растений и животных. Убежденные в том, что больше им не придется наслаждаться неторопливой исследовательской работой, некоторые из этих групп в духе времени пользуются методом «скоростной оценки» при сборе материала, который они добывают в малоисследованных участках леса за месяц-полтора. Международный союз по охране природы, одним из первых применивший метод скоростной оценки, планирует в ближайшие три года совершить около дюжины таких рейдов. Во время первого путешествия по Западной Боливии ученые обнаружили невероятное разнообразие форм жизни, которое когда-либо находили так далеко от экватора. Собранный материал будет использован для составления уникальной карты растительности.

Необычное задание

На юге Англии, в городе Севеноукс, стоит старинный дом, построенный, скажем прямо, давненько, что-то между 1456 и 1486 годами. Принадлежал он лордам Саквиллам. В 1946 году очередной его владелец передал дом британскому Национальному тресту. Ныне сотрудников треста беспокоит безопасность его двора, поскольку известно, что здесь под землей находится резервуар, наполненный водой. К тому же не ясно, что именно поддерживает основание брусчатки двора.

Обследовать резервуар пригласили группу водолазов из местного клуба любителей подводного плавания. Задание было несколько необычным для них, но интересным. Оказалось, что под настилом двора находится большое помещение глубиной почти три метра. А поддерживается покрытие двора каменными классическими арками, находящимися под водой. По мнению специалистов, открытие представляет собой огромный исторический интерес. Заодно было выяснено, что и зданию, и его двору, простоявшим более пятисот лет, пока ничего не угрожает.

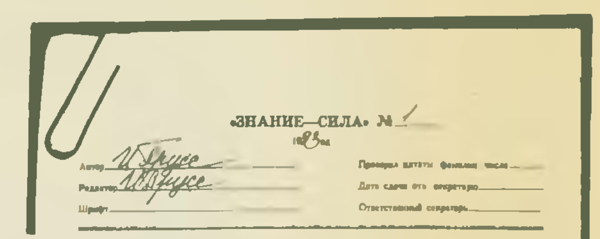
Поднимем бокалы за холестерол!

Наконец наука предложила такой способ уменьшения количества холестерола, который является скорее удовольствием, нежели неприятной диетой,— умеренное потребление красного вина. Французские исследователи утверждают, что красное вино значительно уменьшает количество АДЛ — холестерола (липопротеина с низкой плотностью) в крови и одновременно повышает защитный ХДЛ (липопротеин с высокой плотностью), который очищает артерии от жировых скоплений. Что же касается водки или белого вина, то подобных положительных эффектов при их употреблении исследователи не обнаружили. Причина очевидна: компонент, влияющий на содержание холестерола в крови, находится преимущественно в кожуре винограда, а ее при производстве белого вина выбрасывают.

Потепление губит кораллы

Многие из коралловых рифов находятся сейчас в плохом состоянии. Возможно, это ранний признак глобального потепления. В связи с повышением температуры морской воды кораллы начинают «выплевывать» водоросли, живущие в их тканях, которые обеспечивают им питание. Без водорослей коралл теряет свою окраску и становится бледным. Ученые называют это явление «отбеливанием». Без источника питания коралл прекращает рост. Хотя фатальный исход наблюдается только в десяти — пятнадцати процентах случаев, обесцвеченные кораллы менее способны противостоять дальнейшему потеплению воды, считает Джереми Вудли, директор Лаборатории восстановления морских обитателей на Ямайке. Еще в 1983 году ученые подтвердили широко распространившееся обесцвечивание кораллов в Тихом океане, когда жестокий ураган Эль-Ниньо вызвал сильное потепление воды в океане, а в 1987 и 1990 годах это наблюдалось в Карибском море, у берегов Флориды и у Бермудских островов.

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Как Пряхин искал свою личность

Студента Пряхина сильно обидела девушка. Он считал, что он ее любит, а она назвала его серым. Сказала, что он — не личность. «Личность» она всегда произносила как бы с большой буквы, почти с придыханием, и потому было особенно обидно.

Пряхин все равно пока считал, что он ее любит, и потому задумался о том, что такое «личность». Он думал целых две лекции подряд, потом поехал домой и в автобусе думал тоже.

«Серый» — это обыкновенный, как все. Никаких собственных красок. Все едут в автобусе, и он едет. А если бы он пешком отправился, километров двадцать,— он стал бы личностью? Нет, километров сорок, не меньше. Но она-то в институт на метро ездит, тоже как все, и ничего, может считать себя личностью. И этот, длинный, из параллельной группы, всегда шуточками сыплет, он наверняка не серый, переливается как павлиний хвост,— он тоже пешком не ходит из конца города в другой. Надо же, какая чепуха в голову лезет!

Заметки редактора на полях рукописи

1. Какой Пряхин? Мы — не художественный журнал, прозу не печатаем (если это можно назвать художественной прозой). Не лучше ли заказать статью о теории социальных ролей? Крупному специалисту?

Пряхин так упорно думал, что забыл купить билет, и тут, как водится, контролеры. Денег осталось только-только до стипендии, из автобуса уже не выскочишь, и Пряхин, вместо того чтобы жалостно изображать поиски билета по карманам, вдруг стал агрессивен. «Ты что, ты что,— забормотал он, наступая на контролера, толстую раскрашенную тетку,— ты сама кто такая!» Тетка совсем не испугалась пряхинской красной физиономии и заорала что-то привычное.

— Ты не кипятись, дружок,— взяла Пряхина за локоть старушка,— не кипятись. Она на работе, должна правила соблюдать, и ты должен правила соблюдать. А если тебе на штраф не хватает, я одолжу, а то еще в милицию уволокут...

Старушка была из соседней квартиры, они с бабкой на кухне часто чай пили, и Пряхину стало совсем скверно.

Дома он долго лежал лицом в стенку и механически повторял: «Должна правила соблюдать, и ты должен правила соблюдать». Правила, правила на все случаи жизни. Если их все соблюдать, как раз будешь серостью, неличностью, будешь, как все.

Пряхин, правда, был человек честный, в общем законопослушный и понимал, что нарушать разумные правила — еще не значит быть личностью. Таких личностей...

Все-таки какая-то связь между правилами, по которым расписано каждое движение любого человека, и личностью была. Только Пряхин не совсем понимал, какая.

Пряхин лежал лицом в стенку весь день. Мать прикладывала губы к его лбу и, убедившись, что температура нормальная, заводила свою вечную шарманку о том, что его выгонят из института и он закончит свою жизнь дворником. Бабушка совала ему прямо в постель бутерброды и сокрушенно вздыхала. Сестра, справившись, что происходит, не дослушала невнятный ответ до конца и умчалась по своим девчоночьим делам.

Пряхин вдруг понял, что он заранее может предсказать почти каждое их слово. Они говорили, вздыхали, действовали тоже по каким-то правилам, часто вне всякой зависимости от того, что они чувствовали и хотели на самом деле. Сестра, например, спрашивала, что происходит, хотя ей было вовсе не интересно, почему он здесь валяется, и она даже не слушала, что он говорил в ответ. Это от молодости, глубокомысленно решил Пряхин. Когда подрастет, будет дослушивать до конца, будет вздыхать и качать головой, хотя ей все равно будет неинтересно. Мать с детства пугала его тем, что он станет дворником, хотя с их дворником Михаилом Васильевичем была в хороших отношениях и даже иногда кокетничала. Разве она его будет меньше любить, если его выгонят из института, или он от этого будет любить ее меньше? Бабушка захлопотала, когда пришла соседка, хотя Пряхин точно знал, что ей сейчас больше всего хочется досмотреть фильм по телевизору. Вся жизнь его дома и миллионов других домов кем-то расписана заранее, философствовал Пряхин, и очень ему нужно было докопаться, кем.

Но личность ни в какие расписания влезть не могла, в этом Пряхин был твердо уверен.

На следующий день Пряхин не пошел на вечеринку, о которой давно договаривались и на которой должна быть его девушка. Он опять валялся на кровати и пытался представить себе, как они там веселятся — без него, и кто о нем заговорит, и какими словами, и как быстро о нем забудут. Снова получалось очень интересно: он легко восстанавливал картину происходящего на другом конце города.

Роли в их слаженной компании давно были распределены, и шутник уже шутит, и все смеются, хотя не всегда выходит смешно. Барышня когда-то решила выглядеть несовременной и теперь старательно краснеет от каждого намека, а ребята, как всегда, немного ей подыгрывают — намекают. Интеллектуал цитирует нечто никем не читанное, скептик и мизантроп привычно иронизирует, даже если ему хотелось бы просто повеселиться. Чистый спектакль!

Слово было найдено, и с этого момента Пряхин видел вокруг себя одно лицедейство. Мать играла роль доброй, но справедливой — в силу собственного разумения справедливости; бабушке было дозволено оставаться только доброй. Сам он обязан говорить и поступать дома — как верный сын, будущая опора семьи, в институте — как примерный студент, в меру увлеченный будущей профессией; девушку он обязан в случае чего защищать от превосходящих сил противника, в автобусе брать билет или покорно платить штраф. Честно говоря, он довольно часто срывался: то кричал на мать, то заваливал сессию, но каждый раз, выйдя из роли, испытывал мучительный стыд, даже если не желал в этом признаться самому себе. Как актер, проваливший спектакль.

Хорошо, это все ему было кем-то почему-то предписано, его так выучили и всех остальных тоже. Но где же он сам? Он, Пряхин, единственный и неповторимый? Может, он и не личность, но в том, что единственный и неповторимый, был убежден твердо.

А может, нет?

Пряхин уже забыл, с чего все началось, но выходило для него дело нешуточное. Он забросил институт, целыми днями лежал, глядя в потолок, и невпопад отвечал перепуганным родным. Иногда же смотрел на них внимательно и ухмылялся несколько сардонически, пугая их еще больше.

Через несколько дней он неожиданно встал, побрился, надел белую рубашку и черный галстук (верх элегантности в его представлении) и отправился к Катерине, которая уже несколько лет подряд летом снимала у них на даче комнату с верандой.

Катерина была психологом, а Пряхин уважал науку.

Хоть он ехал без предупреждения, Катерина оказалась дома. Она встретила его удивленно-равнодушным: «Это ты? Проходи, мы тут немного заняты, тебе

не срочно? Положишь немного?» И провела его на кухню. (Пряхин тут же уличил ее про себя в том, что роль хозяйки не позволила ей выгнать его, чтоб не мешал, хотя он был совсем некстати.)

На кухне сидели двое бородатых, один с длинными волосами, другой почти совсем лысый, стол был завален какими-то таблицами и графиками, на подоконнике и на полу стояли чашки с остатками кофе, в одну уже воткнули окурок.

— Познакомьтесь,— сказала Катерина.— Мы сейчас закончим, он подождет.

Лысый слегка привстал; волосатый кивнул не глядя: он водил пальцем по графику и боялся оторваться.

— Ну что, нашел? — сурово спросила Катерина.— Я же говорила: никакой корреляции.

Не поднимая головы, волосатый мирно протянул:

— А мы пои-щем.— Добрался до конца графика, и вдруг закричал: — А как ты, собственно говоря, собираешься это эксплицировать?

— Латентная переменная,— рассудительно сказал лысый,— на то и латентная...

Они еще долго ругались непонятными словами.

Потом Катерина сварила еще кофе и увела Пряхина в комнату. Пряхин, уже жалевший, что пришел, начал сбивчиво и путанно, но Катерина слушала его с явным интересом, и он успокоился. Мучения его, на кухне показавшиеся надуманными и ничтожными, снова обрели смысл и требовали немедленного разрешения.

Но вместо того чтобы сказать ему что-то умное и значительное, Катерина крикнула на кухню:

— Эй, слышите? Человек изобрел теорию социальных ролей! Сам изобрел, ей Богу, сам.

С кухни пришли бородатые, и Пряхин начал снова, воодушевленный всеобщим вниманием. Он говорил уже складно и, как ему казалось, саркастично и зло.

Бородатые переглядывались, но улыбнулась одна Катерина.

— Молодой человек, не надо онтологизировать,— сказал лысый.

Пряхин понял, что его в чем-то упрекают, но не понял, в чем.

Тут влез волосатый и сказал, что они что-то там нашли на графике и Катерина обязательно должна взглянуть.

— Ты можешь понять, что человек сам по себе открыл теорию социальных ролей? — с упреком сказала Катерина.

— Зачем сам по себе? — спросил волосатый.— Пусть почитает. Потом поговорим. Ты понимаешь, там боновая вылезла, а мы не заметили. Там твоя латентная горб на профиле поднимает, поди посмотри.

— Угомонись,— сказал лысый.— Вы, молодой человек, очень интересно думаете. Очень содержательно и... как бы это сказать?.. структурно. Вы в каком институте учитесь? Я так и думал, ничего общего. Нет, вы определенно молодец, только, он прав, вам надо книжки почитать. Есть, действительно, такая теория, так и называется: теория социальных ролей. Катерина, дай ему Шибутани. Вам, молодой человек, эту книжку надо прочесть, а потом мы с вами обязательно встретимся и поговорим.

— Сейчас нельзя? — угрюмо спросил Пряхин, чувствуя, что он мешает.— Ну или завтра, когда вам удобно?

— Видите ли, мы вам книжку предлагаем не для того, чтобы от вас отделаться. Есть эта теория, есть другие, я вам все пересказать за одну встречу не берусь. Если вы познакомитесь с разными, вы будете смотреть на человека объемно, сразу с нескольких точек зрения. Я помогу вам разобраться, честное слово, помогу. Но лучше, чтобы вы и дальше двигались сами.

Пряхин вгрызался в толстую зеленую книгу «Социальная психология» постепенно, но упорно. Вопреки его страхам (после разговоров на неведомом языке на кухне у Катерины) книга была написана вполне удобочитаемо, а со временем стала просто увлекательной. Но порой у Пряхина возникало ощущение, что он не совсем понимает смысл привычных слов.

«Интеракционистский подход,— читал Пряхин,— характеризуется убеждением, что человеческая природа и социальный порядок являются продуктами коммуникации... Направление, которое приняло поведение человека, рассматривается как результат взаимных уступок людей, зависящих друг от друга и приспосабливающихся друг к другу... Личность человека — те отличительные шаблоны поведения, которые характеризуют данного индивида,— рассматривается как формирующаяся в процессе повседневного взаимодействия с окружающими. Наконец, культура группы принимается не как нечто внешнее, извне навязанное людям, но как состоящая из моделей соответствующего поведения, которые возникают в коммуникации и постоянно укрепляются постольку, поскольку люди сообща взаимодействуют с условиями жизни».

Пряхин сразу сделал стойку на слове «личность» — и поразился его соседству с «шаблонами поведения»: «шаблоны», как и «модели», исключали уникальность, которую Пряхин интуитивно положил в основу своего понимания личности. Вроде бы здесь с самого начала отрицалась навязанность правил, «шаблонов и моделей», по которым жил, как теперь он был убежден, сам Пряхин и окружавшие его люди,— и это Пряхину было приятно. Но, с другой стороны, Пряхин знал, что сам он никаких таких шаблонов и правил не придумывал, «сообща взаимодействуя с условиями жизни», а только приспосабливался к предъявленным ему правилам с самого детства, все двадцать лет. Это было обидно и рождало подозрение, что в книжке что-то не так.

Про группы Пряхин прочел по диагонали, хотя понял, что это важный момент в теории и «шаблоны действия» не то рождаются в группах, не то приобретают смысл только в них, в связи с любой совместной деятельностью. Зато, естественно, он сразу вцепился в главу о социальных ролях. Он вычитал тут же, что «конвенциональная роль» есть «представление о предписанном шаблоне поведения, которое ожидается и требуется от человека в данной ситуации, если известна позиция, занимаемая им в совместном действии». Другими словами, было сказано то самое, что он придумал. Но почему-то к гордости дилетанта, открывшего самостоятельно нечто вроде теории относительности, примешивалось раздражение.

Пряхин на самом деле не хотел оказаться правым. Но чем дальше он читал, тем большую упорядоченность, стройность и подробность приобретали его горестные метафоры, превращаясь в термины и приобретая тем самым научную непререкаемость.

Как будто снимая с человека слой за слоем оболочки привнесенного в него извне, ему предписанного, чужого, Пряхин рвался к сердцевине, глубоко упрятанной в эту шелуху, к тому, что принадлежит ему одному на свете и составляет его сущность, его личность.

Внешняя оболочка — множество формальных действий, выполняемых почти автоматически и не задевающих ничего внутри. «В повторяющихся и хорошо организованных ситуациях люди в состоянии действовать совместно и сравнительно легко потому, что они более или менее одинаково представляют себе, как следует поступать каждому участнику. Кооперация облегчается, когда люди считают одно и то же само собой разумеющимся. Мы охотно ожидаем своей очереди в гастрономическом магазине, предполагая, что, когда наступит наш черед, другие не будут нам мешать и тоже подождут. Мы охотно получаем за свою работу листки бумаги, сами по себе не представляющие ценности, предполагая, что деньги впоследствии могут быть обменены на любые товары и услуги» (тут Пряхин, конечно же, ухмыльнулся — и над «листками бумаги», и над «любыми товарами и услугами»). «Существуют тысячи таких разделяемых предположений, и общество оказывается возможным именно потому, что люди верят в готовность других людей действовать определенным образом».

Пряхин никогда не задумывался над тем, что «автоматической» частью своей жизни — хождением в магазин, обменом книг в библиотеке, бросанием жетона в турникет метро — делает «общество возможным». До сих пор он полагал, что общество объединяется высокими целями, которые оно перед собой ставит. Но он легко и охотно принял предложенную Шибутани схему: действительно, если все полезут без очереди или будут хватать товары, не платя денег,— что же это будет?!

Картина общества как сложной системы, состоящей из множества скоординированных и постоянно повторяющихся действий Пряхину даже понравилась. И что вся эта система основана на согласии участников, Пряхин в конце концов тоже принял, хотя хорошо помнил, что лично его, Пряхина, согласия никто не спрашивал ни по поводу стояния в очередях, ни по поводу того, что по утрам следует обязательно стелить постель. Когда Пряхин был маленький, он долго требовал от матери разумного объяснения, почему утром надо застилать постель, если вечером ее все равно придется разбирать. Мать так и не смогла ему сказать что-нибудь вразумительное и, как всегда в таких случаях, злилась, а когда из принципа несколько раз оставил кровать незастеленной, гонялась за ним по всему дому с полотенцем.

«Чем более установились нормы, тем

менее вероятно, что люди их осознают. При высокой степени согласия предположения разделяются до такой степени, что ни у кого и в мыслях не возникает вопросов. В любой группе важно именно то, что считается само собой разумеющимся, что молчаливо и бессознательно принимается всеми».

2. Социальные роли не могут быть реализованы без общего согласия в данной группе — это очень важный пункт в теории, который вами практически не раскрывается. Между тем никакая власть, никакой закон не могут существовать, если люди добровольно, в силу определенного общественного договора, не будут признавать свои обязанности по отношению к этой власти и этому закону. Только формальными санкциями, государственным насилием и террором этого добиться невозможно: ведь и солдат должен признать свою обязанность подчиняться офицеру, генерал — политику, а надсмотрщик — свою обязанность стеречь ослушников. Механизм, осуществляющий такое общее согласие насчет прав и обязанностей, чрезвычайно интересен; он, несомненно, действует через культуру и в ней укоренен. Закон появляется позже традиции и с ней сосуществует; в этом смысле особенно интересно соотношение обычного права и юридического.

Ничего этого у вас нет, отделались от проблемы смехотворной ссылкой на то, что лично у Пряхина никто ни на что согласия не спрашивал. Кстати, освоение норм, ролей каждым отдельным человеком — специальная тема, и тоже интересная.

Но Шибутани, очевидно, считал, что удобства легко предсказуемых согласованных действий люди ценят очень высоко, выше, чем, например, справедливость,— это было для Пряхина совершенно новым и вызывало возмущенное сопротивление.

«Описывая расовые отношения в южных районах Соединенных Штатов, Дойль показывает, что в дни рабства, когда статус негров был зафиксирован обычаем и законом, кооперация между людьми двух групп оказывалась достаточно эффективной. Хотя многие негры были недовольны существующим устройством, вопрос об их обязанностях и правах почти не поднимался. Однако после гражданской войны, когда эти нормы были разрушены, возникло значительное напряжение не столько из-за конфликта интересов, сколько из-за неспособности людей понять друг друга. И негры, и белые часто чувствовали себя оскорбленными в совершенно безобидных ситуациях. Затем, когда практика дискриминации была восстановлена, отношения опять стали стабильными. Следовательно,— таково утверждение Дойля,— недоброжелательство или насилие возрастают, когда система этнической стратификации находится в процессе формирования или ломки, в ситуациях, в которых обе стороны не совсем уверены, чего следует ожидать друг от друга. Когда же система господства и эксплуатации хорошо установлена, координированные действия протекают спокойно. Эту точку зрения подтверждает тот факт, что с 1890 по 1940 год напряжения в отношениях между различными этническими группами были наиболее острыми не на Юге, а в северных городах, где статус негров не столь ясно определен. Частный вывод из этих наблюдений состоит в том, что многие люди, особенно в обездоленных группах, могут публично поддерживать нормы, которые отвергаются ими в частном порядке. Пока они так поступают, координация продолжается относительно легко».

Еще в школе Пряхин приставал к учителю истории, недоумевая, почему греческие рабы, которых было больше, чем рабовладельцев, не освобождались и не поубивали своих поработителей. Учитель отвечал не по существу: что у него, Пряхина, нет исторического мышления и что ему надо идти в технический вуз. Так Пряхин с этим вопросом и остался, а теперь вот ему пытаются внушить, что главное — чтобы система была «хорошо установлена» и привычные нормы постоянно воспроизводились, даже если это нормы системы «господства и эксплуатации». Никак душа пряхинская этого не принимала.

Совсем недавно он сцепился с братом матери, полным ностальгии по уходящим порядкам. Вообще-то Пряхин политикой не интересовался, но после того, как три ночи отсидел у Белого дома, считал себя демократом. Он кричал дяде что-то о рабской психологии, о том, что тот в своем метрополитене ничего, кроме болезней, не нажил и старым начальством неоднократно был унижен. Дядя вздыхал, вздыхал и вдруг сказал ни к селу ни к городу: «Вот метро остановится — будешь знать».

От такой перспективы Пряхину заплохело. Он не вполне понял, правда, почему метро должно остановиться именно при Ельцине. Но времена глубоких перемен действительно более всего отмечены были ощутимой деградацией городского хозяйства. Или, как теперь бы он сказал («по Шибутани»), нарушением систем скоординированных действий.

Как пошутил кто-то, «не дай вам Бог жить в эпоху больших перемен».

3. Совершенно ложное противопоставление справедливости и устойчивости социальных систем. Шибутани пишет вовсе не о справедливости и никак не выказывает себя сторонником расовой дискриминации (он таковым никогда и не был). Он говорит всего лишь о том, что взаимодействие людей облегчается четкостью и определенностью их прав и обязанностей,— более ни о чем. «Люди ценят» — слова здесь абсолютно лишние: отлаженность социального механизма удобна, а ценят люди совсем другое, например справедливость. Потому при новом понимании справедливости (а это понимание время от времени обновляется), проникнувшись им, люди в конце концов ломают отлаженные механизмы и создают новые. Что, разумеется, доставляет кучу неудобств и недоразумений.

Тем не менее вся эта сфера безличных формальных действий явно не была связана с главным предметом пряхинских изысканий. Досадно, конечно, что огромная часть жизни уходит на совершение автоматических поступков, ничего в душе не затрагивающих. Когда-то Пряхин ужаснулся тому, что треть своей единственной жизни он проводит во сне, то есть как бы в небытии: он прикидывал, сколько бы он мог совершить за эти «бесцельно прожитые годы», и даже пытался свести сон к совершенно неизбежному минимуму,— например, пытался спать в ванной с теплой водой, что, по утверждению ученых, резко сокращает время, необходимое для релаксации. Но он чуть не захлебнулся в ванне и стал спать обычным способом.

Теперь ему пришлось примириться и с тем, что, по его прикидкам, еще треть (если не больше) времени уходит на дела необходимые, но пустые, правда, он мог утешаться, что тем самым «делает возможным общество». Но не утешался. Своей жизни, единственной, было жалко.

Другая оболочка состояла из поступков и отношений, которые никого не могли оставить равнодушным. Там, где заговорило чувство — все равно какое, гнев или радость,— там уж точно человек представляет самого себя и только самого себя. Ни гневаться, ни радоваться никому не прикажешь.

Но и здесь Пряхин наткнулся на то же самое: роли, нормы, социальный контроль. Контроль над чем? Над чувствами?!

«Хотя эмоции считаются чем-то совершенно спонтанным, на самом деле они обуславливаются представлениями о стандартных ситуациях, в которых действуют определенные нормы эмоционального поведения. Когда встречаются близкие люди, предполагается, что каждый должен быть радостным, независимо от того, что он чувствует на самом деле. На похоронах все обязаны быть грустными, даже если кто-то из осиротевших с ликованием ожидает оглашения завещания. Когда профессор прилагает усилия поднять настроение аудитории, студентам предъявляются экспектации веселиться, и они, как правило, охотно их исполняют. Приспособление к этим нормам создает доминирующее настроение, которое, подобно атмосфере, окружает коллективы».

Когда Пряхин летом с друзьями ездил в Абхазию, в горном селе он стал случайным свидетелем похорон; женщины в черном царапали себе лицо и истошно кричали. Пряхина немного покоробила такая явная демонстрация чувств; ему казалось, что это граничит с неприличием. Пряхину было семь лет, когда хоронили дедушку, он помнит, что в тот момент ровным счетом ничего не испытывал, кроме стыда за свое равнодушие. Специально растравлял себя эпизодами, в которых дедушка был очень добр к нему, и в какой-то момент начал нарочно тереть рукавом глаза, чтобы заплакать.

Но почему, почему он должен был плакать именно тогда? Он на самом деле любил деда, уважал и до сих пор, вспоминая о нем, ощущал тяжелое чувство утраты. Вот чувство утраты там, в глубине души, никак внешне не проявлявшееся,— это было его чувство, это был он сам. Почему же он должен был кому-то что-то доказывать, показывать? Это касалось только его.

4. Заказать статью о ролевых системах в разных культурах: наполнение ролей

и их иерархия во многом разнятся. Вспомните спор на одном из наших «круглых столов». Москвич утверждал, что человек отдыхает от напряжения ролевой игры дома, в кругу семьи, а кавказец доказывал, что отдохнуть можно только на работе, где права и обязанности четко фиксированы и достаточно формальны, дома же роли эмоционально насыщены и перепутаны, и каждый шаг может оказаться ложным (как на минном поле). Впрочем, возможно, дело в том, что сфера семейной жизни перестраивается (от большой патриархальной — к современной нуклеарной с совершенно новым набором функций), причем эта перестройка на Кавказе началась позже и, как всякая перестройка, идет болезненно (см. выше).

«Роли не могут быть определены в терминах поведения самого по себе, но только как шаблон взаимных прав и обязанностей. Обязанность — это то, что человек чувствует вынужденным делать, исходя из той роли, которую он играет; другие люди ожидают и требуют, чтобы он поступал определенным образом. Матери следует заботиться о благополучии своего ребенка независимо от того, любит она его на самом деле или нет. Она не обязана точно так же заботиться о соседском ребенке, даже если, может быть, очень его любит. Больной человек обязан стремиться сделать все для того, чтобы как можно скорее выйти из этой роли, и сотрудничать в этом с врачом.

Играние роли заключается в том, чтобы исполнять обязанности, которые налагаются ролью, и осуществлять свои права по отношению к другим. Каждый человек имеет некоторое представление о том, что составляет подобающую линию поведения как для него самого, так и для других... Большинство людей осознает роли, которые они играют, только в необычных обстоятельствах. Если знакомый намеренно уклонился от приветствия, человек возмущается нанесенным оскорблением...»

Пряхин отправился на кухню взглянуть на мать. Мать ласково ему улыбнулась — он целый день сидел над толстой книгой, то есть вел себя образцово, — и засуетилась с удвоенной энергией. «Сейчас, сынок, — виновато заговорила она, — я знаю, обедать пора, сейчас все будет готово».

Соседский сын гонял по двору, не вызывая у матери никакого интереса.

5. Пряхин, проверяющий мать на кухне, — это, как сказала бы моя дочь, уже чистый стеб. Вы не делаете никакого зазора между теорией и жизнью, что просто недостойно вашей квалификации.

Пряхин вернулся к книге. Выходит, Шибутани допускает, что мать может не любить сына, а больной — совсем не торопиться выздороветь. Допускает некоторую свободу самих чувств и нормирует только их внешнее проявление. Значит, там, под этой оболочкой, — сам человек, не сводимый к сумме исполняемых им ролей. Его нельзя заставить любить или не любить, его можно заставить только изображать любовь или отсутствие любви. Он сам решает, что ценить больше, что меньше, и какие игры играть, а от каких уклониться. Вот, наверное, там, в самой сердцевине, — личность.

В книге Шибутани был термин, как нельзя лучше подходивший, по мнению Пряхина, для обозначения этой самой сердцевины: «Я-концепция».

Именно в этой главе Пряхина ждал подлинный нокаут.

«Развитие Я-концепций значительно отличается в тех социальных мирах, где хорошо установлена система статусов: здесь каждый знает, каких шаблонов поведения и личностных черт требует то или иное положение. Доктору или священнику подобает оставаться в охваченном эпидемией городе, и солдату не пристало убегать с поля боя. Честь человека — это модель, которой он придерживается, поскольку занимает данное положение. Требования, которые он предъявляет себе, подкрепляются экспектациями других людей. Проинтервьюировав свыше ста служащих в различных бюрократических организациях, Коутс и Пеллегрин обнаружили, что большинство администраторов представляли самих себя именно так, как обычно характеризуется эта категория. Они описывали себя как людей, которые заинтересованы в достижениях предприятия и горячо их желают, сочувствуют взглядам руководства, решительны, обладают организаторскими способностями и реалистической ориентацией. Инспектора также приписывали эти черты своим начальникам и считали их основанием, в силу которого администраторы пользовались властью».

Пряхина глубоко возмутила предписанность таких прекрасных и высоких качеств — мужество, чувство долга — каким-то определенным профессиям и даже должностям. Разве он, Пряхин, не мог бы остаться в объятом эпидемией городе, хотя он и не врач? Правда, в его мужестве не было бы особого толка, да и было ли бы это мужеством вообще? А если бы он остался с любимой девушкой? Тогда его мужество обретало смысл. Но тогда, с ужасом подумал Пряхин, это тоже было бы исполнением роли — роли влюбленного, который обязан идти на жертвы ради возлюбленной. Ведь бросивший ее в опасности столь же ничтожен, сколь и сбежавший со своего поста врач..

А эти служащие, которых опрашивали? Если, говоря о себе, они как будто зачитывают инструкцию, перечисляют качества, как бы приписанные своей должности, значит, они себя с этой должностью отождествляют?

Пряхин вспомнил одну публикацию из своего любимого журнала. Социологи останавливали людей на улице и спрашивали: «Кто вы?» Повторяли этот вопрос три раза каждому случайному прохожему. Те сначала, как правило, говорили: «Человек». Второй раз почти все называли свою профессию. А одна милая женщина сказала: «Я — жена Ивашина». Когда-то Пряхин очень смеялся над этим, а теперь задумался. Выходит, люди определяют себя через свою социальную роль? И нет ничего более важного, существенного, что они могли бы сказать о себе?

Как бы он сейчас ответил на эти вопросы? Пряхин не знал, и это его совершенно не устраивало.

«Определенность личности, — читал он у Шибутани, — является основой организованной социальной жизни. Только когда человек определен и помещен на соответствующее место, может быть установлена его ответственность. Первое, что люди делают при знакомстве, — они выясняют определенность и статус друг друга. Это естественно, потому что нет другого пути, чтобы узнать, чего можно ожидать от каждого. Личная определенность человека устанавливается только в связи с остальным обществом».

И дальше: «Важность личной определенности демонстрируется случаями избирательной амнезии. Человек в изумлении подходит к полицейскому и сообщает, что он забыл, кто он такой. Жертвы этого расстройства забывают не все на свете. Тот, кто подошел к полицейскому, использовал конвенциональные лингвистические символы и, по-видимому, помнил, что обязанность людей в таких мундирах — помогать тем, у кого случилось несчастье. Бывает, что человек не способен вспомнить только те пункты, которые раскрывают его индивидуальность, — свое имя, местожительство, место работы, друзей и т. д. Этого, однако, достаточно, чтобы он перестал быть членом общества. У него нет никаких прав, которые имеет любое человеческое существо, нет дома, куда бы он мог вернуться, учреждения, где он мог бы иметь твердое занятие, никого, с кем бы он мог отдохнуть, его жизнь не соответствует никакому организованному порядку, ибо без личной определенности не существует общества, где он имел бы определенный статус».

Ну не сводится человек к своему паспорту, не исчерпывается он «местожительством, местом работы»! Даже друзьями не исчерпывается. Если останется Пряхин завтра без всего этого — не исчезнет же он? Не перестанет быть самим собой?

Положим, бросит один из этих служащих свою контору, респектабельную квартиру, жену и друзей и подастся в кришнаиты, к примеру. Облачится в просторные развевающиеся одежды, будет ходить по улицам и распевать гимны, воздев руки к небу (о кришнаитах Пряхин толком ничего не знал и представлял их себе кем-то вроде языческих жрецов из фильмов). Будет преклоняться перед своим новым начальником — как он там у них называется? Гуру? Будет ему ноги мыть... Останется ли он самим собой? Или это уже совсем другой человек, хоть и со старым паспортом?

Конечно, у него будет другой набор ролей, другая «эталонная группа», другая система социальных связей. Останется ли человек самим собой после такого крутого поворота? Или от прежнего у него остается только тело и имя?

Перемены, разумеется, приходят постепенно, сколь бы внезапным ни казался поступок, их венчающий и переводящий человека в новое качество. В мгновенное перевоплощение Пряхин никогда не верил. Но его интересовало другое: что остается нетронутым при любых, даже самых резких, сменах статуса и окружения? Что позволяет человеку в каждую данную минуту твердо, несмотря ни на какие теории, ощущать себя самим собой? Только определенность тела и имя.

записанное в паспорте? И еще память о прошлом, состоящем из каждый раз достаточно оригинальных композиций сыгранных им за жизнь ролей?

Как ни крути, человек оказывался пленником общества и, что особенно было неприятно Пряхину, чаще всего добровольным пленником, даже не замечавшим своей несвободы. Конечно, он то и дело нарушал строгие предписания, выходил из роли, но, кажется, только для того, чтобы войти в другую. Или тут же вернуться, испытывая стыд за проступок.

«Поскольку все конвенциональные нормы нарушаются, предусматривается принуждение, особенно если речь идет о тех нормах, которые считаются важными для выживания группы. Нормы принуждения к соблюдению других норм — это социальные санкции.

В наиболее стабильных ассоциациях существуют высокоформальные процедуры, такие, как церемонии почета для тех, чья служба считается способствующей общему благополучию, и наказание или порицание для тех, чьи действия оцениваются как вредные. Некоторые социологи придают большое значение таким высокоформализованным санкциям и даже определяют организованную группу как такую, в которой социальная структура ограждается и укрепляется посредством формальных санкций. Но для большинства людей наиболее действенными оказываются менее формальные санкции, спонтанные проявления одобрения или неодобрения. Те, кто близок к нарушению какого-то правила, часто вдруг останавливаются, замечая неодобрение со стороны других. Особенно эффективны насмешка, сплетня, лишение соответствующих услуг, отказ окружающих уважать права роли нарушителя. Когда человек обращается к коллеге, он обычно имеет право на какое-то внимание с его стороны. Однако коллеги могут уклониться от долга вежливости, проявив тем самым свое неодобрение».

Пряхин знал свою повышенную чувствительность к реакции на него окружающих, он был обидчив и мнителен, с чем в себе усиленно боролся. Он никогда не считал свою законопослушность добродетелью, ибо знал, что законопослушен из страха — перед милиционером, контролером, соседями, знакомыми, которые могут «подумать что-то не то». Он завидовал независимости других, легко нарушавших, отвечавших смехом на крик, презиравших общественное мнение. Это он и считал признаками личности, которая сама для себя — закон.

Но даже тогда — и уж тем более теперь — Пряхин понимал, что люди различаются лишь степенью зависимости от неформальных санкций, что полностью независимых в этом отношении людей не бывает, а если таких и можно себе представить, то они должны быть крайне неприятны. Более того, вспоминая виденные и читанные им в большом количестве детективы, весьма подробно и со вкусом описывающие жизнь «малины», Пряхин предположил, что в группах, противопоставляющих себя обществу, внутренняя структура и социальный контроль много жестче, чем в обычных группах. Там эта жесткость становится одним из условий выживания.

«В некоторых авангардистских кругах модно критиковать «приспособленчество» средних классов, утверждая, что творчество может иметь место только в обстановке, когда поощряется индивидуализм. Хотя верно, что самобытным людям порой трудно бывает завоевать признание, такие жалобы часто исходят от людей, которые лишь добиваются статуса в особой эталонной группе. Те, кто очень гордится своей «необычностью», как правило, сами не представляют себе, до какой степени они живут в соответствии с экспектациями окружающих. Они одеваются нарочито небрежно, изо всех сил стараются быть au courant (в курсе) событий литературы и искусства и выражают враждебность к организованной религии с таким усердием, которое показывает, что нападки на конформизм — это всего лишь частный случай конформизма...»

Читать это было приятно, потому что Пряхин всегда относился к «богеме» с завистливой недоброжелательностью. И тем не менее его укололо слово «творчество» — там, где толковалось о благотворности конформизма.

Какое уж тут творчество — в этом мире, где человек собирает себя из кубиков заранее данной формы и с заранее наклеенными картинками, и вся его жизнь, похоже, есть перебор этих кубиков, попытка выстроить из них что-то свое. Кубики падают, рассыпаются, обнажаются стандартные наклейки. И снова человек пытается их собрать, расположить в особую фигуру и подбирает, как ребенок: П — Р — Я — Х...

Было уже совсем поздно, и Пряхин отправился спать. Ночью ему приснился лысый. Он грозил Пряхину пальцем и повторял слово, которое днем Пряхин никак не мог вспомнить:

— Не онтологизируй!

6. Как прикажете понимать конец? Вы собираетесь поселить Пряхина в журнале надолго? т. е. предполагается продолжение?

Ответ автора на полях рукописи:

Уважаемый редактор!

Прошу не путать Пряхина и автора. У Пряхина нет никакой квалификации в области социальной психологии. Он — наивный (или стихийный, если вам так больше нравится) психолог. Он, разумеется, не видит никакого зазора между теорией и жизнью и прямо прикладывает первую ко второй (очень распространенная методологическая ошибка, на которой можно поймать множество не только студентов, но и докторов наук).

Еще важнее другое: Пряхин явно ищет в теории не полноту и внутреннюю непротиворечивость, а смысл жизни, причем своей собственной. Поэтому он отбрасывает (проскакивает) все, что не имеет к этому прямого отношения, например, столь любезную вам культурную обусловленность ролевых структур. У него другая логика чтения.

Сколько ему быть в журнале и быть ли вообще — решать вам и главному редактору, но искать он может долго, через все теории личности.

С каким результатом — увидите. Если захотите.

Насчет «стеба». Предлагаю заказать статью: «Стеб как средство освоения науки и жизни».

Привет дочери.

И. ПРУСС

ВО ВСЕМ МИРЕ

Будет лучше... через сто лет

По данным, полученным с помощью одного из спутников НАСА, за последние десять лет защитный слой озона над Землей уменьшился на пять процентов, а не на два с половиной, как показывали прежние исследования. В связи с этим, по мнению ученых из Агентства по охране окружающей среды США, число заболеваний раком кожи в стране может увеличиться в следующем пятидесятилетии на 200 тысяч. Американское онкологическое общество рекомендует населению носить головные уборы и по возможности защищаться от солнечных лучей вообще, особенно в полуденное время. В Новой Зеландии, где истощение озонного слоя из-за озонной дыры над Антарктидой больше, чем в США, начата общественная кампания, призывающая детей носить головные уборы и больше находиться в тени.

Хотя около семидесяти стран уже подписали соглашение, в котором обязались сократить к 2000 году выделение в атмосферу хлорфторуглеродов, директор агентства Уильям К. Раилли призывает всех подписавших соглашение ускорить его выполнение. Но даже если выделение хлорфторуглеродов прекратится, на полное восстановление озона потребуется сто лет, а возможно, и больше. А тем временем угроза здоровью людей возрастает.

Не осилить нерке плотин

Этого лосося, одного из главных символов северо-западного побережья Тихого океана Америки, предложено внести в список животных, находящихся в США под угрозой исчезновения, хотя фактически эта рыба здесь уже почти исчезла. Когда-то ее было так много, что озеро Красных Рыб в центральной части штата Айдахо получило свое название именно из-за цвета рыб, проплывающих 900 миль от океанского побережья до мест их нереста здесь.

Но в 1990 году в озере видели всего лишь... одного лосося, а за два предыдущих года было замечено два. Явившись жертвой ненасытного аппетита людей к получению дешевой электроэнергии, нерка не выдержала борьбы с плотинами гидроэлектростанций, буквально усеявшими реку Колумбию. Ее мальки, направляющиеся в океан, погибают, засасываемые турбинами, или же попадают в ловушки резервуаров за плотинами.

Дорога длиною в сто миллионов лет
Следы истории иной
Лазер как генератор ультразвука

В мае 1981 года на нашем Дальнем Востоке упал метеорит. По месту падения — у реки Омолон — ему дали имя, обследовали, нашли обломки и доставили их в коллекцию Геологического музея Северо-Восточного комплексного НИИ Дальневосточного отделения РАН. Здесь совместно с учеными из московского Института геохимии и аналитической химии имени В. И. Вернадского РАН «небесный дар» изучили. В результате выяснилось, что материал находки — палласит, редкий тип железокаменного метеорита, представляющий собой сплав металлов с вкраплениями твердого минерала оливина. Химически оливины — соли кремниевой кислоты, они хорошо известны как минералы земных недр, служат сырьем для огнеупоров, а один из них, прозрачный золотисто-зеленый минерал, даже считается драгоценным камнем, это хризолит.

Небесные же оливины, как оказалось, обладали ценностью совсем иного рода. В их толще были заключены маленькие газовые пузырьки — гелия, неона, аргона, криптона и ксенона с разным изотопным составом. Контрольное соотношение изотопов у инертных газов известно из прежних исследований атмосферы Земли и околоземного пространства. Когда их сравнили с данными по метеориту, то выявили очень сильные различия. Весь вопрос, следовательно, в том, как их надо было понимать. Количественное содержание изотопа устанавливается в ходе радиоактивного распада одного из них и постепенного его превращения в другой изотоп. Отсюда и возможность вычислить момент начала этого процесса. Для метеорита Омолон он определяется временем порядка девяносто четыре миллиона лет назад. Видимо, именно тогда метеорит отделился от родительской планеты — малого астероида, и пустился в свободное космическое путешествие. И без малого через сто миллионов лет оно благополучно завершилось в земной научной лаборатории.

Конечно, это все же пока только гипотеза — предположение, что нефть являет собой «хорошо перебродившие» останки древних организмов. Но одним из горячих сторонников и авторов этой гипотезы был В. И. Вернадский, сказавший однажды, что «химия нефтей закладывается еще в организмах». И вот что тогда получается.

Вся история Земли делится геологами на эры и периоды, каковых для неспециалиста, кажется, придумано слишком много. Поэтому легче говорить о всего двух больших этапах геологической истории — о фанерозое, начавшемся 570 миллионов лет назад и продолжающемся поныне, и о докембрии — этапе, предшествующем фанерозою, начало которого теряется в таинственных событиях рождения нашей планеты, а конец — вплотную примыкает к фанерозою.

Так вот, если говорить о развитии жизни на Земле, то на первом этапе, в докембрии, она только зарождается и представлена весьма бедными формами — какие-то бактерии, синезеленые водоросли, некоторые беспозвоночные. Основное же «буйство жизни» приходится на фанерозой — вспомним дремучие леса карбона и триаса и бесчинствующих ящеров мезозойской эры.

Но если правы ученые из Геологического института РАН, отстаивающие теорию биогенной природы нефти, то все было не так. Основная «жизнь» на планете была именно в докембрии — накопление углерода в осадках шло тогда вшестеро интенсивнее, чем в фанерозое. По данным исследований, где изучались закономерности распределения залежей нефти, докембрийской нефти, оказывается, скрыто в земле в тысячу раз больше, чем всей последующей, фанерозойской. Отсюда и вывод — основная жизнь на Земле «кипела» тогда, в докембрии. А потом, в сущности, были одни лишь пустяки...

Ультразвук — не слышимые нами высокочастотные колебания — широко используется в технике и медицине: здесь и диагностика состояний органов и тканей, терапия, связанная с прямым его лечебным действием, и даже хирургия, позволяющая использовать невидимый луч в качестве скальпеля. Все дело только в мощности излучателя, а достигнуть нужного его уровня, преобразуя электрическую энергию в звуковую в электронных генераторах, довольно сложно, поскольку кпд такого перевода энергии весьма невысок.

Новые перспективы в этом плане может открыть эффект «лазерной акустической эмиссии», похоже, впервые обнаруженный группой ученых и инженеров из Института физической химии РАН, Московского лесотехнического института и Машиностроительного и текстильного института, расположенного в чешском городе Либерец. Исследователи провели опыты, результаты которых, возможно, приведут к созданию новых нетрадиционных ультразвуковых генераторов. Лазерный луч, когда его направляют на воду, вызывает в ней многочисленные акустические эффекты. Среди них удалось выделить и изучить ультразвуковые волны напряжения в диапазоне частот до одного мегагерца. Зависимость порождаемого в воде ультразвука от мощности лазерного луча была пропорциональной. Так что интенсивный луч света может вызвать столь же интенсивный акустический эффект.

При облучении лазерным потоком других материалов — льда, тканей, композитов, углеродных волокон — эффект тоже наблюдался, причем по форме акустического сигнала можно было даже определять неоднородность материалов и некоторые особенности их структуры.

Пш, пш, пш,— идут отечественные антипротоны
Боевое ранение — влияет ли оно на наследственность?
Стоит ли тратить жизненную энергию?

Говорят, если бы Тунгусский метеорит состоял из антивещества, то его масса не превысила бы нескольких граммов. Конечно, в таких огромных количествах — в граммах — оно очень опасно в обращении, а вот в виде отдельных атомов или даже частиц — очень нужно для исследований. Отдельные античастицы, правда, транзитом попадают к нам из космоса, еще сколько-то порождается в опытах ядерщиков, но всего этого очень мало. И вот, кажется, рождается проект целой «фабрики» по производству античастиц в «нужных товарных объемах».

В городе Протвино, что под Москвой, строится ускоритель для исследований в области физики сверхвысоких энергий. Длина кольца, по которому будут разгоняться частицы, составляет двадцать один километр. Здесь ученые из Института физики высоких энергий намереваются создавать массивные протонные потоки. Ускоритель пока еще ничего не ускоряет, а физики уже просчитывают возможные желательные и нежелательные эффекты, с которыми им предстоит столкнуться. Так вот, по расчетам выходит, что побочным продуктом работы ускорителя станет поток мезонов и антипротонов малой энергии мощностью до четверти миллиарда штук в секунду.

Ученые, обнаружившие «на кончике пера» эти «отходы» основного производства, предлагают их не терять, а по возможности использовать двровое антивещество для исследований.

Борьба за запрещение оружия массового поражения постепенно увенчивается некоторыми успехами. Не последнюю роль здесь сыграли генетические соображения — соображения сохранения человека как вида. И вот теперь ставится вопрос и об обычных вооружениях.

Так, московские ученые из Центрального НИИ травматологии и ортопедии формулируют его в такой форме — влияет ли обычное огнестрельное оружие на наследственность? Ответа никто не знал, хотя стрельбой пулями друг в друга жители Европы заняты уже с четырнадцатого века. Впервые такое оружие — в виде бомбард, заряженных порохом и пулями,— было применено в бою в 1346 году в ходе Столетней войны во Франции. В поисках какого-то предварительного ответа исследователи занялись опытами на крысах.

Полтысячи крыс в лаборатории стали расстреливать разнокалиберными пулями, целясь и попадая строго в среднюю треть бедра правой задней конечности. Далее звери с боевыми ранениями поступали «на излечение в госпиталь», где в течение месяца за ними вели генетическое наблюдение. Раны на лапе заживали, а ученые следили при этом за печенью — за изменениями в хромосомах ее клеток. И вот оказалось, что хотя печень во всех отношениях находится далеко от раны, но сразу после ранения в ней резко возросли хромосомные нарушения. Максимум нарушений наблюдался на третьи-четвертые сутки, потом они медленно исчезали, но даже и через месяц их количество вдвое-втрое превышало нормальный уровень в контроле.

Конечно, подчеркивают авторы исследования, из этих фактов еще не следует вывод о генетической опасности стреляных ран для будущих поколений. Но, кто знает, что будет с популяцией человека, если число вернувшихся с фронта будущих отцов с боевыми ранениями превысит некоторый предел?..

Всем понятно, что означает словосочетание «жизненная энергия», хотя никто точно не знает, что это такое. Может быть, первыми отважились наполнить его конкретным содержанием ученые и конструкторы одесского объединения «ФИЗЛИ», разработавшие и наладившие серийный выпуск приборов типа БИОН-01. Приборы действительно регистрируют высокий уровень «биологической энергии» у животных и человека, сильно различающийся у разных индивидов и на самом деле коррелирующий с той самой жизненной энергией. как она понимается на интуитивном уровне. Однако главное уже не это.

Главное, что исследователи получили точный прибор, инструмент, метод, позволяющие четко контролировать состояние организма, а заодно и проверять, какие внешние стимулы повышают жизненную энергию, а какие — понижают. В этом плане очень интересные получаются результаты в многолетних исследованиях группой ученых из бывшей Чечено-Ингушетии во главе с кандидатом ветеринарных наук, заслуженным ветврачом России Александром Николаевичем Мочаловским. Если у птиц, например, отрезать крылья, то уровень биологической энергии, регистрируемый прибором, тут же возрастет процентов на двадцать. В чем же тут дело?

Как показывают многолетние исследования группы А. Н. Мочаловского, сокращение массы тела хирургическим путем действительно повышает жизненную энергию организма. Но — за счет сокращения продолжительности жизни. За все приходится платить. Активизация всех жизненных процессов, вызываемая ампутацией, заставляет организм интенсивнее жить, побеждает болезни, увеличивает плодовитость. И организм потому быстрее пробегает отпущенные ему сроки.

Во всяком случае, в сельском хозяйстве метод ампутации открывает некоторые новые возможности для ускорения роста животных, повышения их плодовитости, а также в селекционной работе.

В ноябре 1992 года пришло долгожданное известие: римская католическая церковь признала наконец правоту Галилея. И весьма кстати. Сейчас, как никогда, Галилей нуждается в столь авторитетной поддержке. Ведь галилеевский образ науки, основанный на утверждении, что книга природы написана языком математики, подвергается непрестанным нападкам на протяжении всего XX века. Философы, социологи, историки науки постоянно ставят под сомнение претензии науки на безусловное обладание истинным знанием. Мы намерены знакомить нашего читателя с наиболее известными и оригинальными концепциями отечественных и зарубежных науковедов.

Начнем с Пола Фейерабенда — самого радикального, последовательного и откровенного критика классической научной картины мира.

А. Али-Заде

Наука умерла! Да здравствует наука!

Уже не одно столетие слово «наука» прочно ассоциируется со словом «цивилизация». Общественный прогресс привычно понимается как прогресс научно-технический. Идол науки вот уже несколько веков — по крайней мере в европейской цивилизации — претендует на то самое место, которое должна занимать высшая человеческая мудрость. Да и как иначе: в известной мере мы все — выходцы из времен знаменитой научной революции XVII века, когда европейцы обрели особое мировоззрение: за словосочетанием «объективная истина» стала скрываться некая высшая ценность. Но если профессиональное добывание объективной истины, то есть занятие наукой, объявляется дороже морали или (пусть мягче) вне морали, то это — претензия на создание «новой морали», претензия, всегда оборачивающаяся торжеством аморальности.

Таков вольный или невольный подтекст общеевропейской, а вероятно, и мировой идеологии, которая часто называется сциентизмом. Одиозность этого подтекста заранее обрекала идол на падение. Рано или поздно он должен был зашататься. И зашатался.

Сегодня в западном науковедении наука больше не рассматривается как существующий вне времени и пространства единственно возможный и абсолютно совершенный инструмент познания. Она все отчетливее изображается как некое исторически сложившееся мировоззрение, все явственнее локализуется в истории и социуме. Не истина или метод формируют, говорят новые науковеды, эмпирическую историю науки, а напротив, история науки формирует их. Иными словами, то, что составляет феномен науки, может быть понято во вненаучном, социокультурном контексте. Науку, утверждают теперь, должны изучать не философы, а социологи, ибо она — социальная подсистема, неотъемлемая часть общества, воспроизводящая все его болезни и особенности.

Наиболее последовательный и откровенный выразитель представления о социологической сущности научного мышления — очень популярный американский философ П. Фейерабенд. Когда-то его много и охотно критиковали, даже с некоторой снисходительностью — настолько его взгляды казались философам науки несерьезными. Он утверждал, например, что все разговоры об ученом как профессионале, который будто бы следует в своем творчестве неким единым требованиям,— чепуха. Они — лишь прикрытие истинной мотивации движения идей в науке. Эти идеи возникают и превращаются в теории нередко по стечению самых случайных факторов, среди которых не последнюю роль играют просто человеческие амбиции.

Да, конечно, классическая схема движения от теории к эксперименту и вновь к теории остается идеалом научного метода. Но сам этот идеал со временем может измениться, стать менее «профессиональным», отвечающим реально менее «скованной» практике.

Профессионализированное познание, именуемое современной наукой, — не более чем специфическое мировоззрение, когда-то возникшее, решающее, и подчас блестяще, определенные задачи, но не застрахованное от замены принципиально иной познавательной стратегией. Ведь в свое время и научная, или, как называет П. Фейерабенд, «теоретическая», традиция отвергла старую познавательную традицию «здравого смысла» с ее практическим выходом в виде всего того, что до всякой науки воспроизводило человека и как биологическое, и как социальное существо. Отвергла в пользу унифицированного, универсалистского, стандартизированного взгляда на мир, изъяв тем самым познание из естественной среды выживания (социально-исторического процесса), то есть противопоставив морали, человеку, чья познавательная способность оказалась лишь как бы «сырьем» для возможной переработки его в «истинное», профессиональное, научное знание.

Как же происходило такое изъятие? Как осуществлялась профессионализация познания? П. Фейерабенд указывает здесь на три предпосылки. Первая — это письменная культура. Когда-то существовала только устная культура знания. Хранить в текстах какую-либо иную информацию, кроме сугубо деловой, было не принято, ибо, как считал Платон, текст становится «молчаливым» — не всякий вне живого общения с автором способен правильно его прочитать. И лишь когда устоялась письменная культура знания, то есть когда стали полагать, что любая аналитическая информация может быть без малейшего для себя ущерба отчуждена от уникальных обстоятельств своего рождения, — был совершен шаг к новому, объективистскому (научному) мировоззрению.

Во-вторых, это мировоззрение подготовили еще в античные времена люди, которых стали именовать «философами» и которые основу познания — здравый смысл — подменили «теоретическим мышлением», призванным постигать «реальный» мир во всем его, как они считали, единообразии, подчиненности неизменным универсальным законам. Так, Гераклит отвергал собранную «простыми людьми» разнообразную и сложную информацию в пользу «элитарной» единой истины; Парменид закрывал глаза на изменчивую и многокачественную реальность, постулируя неизменное и неделимое бытие; врач Эмпедокл ввел совершенно бесполезные для лечения конкретных больных, но зато краткие и универсальные определения болезней; историк Фукидид настаивал на едином, причинном объяснении исторических событий; философ Платон полагал возможным разрешение моральных конфликтов «рациональными» средствами и мыслил привести все дисциплины к единой теоретической основе.

Наконец, в-третьих, — и это, может быть, самое главное — объективистское, универсалистское мировоззрение «философов» не было их собственной прихотью. Они лишь выразили веление времени — существовавший в том, современном им обществе униформистский уклон, распространявшийся на многие области жизни — на политику, где межличностные отношения уступили место взаимодействию обезличенных групповых интересов, или на экономику, где деньги заменили натуральный обмен.

Вот так, по П. Фейерабенду, формировалось мировоззрение именно «профессионалов», человек, претендующий на научное (истинное) понимание действительности, должен был делать некое усилие, включать особый механизм теоретического мышления, чтобы видеть скрытый от здравого смысла «реальный мир». Физик Ньютон сумел открыть закон всемирного тяготения вовсе не потому, что просто наблюдал, допустим, падение подброшенного вверх камня, движение Луны или возвращение подпрыгнувшего человека в исходное состояние. Он «догадался» объединить все эти случаи только потому, что увидел и в человеке, и в камне и Луне, однокачественные

«массы», которые должны взаимодействовать между собой по единому закону.

Фейерабенд не отрицает правомерности и пользы такого «неестественного» взгляда на вещи. Он лишь задается вопросом: а что же нам делать теперь? Ведь вопреки заданному еще в картезианскую и ньютоновскую эпоху объективистскому и редукционистскому образу науки (будто бы «математически» доказывавшей объективность своих результатов и рассматривавшей последние как ступень на пути к универсальным принципам, к которым должно было свестись все многообразие исследуемых явлений), именно передовая, квантовая физика, этот «эталон» науки, вот уже полвека демонстрирует невозможность отделить «объективную» природу от наблюдающего ее человека. Что же говорить о биологии, психологии, медицине, истории, где познание вообще неотделимо от интерпретации?

И когда, замечает П. Фейерабенд, нам указывают на якобы «неопровержимые» факты и «объективные» научные аргументы, каждый раз, рассматривая тот или иной эпизод эмпирической истории науки, мы видим, что на поверку их «неопровержимость» и «объективность» оказываются следствиями сугубо идеологических постулатов. Математические и экспериментальные шаги Галилея к установлению закона свободного падения тел представляются, на первый взгляд, верхом объективности, естественным ответом на принуждение «нейтральной» реальности. Но ведь закон этот — неотъемлемая часть идеологии, кредо которой выражено в галилеевских же словах, что книга природы написана математическим языком. Вот и получается, что «объективный» закон несет в себе идею реальности, игнорирующую какой-то кусок реального мира,— скажем, биологические, психологические, социальные, исторические, художественные явления. И вместо того чтобы, во всяком случае, признать «неподдающиеся» области просто иной, по сравнению с физической, реальностью и тем самым сделать необходимый шаг к локализации идеи «физикалистского» мира этим областям, коль скоро они не отвечают данной идее, вообще отказывают в статусе рациональности.

В итоге складывается определенный ценностный стереотип: психологи предпочитают живому, неформальному контакту с личностью тесты; физики-ядерщики убеждены, что их область заслуживает большей финансовой поддержки, чем, скажем, экология; у медиков-теоретиков нет сомнений в превосходстве теоретической медицины над врачебной практикой. И так далее. П. Фейерабенд, конечно, полемически заостряет проблему, но он убежден, что сегодняшнюю нашу жизнь все больше определяет восходящая еще к Протагору идея общественного самоконтроля, когда все институты общества, включая институт науки, управляются не избранным кругом лиц, специалистов в своих областях, имеющих привилегию на «экспертизу», а всеми гражданами, в повседневном своем опыте сообща вырабатывающими знание и критерии его оценки.

То, что П. Фейерабенд называет реализацией сегодня в научном познании протагоровской идеи, приводя в качестве прецедентов современную теорию катастроф или термодинамику открытых систем (где, по его мнению, использован опыт обыденного познания, органично сочетающего «наивный», естественный взгляд на вещи и научную истину о них), есть защищаемая им — и отнюдь не только им — альтернативная идеология науки. Это идеология демократичного познания, «депрофессионализированного» в том смысле, что оно должно, отнюдь не уничтожая старую идеологию, расширить ее рамки, максимально вобрав в себя «донаучный» познавательный опыт и соединив тем самым в фигуре ученого профессионала и человека, рациональное и художественное, истину и мораль. Именно в таком смысле «депрофессионализированной» наукой занимался, скажем, медик Гиппократ, отождествлявший болезнь с особенностями конкретного больного.

И уже не классическое отношение «субъект познания — объект познания» должно составлять «несущую конструкцию» этой новой научной идеологии, а живое, историческое единство «человек — мир», где обе стороны, взаимодействуя, постоянно друг друга изменяют и друг без друга не существуют. Отвечающее такому единству понятие истины становится не абсолютным, а историческим: хотим мы этого или нет, научная истина воспроизводит не «вещи», а живую их историю, частью которой само научное познание и является.

Она всегда и объективна, поскольку есть описание того, что само по себе существует независимо от нас, и субъективна, так как носит неистребимо антропоморфный характер, неизбежно подчеркивая одни особенности объекта и затеняя другие. В этом смысле — опять же заостряя — можно сказать, что претензия научной картины мира быть единственно возможным образом «реальности в себе» обоснована не более, чем, допустим, претензия карикатуриста, тоже ведь объективно стремящегося к узнаваемому изображению объекта, хотя и добивающегося этой узнаваемости заострением одних черт изображаемого при игнорировании других. Разница лишь в том, что карикатурист делает акцент на уникальном в ущерб универсальному, в то время как ученый — на универсальном в ущерб уникальному. Но и карикатура, и наука, и художественная литература, и публицистика, и музыка и т. д.— все это равноправные и, скорее всего, взаимодополняющие традиции описания мира.

Мы, может быть, не поймем полемическую заостренность всех этих рассуждений (которые я здесь отчасти вульгаризировал ради наглядности), если не учтем их идеологический, культурный подтекст.

Фейерабенд принадлежит к тому общественному — или, лучше сказать, культурному — движению, которое рассматривает теоретический догматизм, физикалистскую иерархию, познавательный редукционизм и тоталитаризм как синонимы, выражающие опасную тенденцию современной науки все больше отдаляться от общества, все больше усложнять свои теоретические конструкции. Растет трудность восприятия ее «простыми людьми», усиливается разрыв между ними и «посвященными», сам по себе провоцирующий сдвиг от демократии к иерархизму и тоталитаризму, к превращению науки во властную структуру, окончательно отчужденную от общества и морали.

Да, общество, однажды выбрав путь «научно-технологического» развития, попало, к несчастью, в полную зависимость от этого своего выбора, но наука будет настолько демократична, насколько близка обществу, насколько оно сумеет собственным социальным и нравственным усилием оправдать свой выбор.

Вот зачем нужна новая идеология науки: для воссоединения научного мышления с моралью, от которой традиционная научная идеология, отразившая исторически сложившееся неравноправие наук, отчуждена в принципе. Ведь потому и возникло это неравноправие, что развитие цивилизации пошло по «научно-технологическому» пути, то есть править бал исторически было предписано «практичным» наукам, с прямой технологической и технической отдачей. И получилось так, что негуманитарные «технологичные» науки, призванные воспроизводить данный тип цивилизации и человека, утверждали внутри самого института науки именно негуманитарное «научно-технологическое» массовое сознание, то есть формировали, в сущности, негуманитарное общество.

И то, что в XX веке цивилизация подошла в своем развитии к рубежу, ясно обозначившему возможность ее военного и экологического самоуничтожения, доказывает эту, присущую классическому «научно-технологическому» обществу моральную «усеченность». А то, что общество осознает сегодня эту пропасть, вообще заговорив о проблемах экологии и необходимости новой идеологии общежития — сотрудничества вместо конфронтации,— обозначает поворот к новой морали, проявившийся, в частности, в критике познавательного редукционизма, оспаривании командного места физики в существующей иерархии наук.

В самом деле, почему и сегодня естествознание должно определять научную идеологию? Только лишь потому, что естественные науки «практичны», «технологичны»? Но ведь именно это и бьет сейчас бумерангом по человечеству, выбравшему, как теперь выясняется, во многом тупиковый и даже убийственный вариант развития цивилизации. И в этом аспекте идея альтернативной познавательной стратегии звучит призывом отказаться от скомпрометировавшего себя «научно-технологического» пути общественного развития в пользу, условно говоря, пути «экологического». ●

Пол Фейерабенд

Наука и идеология

История науки странным образом буквально переполнена примерами игнорирования очевидных фактов и основательных аргументов по чисто идеологическим соображениям.

Каковы же причины столь странной ситуации? Иногда это просто невежество. Ученые, работающие в одной какой-то области, имеют самое смутное представление о том, что делается в других. Неспособные справиться с постоянно растущим потоком информации (но стараясь удержаться «на уровне»), они либо все упрощают, либо полагаются на слухи. Другая причина — естественное желание обобщать локальные успехи: то, что оправдывает себя в одной области науки, объявляется универсальным и переносится на другие. Главное же — наука в целом основана на идеологии. Разумеется, отдельные научные аргументы могут быть и свободны от нее, но весь аргументационный каркас почти всегда в той или иной мере идеологизирован.

Вот, скажем, галилеевский закон свободного падения тел в сопротивляющейся среде. Вспомним в связи с ним знаменитую идею Галилея, что книга природы написана математическим языком. Да, галилеевский закон — пример виртуозного приложения математики. Но ведь Галилей таким образом исключил не только целые исследовательские области, слабо поддающиеся математизации, но и обыденный опыт с его неделимыми, целостными, качественными сущностями. Как же обходятся сторонники галилеевской идеи с такими областями? Они допускают их существование, даже признают успешность некоторых из них, хотя и добавляют тем не менее, что их успех нарушает устойчивое продвижение науки в целом к объективной истине. Но они отрицают их равноправие с галилеевской реальностью: есть просто два типа сущностей и соответственно — два класса дисциплин. Сущности первого типа «реальны», «объективны», «рациональны», дисциплины этого класса — фундаментальные науки. Сущности второго типа — «кажущиеся», «субъективные», «иррациональные», и соответствующие им дисциплины вторичны, не заслуживают особого внимания. Истинное знание имеет дело только с сущностями первого типа.

Конечно, ни один нормальный человек не стал бы отрицать успехи математизированной науки. И я их не отрицаю. Хочу лишь привлечь внимание к тому, как сторонники подобного подхода справляются со своими неудачами. Они их просто не признают. Неудачи не становятся для них сигналом пересмотра

представления о реальном. Им легче объявить «ирреальным» все то, что в эти представления не укладывается. Ведь даже далеко не все цивилизации в восторге от диктуемого наукой «рационального» образа жизни. Некоторые из них почему-то предпочитают брать за образец «иррациональные» жизненные коллизии, где правят бал такие вещи, как гармония, счастье, любовь, мораль и т. д.

Словом, мы должны допустить, что в любом случае научное знание — результат некой оценки: на него не просто влияют, его формируют ценности.

Первым, кто замыслил производить знания «научным» способом, был Парменид. Опираясь лишь на одну из многих способностей человека — на его способность видеть за изменчивым неизменное, за множественным — единое, Парменид утверждал, что мир, включая человека, это некое неизменное и неделимое целое. Он, конечно, осознавал, что наш обыденный опыт говорит иное, и дал даже систематическое, детальное его описание, но называл эту картину «обманчивой», основанной на случайных впечатлениях «легкомысленного глаза» и «оглушенного уха», удивляясь простодушию их обладателей, позволивших себя так очевидно обмануть. А теперь посмотрим, что это значит! А значит это, что опыт личной и общественной жизни человека как основа его существования (а следовательно, существования и самого Парменида, иначе, как вообще мог он научиться языку, на котором и выражал эти свои идеи) объявляется химерой, в то время как изобретения малочисленной группы воинственных интеллектуалов рассматриваются как мера реального.

Ценности, а не аргументы рождают подобные суждения, хотя если есть суждения, будут и аргументы. Аристотель использовал именно эту особенность Парменидовой философии для создания собственного мировоззрения — он просто «перевернул» Парменидову шкалу ценностей: реально то, что играет важную роль в жизни людей, а не то, что придумано логиками.

Лишь очень немногие современные ученые — в этом смысле аристотелианцы. Большинство же просто бездумно принимает основные принципы и ценности своей области науки. Между тем если научные результаты не только испытывают влияние со стороны ценностей, но и этими ценностями формируются, то мы должны совершенно по-новому посмотреть на роль ученого в обществе.

Расхожий взгляд — эксперты обеспечивают нас фактами и законами. Факты и законы ценностно нейтральны. Мы, свободные, независимые люди, принимаем и используем их так, как считаем нужным. Именно мы вводим ценности в продукты научного труда. Мы можем превратить их в инструменты разрушения, а можем использовать для строительства мирной и достойной жизни. В любом случае принимаемые нами решения не предопределены информацией, полученной от экспертов. Я же считаю этот взгляд ошибочным. Любое научное утверждение заведомо ценностно нагружено. И даже самые простые и кажущиеся абсолютно объективными научные факты могут нести в себе семена жестокости. Поэтому, воспринимая продукты научного труда, мы можем подчас воспринять и ценности, не совместимые с некоторыми из общечеловеческих идеалов.

И это вовсе не открытие. Все старо как мир. Институт экспертов — древний институт. Некоторые историки полагают, что появились они чуть ли не с первыми постоянными поселениями людей, с возникновением земледелия. Эксперты стали учеными, когда их практика дополнилась теоретическим обоснованием — разработками софистов и Платона. Ранние обсуждения роли экспертов и экспертного знания имели место в Греции в V—IV веках до новой эры среди софистов, сочинителей комедий, а затем — у Платона и Аристотеля. И здесь выявились два взгляда.

Согласно одному из них (только что описанному и неверному), эксперты — люди со специальными навыками, производящие специальное знание. Знание должно быть воспринято обществом в форме, предложенной экспертами. В Греции этот взгляд стал популярным только в поздней античности. В течение же V века до новой эры был объектом насмешек.

Согласно второму взгляду, эксперты обладают специальными навыками, но преследуют свои интересы и цели. И то и другое ограничивает их опыт. Они изучают не все явления, но только относящиеся к их цели: они — профессиональные редукционисты. Трудности игнорируются простым признанием их нереальными, субъективными, иррациональными. Экспертное знание отражает неполноту экспертного опыта. Поэтому крайне глупо было бы рассматривать его как истинное, полноправно представляющее реальность. И так же глупо было бы использовать его в качестве универсального правила без уверенности, что цели, лежащие в основе экспертного

знания, согласуются с нашими личными целями и целями общества, в котором мы живем.

Платон, исповедовавший этот взгляд, добавлял, что адаптация экспертных идей к ценностям общества — это задача суперэкспертов, а именно философов: философы не сосредоточены на специфических явлениях и исследуют их в связях с обществом и физическим миром в целом. У них есть чувство перспективы, и кроме того, они знают, что́ вредит, а что́ идет на пользу людям. Конфликт между Галилеем и церковью именно этого рода: Галилей настаивал на принятии своих идей без всякого изменения, в то же время как церковь оставляла за собой исключительное право определять их содержание и использование.

По мнению Протагора, который также придерживался второго взгляда, контроль и переинтерпретация научного знания — задача всех граждан, а не только философов. Граждане не невежды. Живя в обществе, где информация свободно ходит между людьми, они приобретают большое знание. Приобретают благодаря человеческим контактам и налагаемым на них гражданским обязанностям (вспомним, что афинские граждане привлекались к обсуждению не только политических событий, но и к контролю за такими экспертами, как военачальники, мореплаватели, врачи, и даже за продукцией некоторых из величайших авторов трагедий — они обсуждали и награждали Эсхила, Эврипида, Аристофана и других). Сегодня именно протагоровские идеи во многом формируют нашу жизнь. Члены суда присяжных — неспециалисты, однако они — последние судьи экспертного заключения. Законодатели в гражданском обществе могут, конечно, быть экспертами, но не обязательно. Имея более широкий взгляд на ту или иную ситуацию, чем у оценивающих ее экспертов, они могут находить, и часто находят, пробелы в экспертной оценке.

Наиболее важная, «протагоровская», особенность современной политической жизни — это существование обществ, чьи базисные ценности определяются конституцией в сочетании с волеизъявлением народа, а не специфическими групповыми интересами. Общества этого рода очень заботятся об отделении государства от религиозных и других идеологий.

Теперь мы видим, что и ученые — не нейтральные поставщики фактов, а группа со специфическими интересами, преуспевшая в навязывании обществу ценностей под видом «ценностно нейтрального» знания. Поэтому наука также должна быть отделена от государства. И еще. Мы должны заботиться, чтобы результаты научного исследования были подвержены строгому общественному контролю.

В заключение позвольте добавить, что описанная мною картина традиционной науки сегодня уже не остается монолитной. Она сохраняется в больших и хорошо финансируемых институтах. Однако и там она начинает медленно разрушаться, причем в самой своей основе, которую составляют математика, астрономия, физические науки. Разрушаться, в частности, попытками объединить естественнонаучные и гуманитарные дисциплины и таким образом вернуться к старой и уважаемой традиции научного исследования.

Существует целый букет математических дисциплин, таких, как, скажем, топология, которые по сути не количественны, а качественны. Они развиваются, внося этот «качественный» вклад в механику и астрономию, и сейчас с уверенностью можно говорить о конце «количественного» периода в небесной механике. В том же ряду и расходящиеся с традиционной картиной науки успехи теории катастроф и термодинамики открытых систем, успехи, которые побудили нобелевского лауреата этолога Конрада Лоренца отметить неоспоримость того обстоятельства, что наш субъективный опыт так же реален, как и все то, что может быть выражено в терминах точных естественных наук. Вольфганг Паули, один из ведущих физиков героического времени теории относительности и квантовой механики, давно предупреждал ученых, что процедуры грубой объективизации не согласуются со структурой мира, как она просматривается в физических, психологических и антропологических исследованиях.

Словом, ясно, что передовая линия здесь отходит от объективистской идеологии науки XIX века. Эта идеология утратила былую свою интеллектуальную силу. Однако она остается еще силой административной, политической и финансовой. И нам, гражданам свободного общества, дано изменить эту ситуацию, дать новым идеям шанс. ●

Перевод А. АЛИ-ЗАДЕ

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ Н. И. ВАВИЛОВА

С. Резник

Правда и ложь о Вавилове и Лысенко

«Николай Иванович — гений, и мы не сознаем этого только потому, что он наш современник».

Эти слова Д. Н. Прянишникова, сбереженные для нас Л. П. Бреславец, многократно повторялись биографами Н. И. Вавилова, но их можно повторять снова и снова.

Вклад Вавилова в науку огромен. Но еще большее значение имеет его нравственный подвиг. Мягкий, деликатный, доброжелательный, уступчивый, Николай Иванович обнаружил огромную твердость духа, когда ему пришлось вести неравный бой за научную истину. «Я борюсь прижатый к стене, но я никогда не сдамся», писал Вавилов в 1938 году своему другу американскому ученому Харланду. А годом позже сказал с трибуны: «Пойдем на костер, будем гореть, но от убеждений своих не откажемся». И пошел на костер.

Самопожертвование Вавилова во имя истины навсегда останется в истории, как подвиги Сократа, Христа, Джордано Бруно...

В августе 1955 года Николай Иванович был официально реабилитирован, но наука, ради которой он погиб — классическая генетика, — по-прежнему считалась буржуазной лженаукой. Только после падения Хрущева возникли условия, при которых правда о Вавилове и Лысенко могла стать достоянием гласности.

Но с конца 1966 года материалам о сталинских репрессиях стало все труднее пробиваться в печать, и вскоре всякое упоминание о них сделалось невозможным. Снова был наложен запрет на критику Лысенко и даже на упоминание его имени. Похолодание особенно усилилось в 1968 году, в связи с событиями в Чехословакии. Ж. А. Медведеву так и не удалось издать на родине свою книгу, она вышла в США. Недоступны советскому читателю и работы западных исследователей лысенковщины. Написанная мною биография Вавилова вышла в серии ЖЗЛ (1968) с большими цензурными изъятиями, но и в таком виде была признана идеологически вредной. 90 процентов ее стотысячного тиража по личному указанию М. А. Суслова около года находилось под арестом (книги были отпечатаны в отдельной комнате в типографии).

Тем не менее в печати появилось немало публикаций о трагической судьбе генетики в СССР. Внимание привлекла повесть М. Поповского «1000 дней академика Вавилова».

К сожалению, автор исказил истинный характер отношений между Вавиловым и Лысенко. Он изобразил дело таким образом, будто Вавилов — вопреки сопротивлению других ученых — всячески выдвигал Лысенко, помог ему утвердиться в науке и приобрести небывалое могущество. Смысл повести свелся к тому, что Вавилов в значительной мере сам повинен в собственной гибели и в разгроме генетики.

Ж. Медведев убедительно показал несостоятельность этой версии. Тем не менее в книге «Дело академика Вавилова», ни словом не возразив на критику, М. Поповский с еще большей настойчивостью проводит ту же версию. Он выдвигает против Вавилова и другие обвинения: Николай Иванович верно служил тоталитарному режиму, поддержал губительную для страны коллективизацию, слишком быстро «раскололся» на следствии.

Я не сторонник апологетических биографий; считаю, вслед за И. И. Мечниковым, что «в биографиях не следует умалчивать ни о чем дурном». Но одно дело — не умалчивать о слабостях, ошибках, недостатках великого человека, и другое — приписывать ему мнимые ошибки.

Столетний юбилей Н. И. Вавилова, совпавший с начальным периодом гласности, вызвал к жизни целое море публикаций в сотнях самых разных изданий. Юбилейная волна вынесла на берег немало материалов, имеющих большую ценность. К сожалению, большинство авторов либо обходят начальный период взаимоотношений Вавилова и Лысенко, либо повторяют версию М. Поповского.

Эта же мысль стала ключевой в статье В. Сойфера «Новый взгляд на эру Лысенко», опубликованной в английском научном журнале «Нейчур». Так миф вошел не только в сознание обывателей, но и в обиход науки. Получается, что если бы Н. И. Вавилов не сплоховал в начале тридцатых годов, если бы не пошел наперекор коллегам, то, глядишь, все было бы иначе...

Как творится легенда

В статьях, письмах и выступлениях Вавилова можно найти ряд положительных высказываний о некоторых аспектах ранних работ Лысенко. Однако для подтверждения всей версии М. Поповскому этого недостаточно, он широко использует и произвольно истолковывает весьма сомнительную, а то и недостоверную информацию. Вот один из примеров:

«Многолетний друг Николая Ивановича, его однокашница по Петровской академии, Лидия Петровна Бреславец, в интервью, данном незадолго до смерти, сообщила радиожурналистке А. Г. Хлавна: «Николай Иванович сам втягивал Лысенко на высоту. Вот как-то раз я была на ученом заседании в тридцать четвертом году, когда Николай Иванович говорил: «Мы сейчас попросим (выступить), есть такой молодой человек, подающий большие надежды, ученый Лысенко». Лысенко себя тогда уже держал так, что мы не выдержали и сказали Николаю Ивановичу: это страшно, зачем он так его тянет кверху...»

Это высказывание приводится без всякой критики, между тем оно совершенно абсурдно: в 1934 году слава тридцатишестилетнего Лысенко гремела по всей стране, назвать его «молодым человеком, подающим большие надежды», можно было только в насмешку. И в любом случае эта информация не могла исходить от Л. П. Бреславец. Я имел возможность познакомиться с рукописным (доцензурным) вариантом ее воспоминаний и могу засвидетельствовать, что о «втягивании» Вавиловым Лысенко на научный олимп в них не говорилось. Кроме того, мне довелось много раз беседовать с Лидией Петровной. Ни слова о том, будто Вавилов «втягивал» Лысенко, я от нее не слышал. Не говорила она ничего подобного и М. Поповскому, который тоже встречался с ней, иначе он сослался бы непосредственно на свою собеседницу, а не на радиожурналистку.

Произвольные интерпретации высказываний и документов позволяют делать еще более произвольные обобщения. «Постоянное возвеличивание (Вавиловым. — *С. Р.*) заслуг одесского растениевода вскоре дало свои плоды: на Лысенко обратили внимание высокие должностные лица. В Одессу зачастили гости из столицы Украины, а потом и из Москвы... Народный комиссар земледелия СССР Я. А. Яковлев даже предоставил ему своеобразную привилегию: Лысенко мог по любому поводу обращаться лично к наркому».

Так выстраивается линия: Вавилов первым подхватил работы Лысенко, стал его возвеличивать, рекомендовать партийно-политическому руководству, благодаря чему тот получил поддержку украинских, а затем центральных властей. Как же было на самом деле?

Встреча Лысенко с Вавиловым

Летом 1927 года корреспондент «Правды» Виталий Федорович, объезжая Кавказ, заглянул и в Гянджу, посетил опытную станцию, где познакомился с работавшим там Лысенко. «Босоногий профессор» вызвал у него «ощущение зубной боли». «И на слово скупой, и лицом незначительный, только и помнится угрюмый глаз его, ползающий по земле с таким видом, будто по крайней мере собрался он кого-нибудь укокать».

Несмотря на немногословие собеседника, журналист все же сумел понять поставленную перед агрономом задачу. Он написал, что Лысенко «решает (и решил) задачу удобрения земли без удобрительных и минеральных туков, озеленения пустующих полей Закавказья зимой, чтобы не погибал скот от скудной пищи и крестьянин-тюрк жил зиму без дрожи за завтрашний день».

На сенсационную статью обратили внимание многие. Заинтересовался работами начинающего специалиста и Николай Иванович Вавилов. Он направил в Гянджу молодого сотрудника отдела бобовых культур Николая Родионовича Иванова. Вернувшись, тот сообщил, что Лысенко мечтает озимые хлеба сеять весной. Иванов охарактеризовал Лысенко как энергичного и увлеченного, но малообразованного работника, который вряд ли сможет чего-то добиться без должного научного руководства и благоприятной среды. Возник проект пригласить Лысенко на работу в Институт прикладной ботаники, но против этого запротестовал заведующий отделом физиологии Н. А. Максимов, который должен был бы стать его прямым руководителем. Вавилов не стал конфликтовать с одним из ведущих своих сотрудников, и проект не был осуществлен.

Летом 1928 года Вавилов объезжал опытные станции своего института и других сельскохозяйственных учреждений. По утверждению М. Поповского, он посетил и Гянджу, где впервые встретился с Т. Д. Лысенко. Это мнение перекочевало в другие работы по истории генетики, однако оно не подтверждается документами. Если такая встреча и состоялась, то она была мимолетной и никаких последствий не имела. Важнее другое: в 1928 году отдельной книгой вышла в свет работа Лысенко «Влияние термических факторов на продолжительность фаз развития растений», которая выделила молодого агронома из большого числа начинающих исследователей.

В январе 1929 года по инициативе Вавилова в Ленинграде состоялся Всесоюзный съезд по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству. М. Поповский и В. Сойфер считают, что приглашение Лысенко на этот съезд было знаком особой милости к нему со стороны Вавилова и стало стартом его научно-политической карьеры. Однако съезд был задуман как смотр достижений всей сельскохозяйственной науки. В нем участвовали полторы тысячи работников, включая начинающих ученых и даже стажеров. Не пригласить на такой съезд Лысенко не было никаких оснований, и нет данных о том, что Вавилов лично посылал ему приглашение. Сообщение Лысенко прошло почти незамеченным. Выступил по нему только Н. А. Максимов, который указал, что данные Лысенко в основном совпадают с тем, что давно вошло в обиход науки.

«Год великого перелома»

Возвращаясь из Ленинграда, Трофим Лысенко остановился в родной деревне и уговорил отца-крестьянина провести опыт в своем хозяйстве. Денис Лысенко намочил семена озимой пшеницы в теплой воде, дал им набухнуть и слегка прорасти, а затем ссыпал в два мешка и закопал в снег, где они пролежали около двух месяцев. Когда наступила пора весеннего сева, Денис Лысенко, наряду с яровыми, посеял выдержанные под снегом озимые.

Озимая пшеница своевременно выколосилась и дала хороший урожай. 10 июля, до начала уборочной страды, Денис Лысенко, прихватив образцы растений, отправился в Харьков (тогдашняя столица Украины) и явился прямо в наркомат земледелия.

В предыдущие два года, 1927 и 1928, на Украине стояли неблагоприятные зимы, от которых сильно пострадали озимые. Между тем в стране был взят курс на индустриализацию, потребность в хлебе для растущего городского населения возросла, росли планы хлебозаготовок, и выполнять их надо было любой ценой. Наркомзем проводил совещания — там обсуждали, как обеспечить устойчивые урожаи озимых. Но обещания ученых вывести зимостойкие сорта относились лишь к отдаленному будущему. И вдруг все оказалось проще пареной репы: крестьянин Денис Лысенко держал в руках выколосившийся снопик озимой пшеницы, высеянной весной!..

Комиссия республиканского наркомзема ознакомилась с чудо-пшеницей на месте. Урожай оказался не 30 центнеров на гектар, как говорил Денис Лысенко, а только 24, но и это было значительно выше среднего урожая яровых (10 центнеров на гектар). Трофима Лысенко пригласили в Харьков сделать доклад, после чего для него срочно создали отдел яровизации в украинском селекционно-генетическом институте в Одессе, которым руководил профессор А. А. Сапегин. Без консультаций с учеными наркомат постановил уже следующей весной засеять озимой пшеницей, обработанной по методу Лысенко, 1000 гектаров земли. Сенсационные сообщения о замечательном открытии отца и сына Лысенко появились во многих газетах, в том числе в «Правде».

Только в ноябре 1929 года «Сельскохозяйственная газета» провела дискуссию по вопросам яровизации. Высказывания видных ученых — Тулайкова, Максимова, Сапегина, Лисицина и других — различались по тону, но в основном совпадали. Положительно оценив идею дальнейшего углубления исследований в области воздействия низких температур

на вегетацию растений, внедрение яровизации в практику они считали преждевременным.

Но внедрение уже началось. Поэтому неудивительно, что в той же газете вскоре появилась очень агрессивная статья за подписью «Наркомзем Украины», которая обвиняла оппонентов Лысенко в том, что они не знают, о чем говорят.

Какую же роль на этом первоначальном и потому самом критическом этапе карьеры Лысенко играл «первый агроном страны» Николай Иванович Вавилов? Ответ прост: никакой. Ни об опыте в хозяйстве Дениса Лысенко, ни о том, что за этим последовало, Вавилов не имел ни малейшего понятия, так как еще в июне 1929 года отправился в Дальневосточную экспедицию, охватившую Западный Китай, Формозу (Тайвань), Японию и Корею. Вернулся он из экспедиции только 22 декабря.

Коллективизация и яровизация

В Одессе Лысенко подготовил и стал рассылать по только что созданным колхозам инструкцию о предпосевной обработке семян. Наркомзем Украины всячески способствовал этому начинанию и обязывал земельные органы на местах внедрять рекомендации Лысенко. О новаторе доложили в Москву, и Лысенко поддержал нарком земледелия СССР Я. А. Яковлев. Яровизация приобрела характер всесоюзной политической кампании. В колхозах и совхозах срочно создавали хаты-лаборатории, отыскивали «передовиков», которые в этих хатах мочили семена и затем до посева выдерживали их при низкой температуре, руководствуясь лысенковской инструкцией. Под яровизированные семена отводили лучшие земли; эти участки лучше обрабатывали, удобряли, за посевами велся особенно тщательный уход. Нередко в помощь яровизаторам направляли сотрудников опытных учреждений. Их отрывали от научной работы, чтобы обеспечить успех яровизации.

Результаты опытов стекались к Лысенко со всей страны, но отсутствие контрольных посевов обесценивало эти данные. Впрочем, и такие результаты Лысенко не подвергал статистической обработке. Он рапортовал об отдельных примерах хороших урожаев, полученных якобы благодаря яровизации, а все неудачи относил за счет неправильного выполнения инструкции. Он требовал распространить свой агроприем на все 100 миллионов гектаров зерновых, заявляя, что если яровизация даст прибавку только одного центнера на гектар, то страна получит дополнительно 100 миллионов центнеров зерна.

Ну а если не даст?.. Сама постановка такого вопроса была равносильна вылазке классового врага.

В 1931 году агроном Лысенко был награжден орденом Трудового Красного Знамени, что означало официальное признание его выдающихся заслуг перед государством.

В 1932 году по приказу наркомзема под яровизированные посевы было отведено 200 тысяч гектаров, к 1937 году эта цифра была доведена (по крайней мере, по официальным данным) до 10 миллионов гектаров.

«Бюллетень яровизации», который Лысенко начал издавать в 1932 году, а затем журнал «Яровизация» (с 1935 года) рекламировали опыт «передовиков». Таково было лицо новой, «социалистической», науки, противопоставленной традиционной, «буржуазной». Реальные результаты никого не интересовали. Требовался охват, массовость, победные рапорты. Успехи яровизации символизировали успехи колхозного строя. Усомниться в пользе яровизации означало почти то же самое, что усомниться в правильности курса на социалистические преобразования в деревне, да и в социализме вообще.

Каково же было отношение Вавилова к начинанию Лысенко? В сентябре 1931 года он выступил на совещании в наркомземе с обширным докладом под названием «Новые пути исследовательской работы по растениеводству». Доклад охватывал все основные аспекты этой проблемы, включая и ускорение вегетации растений. Пионерами в этой области науки Вавилов назвал американских ученых Алларда и Гарнера, которые установили связь между длиной вегетационного периода и продолжительностью светового дня. В качестве примера он указал на работы к тому времени умершего Г. С. Зайцева: искусственно укорачивая световой день, он заставил плодоносить тропический многолетний хлопчатник. В этом же ряду Вавилов назвал работы Лысенко, которые давали еще один метод управления длиной вегетационного периода. По мнению Вавилова, этот метод позволял вовлечь в селекцию некоторые сорта из мировой коллекции растений, обычно не вызревающие в условиях Советского Союза. Однако в том же докладе Вавилов подчеркнул, что от яровизации не следует ждать немедленных практических результатов:

«Пока мы еще не знаем, с какими сортами практически надо оперировать в каких районах. Еще не разработана самая методика предпосевной обработки посадочного материала. Еще нет оснований с полной гарантией идти в широкий производственный опыт».

Как видим, в оценке работ Лысенко Вавилов присоединился к тем, кто раньше высказался в «Сельскохозяйственной газете».

Разница состояла только в том, что участники обсуждения 1929 года были уверены: весь сыр-бор загорелся из-за сенсации, раздутой газетами, тогда как в сентябре 1931 года было хорошо известно — «широкий производственный опыт» уже осуществлялся в сотнях колхозов и власти придают этому движению значение важной политической кампании.

Выступление Вавилова было прямым вызовом не только по отношению к Лысенко, но и по отношению к наркому земледелия, по отношению к тысячам «опытников», мочивших семена в хатах-лабораториях по всей стране, и, в конечном счете, к «нашей колхозной действительности», которую Лысенко называл истинным автором яровизации как практического агроприема.

Нарком земледелия

Яков Аркадьевич Яковлев был типичным сталинским наркомом. Не случайно в наркомзем он пришел из Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) — одной из самых ранних и надежных вотчин Сталина. И не случайно наркомом земледелия он стал в год великого перелома, когда была начата сплошная коллективизация.

Практическое проведение коллективизации Сталин возложил на партийный и государственный аппарат, на ОГПУ, в некоторых случаях — на армию. По этим каналам спускались контрольные цифры на раскулачивание, реквизицию, депортацию, устраивались сроки сплошной коллективизации. По этим же каналам шли наверх, к Сталину, рапорты о выполнении и перевыполнении задания. Исполнители не думали о посеве и уборке, об урожае зерновых, о поголовье свиней и уходе за обобществленными лошадьми. Эта сторона дела как раз и лежала на земельных органах, которые находились в ведении наркома земледелия. В то время, как партийно-советский аппарат и ОГПУ разваливали сельское хозяйство, наркомат земледелия обязан был обеспечивать его продуктивность. Не видя иного пути для подъема разоренной, но согнанной в колхозы деревни, Яковлев обратился к ученым, благо в его подчинении оказалась целая Академия сельскохозяйственных наук. От них он ждал панацеи. В это время и появился Лысенко, ученый-крестьянин, ориентированный на практику и бравшийся решить такие проблемы, перед которыми пасовала «буржуазная» наука...

«Буржуазный» специалист

Для понимания динамики отношений Вавилова и Лысенко необходимо остановиться на лояльности Вавилова к тоталитарному режиму.

Вавилов не конспирировал против советской власти, честно работал на благо науки, старался быть полезным сельскому хозяйству своей страны и, следовательно, был лоялен к режиму в общепринятом смысле этого слова. Однако в тоталитарном государстве существуют особые критерии лояльности. Каждый человек здесь подозрителен, но особенно ненадежными считаются «классово чуждые элементы», к числу которых относился и Вавилов как «буржуазный» ученый и сын эмигрировавшего капиталиста.

Подымать разоренное хозяйство без специалистов было невозможно. А «свои», рабоче-крестьянские специалисты отсутствовали. Количество «буржуазных» спецов за годы гражданской войны и военного коммунизма тоже изрядно поубавилось: значительная их часть погибла от голода и болезней или эмигрировала. Тем ценнее были оставшиеся. Но им не доверяли. И чем более высокий пост такой «спец» занимал, тем бдительнее был надзор.

Всесоюзный институт прикладной ботаники (с 1930 года — Всесоюзный институт растениеводства, ВИР) был одним из самых крупных научных учреждений страны. Кроме основной базы в Ленинграде в него входила сеть опытных станций, государственная система сортоиспытания и семеноводства. До 1929 года Н. И. Вавилов возглавлял также Государственный институт опытной агрономии, а в 1929 году организовал и возглавил Академию сельскохозяйственных наук. В 1930 году он возглавил Лабораторию генетики Академии наук СССР (после смерти ее заведующего Ю. А. Филипченко). С 1933 года лаборатория превратилась в Институт генетики. Таким образом, под руководством Н. И. Вавилова оказалось большое число научных учреждений.

Казалось бы, все это свидетельствует о доверии к Вавилову со стороны государственного и партийного руководства. И все же в глазах властей он оставался буржуазным специалистом, за которым необходимо присматривать. Председателем совета Института прикладной ботаники был Н. П. Горбунов, бывший секретарь Совнаркома, ставший «комиссаром» при Вавилове.

К счастью, это был весьма толковый и интеллигентный комиссар. Но и для Горбунова Вавилов был буржуазным ученым, что приводило к недоразумениям и прямым конфликтам.

Вавиловский институт то и дело пощипывала пресса. Так, в 1929 году «Правда» напечатала стихотворный фельетон Демьяна Бедного по поводу якобы состоявшегося молебствия и водосвятия в фитопатологической лаборатории. Фельетон перепечатали «Вечерняя Москва» и ленинградская «Красная газета», хотя никакого молебствия, разумеется, не было — в то время это уже было невозможно. Вавилов послал в газету опровержение, но его не напечатали. Годом позже в «Правде» появилась статья «Институт благородных ботаников» — о том, что в Вавиловском институте свили гнездо бывшие дворяне. Вавилов снова послал в газету разъяснения: в институте работают крупнейшие специалисты своего дела; большинство из них получило образование еще до революции, когда доступ к нему для рабочих и крестьян был ограничен, поэтому неудивительно, что многие работники института происходят из дворян. Разъяснение газета тоже не напечатала, и впечатление о том, что ВИР — это прибежище для «бывших», осталось надолго.

Положение Н. И. Вавилова как руководителя особенно осложнилось после того, как к ВИРу (в 1930 году) был прикреплен институт аспирантуры, первоначально созданный при ВАСХНИЛ. Если при приглашении сотрудников в свой институт Вавилов интересовался их подлинным научным весом, а не анкетными данными, то для поступления в аспирантуру решающую роль играло рабоче-крестьянское происхождение, партийность, неучастие в оппозициях, а не знания и склонность к научной работе. В институте возникло то, что Вавилов мягко называл «дисгармониями». Нарушилась «спайка» работников, которую он особенно ценил. Некоторые аспиранты стали нападать на своих руководителей, обвиняя их в кастовости, идеализме, нежелании делиться своими знаниями. Не могло быть и речи о том, чтобы отчислить кого-либо из крикунов. Ведь это были не дети помещиков, капиталистов, интеллигентов, а рабоче-крестьянские кадры, на которые Сталин делал основную ставку.

Вскоре обвинения в реакционности всего научного направления, созданного Н. И. Вавиловым, появились в печати. Относительно того, чем это грозит, Вавилов не питал никаких иллюзий. Будучи по натуре деятельным оптимистом, он, правда, верил в здравый смысл, однако действительность сильно подрывала эту веру.

Шахтинское дело открыло кампанию против специалистов, в которых власти, казалось бы, так сильно нуждались. Вскоре репрессии коснулись биологов и агрономов, которых Николай Иванович хорошо знал. В архивном фонде ВИРа сохранились копии десятков писем, направленных Вавиловым в ОГПУ, в которых он с самой лучшей стороны характеризовал арестованных ученых. Эти письма говорят о гуманности Николая Ивановича, и они же — свидетельство его бессилия. Единственное, о чем он мог просить, это об использовании арестованных не на общих работах, а по их специальности — в интересах страны, разумеется, а не в интересах самих арестованных. А ведь часто речь шла о людях, за которых он мог бы поручиться как за самого себя!

Недавно опубликована переписка Н. И. Вавилова с М. О. Шаповаловым. Она приоткрывает завесу над тем, что думал Николай Иванович о репрессиях. Крупный специалист-растениевод, Шаповалов эмигрировал еще до революции и работал в министерстве сельского хозяйства США. С Вавиловым он познакомился в 1921 году, и они стали друзьями. Шаповалов мечтал вернуться на родину, и Николай Иванович взялся ему помочь. Однако в октябре 1931 года Вавилов написал своему заокеанскому другу из Берлина:

«Пользуюсь случаем написать Вам коротенько причины того, что до сих пор мы не выслали Вам официального приглашения к нам.

Эта (прошлая ныне) весна была не очень **легка для специалистов в СССР**. Волна недоверия в связи с процессами Рамзина, Суханова, Осадчего и др. пошла дальше и выразилась недоверием вообще ко всей интеллигенции. Началась суровая и, как правило, несправедливая критика под углом якобы диалектического материализма. Устранено от заведования много специалистов. Часть была даже под арестом в связи с обвинениями в контрреволюции. Это не подтвердилось во многих случаях, но **немало людей пострадало зря.**

Писать об этом неприятно. Многое в прошлом. Но, относясь к Вам дружески, я, конечно, не мог Вас вовлекать в эту пору к нам и просто ни я, и никто из нас **не мог Вам гарантировать нормальной работы».** (Подчеркнуто везде Н. И. Вавиловым. — *С. Р.*)

Это письмо объясняет многое. В частности, загадочные отношения Н. И. Вавилова с Ф. Г. Добржанским, крупным генетиком, который в двадцатые годы был направлен в США на стажировку и решил остаться там навсегда. Николай Иванович горячо убеждал Добржанского вернуться в СССР, обещая самые лучшие условия для работы. Добржанский колебался, что заставляло Николая Ивановича убеждать его с еще большей горячностью. Но внезапно переписка прекратилась — относится это к тому же, 1931 году. Теперь ясно, почему.

Травля Вавилова усиливалась. В 1932 году была опубликована брошюра лингвиста Г. В. Григорьева, посвященная разгрому вавиловской теории центров происхождения культурных растений. Заявив, что Вавилов «разделяет точку зрения индоевропейского языкознания», Григорьев писал:

«Реакционная, шовинистическая, западноевропейская лингвистическая теория производит индогерманцев от какого-то индогерманского пранарода, забывая о диалектическом характере исторического процесса... Кто научил этого «первобытного земледельца», высокой технике ирригации? Царь? Бог? Герой? Где та обетованная индогерманская прародина, в которую в настоящее время верят лишь метафизики и идеалисты?»

Такая «критика» в любой момент могла обернуться арестом. Выручало то, что никто из противников не мог, да и не пытался предложить какую-либо альтернативу теориям ученых. Такой альтернативой и стало «мичуринское» учение Т. Д. Лысенко.

Колхозный ученый

Настаивая на своей версии о том, будто Вавилов вопреки оппозиции других ученых покровительствовал Лысенко, М. Поповский и В. Сойфер невольно останавливаются в недоумении: как же невежда сумел так смошенничать, что провел крупнейшего знатока культурных растений? Поповский выдвигает версию о чрезмерной доверчивости Вавилова, Сойфер говорит о его непонятной слепоте. Но это все равно, как если бы Паганини из доверчивости и слепоты признал виртуозом музыканта, лишенного слуха и не умеющего держать смычок!

На самом деле не было ни доверчивости, ни слепоты со стороны Вавилова, а на начальном этапе — даже мошенничества со стороны Лысенко. Он безгранично верил в то, что яровизация на миллионах гектаров колхозных и совхозных полей приведет страну к изобилию. Поэтому о временных, как ему казалось, неудачах он писал вполне откровенно, указывая, что урожай яровизированных посевов колеблется от 27 до трех центнеров на гектар и что главная причина низких результатов — изреженность всходов, вызванная недостаточным умением и старанием опытников.

Именно этого и опасались Вавилов и другие ученые. Набухшие и проросшие семена — это деликатный материал. Неосторожное прикосновение к такому семени — и росток сломан, теряется всхожесть. А прикасаться надо: лежащее толстым слоем влажное зерно греется, его необходимо перелопачивать. Отсюда и изреженность всходов.

Неужели же Николай Иванович не видел того, что видели все ученые, включая самого Лысенко?

Но если Вавилов в собственном институте был бессилен обуздать крикунов рабоче-крестьянского происхождения, то как же он мог остановить продвижение «колхозного ученого», ставшего символом передовой науки, которая спасает озимые хлеба от суровых зим, а яровые — от выжигающего суховея! Оставалось только одно: «цивилизовать» самого Лысенко, направить его энергию в созидательное, а не в разрушительное русло.

Как уже говорилось, в сочинениях, письмах и выступлениях Вавилова начала тридцатых годов можно найти немало положительных высказываний о Лысенко. Но Вавилов поощрял только одно: теорию стадийного развития, позволявшую, как тогда казалось многим ученым, глубже проникнуть в природу растений и шире использовать богатства мировой коллекции. Если это было ошибкой, то не Вавилова, а всей науки того времени.

Вавилов снабжал Лысенко и семенами из мировой коллекции. Но ВИР рассылал семена всем желающим, в том числе школьникам, пенсионерам, различным доморощенным любителям. Как же он мог отказать такому крупному научному учреждению, каким был Одесский институт? Да и зачем было отказывать? Ва-

вилов как раз был заинтересован в том, чтобы Лысенко проверил на яровизацию как можно больше сортов. К тому же он надеялся, что такая работа увлечет Лысенко и он бросит свои авантюры, станет «нормальным» ученым.

Эта тактика не привела к успеху, но ее даже нельзя назвать ошибочной, так как никаких других возможностей противостоять лысенковщине у Вавилова не было. И в укор ему можно поставить лишь то, что он рекомендовал Лысенко в члены Академии наук Украины (1932 год) и в члены-корреспонденты АН СССР (1934). Об этих его тактических ходах задним числом можно сожалеть. Однако Лысенко имел столь мощную **политическую** поддержку, что вавиловские рекомендации не могли сколько-нибудь существенно усилить его позиции. К тому же остается неизвестным, от кого исходила инициатива этих выдвижений.

Но Лысенко все равно не сомневался в том, что его главный враг — Вавилов. Имея возможность прямо обращаться к Яковлеву по любому поводу, Лысенко в 1932 году добился того, что нарком обязал Вавилова всячески содействовать его работе.

Николай Иванович поехал в Одессу. Он сидел с «колхозным ученым» в лаборатории, ходил по опытным делянкам, ездил по колхозам. Яровизированные посевы были изреженными. Лысенко жаловался на то, что его инструкцию плохо выполняют, но факт оставался фактом — практике его агроприем приносил больше вреда, чем пользы.

Из бесед с Лысенко Вавилов понял, что тот имеет самые дремучие представления о наследственности. Так, доказывая, что «воспитанием» можно добиться всего, чего угодно, Лысенко дал обещание заставить плодоносить годовалый дуб. Об этом странном обещании, конечно, не выполненном, Вавилов вспомнил через три года, говоря об ошибках Лысенко.

В том же, 1932 году Лысенко взял на себя обязательство вывести для Одесской области методом гибридизации за два с половиной года новый сорт пшеницы, который будет урожайнее районированных сортов. Обязательство было абсурдным, ибо только сравнительные испытания готового сорта должны проходить на опытных станциях минимум три года. А ведь гибриды расщепляются в потомстве; чтобы выделить и закрепить константную форму, нужно вести отбор во многих поколениях. Поэтому выведение сорта обычно длится 10—12 лет и больше.

Однако лысенковское обязательство очень импонировало руководству: оно было эффектным, «большевистским». От ученых давно уже требовали сократить сроки выведения сортов до трех-четырех лет. Напрасно ученые доказывали, что это нереально, что если бы удалось сократить срок до восьми лет, это уже было бы огромным достижением. В 1931 году было принято постановление ЦК партии, в котором был записан этот четырехлетний срок. Вот Лысенко и решил утереть нос «благородным ботаникам».

Реакция ученых была соответствующей, Вавилов, в частности, возражал против браковки гибридов в первом поколении, хотя именно такую методику применил Лысенко.

Вскоре Лысенко выступил с идеей внутрисортового скрещивания, что, по его утверждению, должно было дать повышение урожая. На практике это значило перепортить все селекционные сорта, что обеспокоило ученых и, конечно, Вавилова, который нес главную ответственность за семеноводство в стране.

В 1935 году Лысенко отрапортовал телеграммой на имя заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК Я. А. Яковлева, наркома земледелия М. А. Чернова и президента ВАСХНИЛ А. И. Муралова, что обязательство вывести сорт за два с половиной года выполнено, хотя никакого сорта не было, а полученные «номера» не прошли сортоиспытания. Обман был настолько циничным и открытым, что в этом не могли сомневаться и те, кому адресована телеграмма.

В феврале 1935 года Сталин сказал свое знаменитое: «Браво, товарищ Лысенко, браво!» В феврале 1935 года внезапно было отменено давно запланированное празднование двойного юбилея: десятилетия ВИРа и двадцатипятилетия научной и общественной деятельности Н. И. Вавилова. Затем Вавилов был смещен с поста президента ВАСХНИЛ и назначен одним из вице-президентов. Так подспудно копившееся недовольство вылилось в открытую опалу. И в том же 1935 году Академия сельскохозяйственных наук отправилась на выездную сессию в Одессу. Почему для этого была выбрана вотчина «колхозного ученого», объяснять не приходилось. И именно здесь, «на поле противника», Вавилов открыто схлестнулся с Лысенко по целому ряду принципиальных вопросов биологической науки: о браковке гибридов первого поколения, перекрестном опылении самоопылителей, об инцухт-гибридах кукурузы...

Если В. Сойфер утверждает, что «только в 1936—1937 годах Вавилов осознал, что человеком какого сорта был его протеже», то это не новый взгляд на эру Лысенко, а повторение ошибочных построений М. Поповского.

Дорога на эшафот

Анализируя материалы генетических дискуссий, можно обнаружить немало ошибок, допущенных защитниками генетики. Можно обнаружить и худшее — то, что Николай Иванович с грустной иронией называл «направленными мутациями» в умах ученых, переметнувшихся в лагерь Лысенко. Вавилов цитировал высказывания академика Б. А. Келлера, который в 1933 году писал об огромных успехах генетики, а позднее полностью присоединился к Лысенко, громившему генетику как буржуазную лженауку. Еще более чувствительный удар нанес Вавилову И. Г. Эйхфельд, заведующий полярной станцией ВИРа, где велись исследования по продвижению земледелия на север. Вавилов гордился работами полярной станции и указывал на них как на пример того, что ВИР приносит пользу практике. Но Эйхфельд заявил, что всегда работал методами Лысенко, а не Вавилова. (Предательство было вознаграждено. После ареста Вавилова Эйхфельд был назначен директором ВИРа. Позднее он стал президентом Академии наук Эстонии, где насаждал лысенковщину даже после падения Лысенко.)

Кроме столь открытого «мутирования», можно привести примеры конъюнктурного лавирования, которое также ослабляло позицию генетиков. На начальном этапе дискуссий в этом отношении особенно выделился саратовский селекционер Г. К. Мейстер, выдающийся ученый, автор блестящих работ по отдаленной гибридизации и создатель превосходных сортов пшеницы, занимавших миллионы гектаров.

В 1934 году Мейстер опубликовал критический анализ основных законов наследственности, в котором, вслед за Лысенко, утверждал, что генетика оторвана от запросов сельского хозяйства. Позиция Мейстера импонировала новому президенту ВАСХНИЛ А. И. Муралову, а значит, и тем, что его назначил, — Чернову, Яковлеву, Сталину. В 1935 году Мейстер стал вице-президентом ВАСХНИЛ.

На дискуссионной сессии в декабре 1936 года Мейстер решительно отделил себя от Вавилова и других сторонников классической генетики. Он присоединился к нападкам на нее со стороны Лысенко и Презента, хотя осудил их крайности. Влияние Мейстера стало столь значительным, что в 1937 году, после ареста А. И. Муралова и до его собственного ареста, он несколько месяцев исполнял обязанности президента ВАСХНИЛ. Любопытно, что М. Поповский причисляет Мейстера к числу самых непримиримых противников Лысенко, в противоположность Вавилову, который якобы его поддерживал.

Даже среди тех, кто защищал генетику, не было единства, столь необходимого в той сложной ситуации. Весьма характерна позиция Н. П. Дубинина, одного из самых молодых участников дискуссии. Дубинин вырос и сформировался после революции и вполне усвоил боевой лексикон своего времени. Если Вавилов, Кольцов, Серебровский и другие представители классической генетики вели дискуссию строго в рамках обсуждавшихся научных проблем, если они были весьма сдержанны в выражениях и стремились перенести спор с общественной трибуны в лаборатории и на опытные делянки, то Дубинин широко использовал то же оружие, какое пускали в ход Лысенко и Презент,— он обвинял оппонентов в идеализме, антимарксизме, антидарвинизме и т. п. Те же обвинения Дубинин выдвигал и против представителей классической генетики, особенно своих учителей Н. К. Кольцова и А. С. Серебровского. В идеализме он обвинял и Вавилова. Тот, кто следил за дискуссией со стороны, мог из этого сделать лишь один вывод: обвинения в адрес генетиков небеспочвенны, коль скоро их повторяет представитель их собственного лагеря. Между тем Н. П. Дубинин до сих пор убежден, что его выступления были единственно правильными и что разгром генетики произошел потому, что Кольцов, Серебровский, Вавилов и другие лидеры не стали бичевать самих себя.

На декабрьской сессии 1936 года академик Кольцов выступил с превосходной речью, в которой заявил, что вместо того чтобы критиковать генетику, нужно учиться генетике. Однако персонально этот призыв он адресовал не Лысенко, а... Вавилову, сказав, что тот недостаточно знает генетику. Нетрудно понять, какое впечатление такие заявления производили на тех руководителей, которые, возможно, еще не окончательно определили свое отношение к спору: если Кольцов говорит, что сам Вавилов не знает генетики, то эта реакционная заумь действительно никому не нужна!

Восприняв результаты декабрьской сессии как катастрофу, Н. К. Кольцов обратился в президиум ВАСХНИЛ с призывом «спасать» науку от полного разгрома и собрать новую, узкую сессию (то есть одних членов академии), чтобы еще раз обсудить спорные вопросы, но на высоком научном уровне. К сожалению, этот мужественный поступок уже не мог принести пользу науке. Президиум ВАСХНИЛ требование Кольцова отклонил. В протоколе говорится, что решение принято тремя голосами (А. И. Муралов, Г. К. Мейстер, Д. С. Марголин) при двух воздержавшихся (Н. И. Вавилов, М. М. Завадовский).

Направляя Кольцову это решение, А. И. Муралов сопроводил его крайне агрессивным письмом, в котором обвинил ученого в мракобесии, расизме и прочих грехах, повторив от своего имени клевету лысенковцев.

Почему же крупнейшие ученые, превосходившие во много раз своих противников уровнем знаний, эрудицией, методической подготовленностью, а главное — тем, что на их стороне была научная истина, почему же они потерпели поражение?

Да потому, что дискуссия не носила научного характера. Под видом научного спора проводилась политическая кампания.

Следует ли из сказанного, что Лысенко был главным виновником гибели Вавилова? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует вспомнить, что при всем могуществе «колхозного ученого» в его распоряжении не было ни НКВД, ни тюрем, ни троек, ни ГУЛАГа. Все это находилось в других, куда более сильных руках... Лысенко не был ни автором, ни режиссером спектакля; он лишь умело исполнял отведенную ему роль.

Подводя итог, можно сказать, что не Вавилов наделил могуществом Лысенко и не Лысенко погубил Вавилова. Трагедия Вавилова состояла в том, что он старался оставаться свободным исследователем в тоталитарной стране, был искателем истины в стане обскурантов, человеком высокой морали среди негодяев. Неудивительно, что участь Вавилова разделили десятки преданных науке ученых, а с ними и сама наука — генетика. ●

ПОНЕМНОГУ О МНОГОМ

Возрождение радиотелескопа

15 ноября 1988 года внезапно рухнула 91-метровая параболическая антенна одного из крупнейших телескопов в Национальной радиоастрономической обсерватории Грин-Бенк в американском штате Вирджиния. Этот телескоп был построен в 1962 году, что обошлось тогда в 900 тысяч долларов.

Еще в 1970 году поверхность антенны была увеличена, электронные устройства усовершенствованы. Астрономы высоко ценили прибор. Причиной же аварии признана усталость металла, из которого была изготовлена опорная плита.

Недавно специалисты приступили к сооружению на этом же месте нового радиотелескопа со 100-метровой антенной, крупнейшей в мире. Это будет также первая в мире антенна, обладающая способностью мгновенной регулировки. Параболическая антенна фокусирует радиоволны на приемнике, подвешенном над ее поверхностью. У обычных телескопов этот приемник опирается на перекладины, касающиеся чаши антенны. Эти опоры рассеивают поступающий радиосигнал и создают помехи.

Новая антенна — первая среди крупных, форма которой позволит направлять сигнал в сторону, где он будет собираться приемником, поддерживаемым единственным кронштейном, нигде не касающимся чаши. Подобная конструкция уменьшает радиошумы в сто — тысячу раз.

Регулируемая поверхность антенны позволит компенсировать искажения, вызываемые собственным весом, и вести наблюдения на коротких волнах, вплоть до 3 миллиметров. У существующих ныне приборов эти искажения ограничивают прием диапазоном волн длиннее 2 сантиметров.

Ввод в строй нового прибора, который значительно расширит возможности радиоастрономии, намечен на 1995 год.

Наука несколько десятилетий назад чуть ли не ежедневно обещала нам чудеса. Какие-то из них и произошли, но обернулись не обещанными благами, часто же — злом. Но, может быть, очередное чудо, о котором рассказывается ниже, все-таки станет нам истинным подарком...

Е. Исакова

Живая вода для обреченных

Геннадий Марков — не врач и даже не знахарь. Он — физик, руководитель группы «Поиск» Института неорганической химии Сибирского отделения Российской Академии наук.

И тем не менее он помогает измученным тяжким недугом, в большинстве случаев уже обреченным людям.

Правда, по мнению Маркова, его метод можно назвать лечением лишь с большой натяжкой. Это, скорее, корректировка, исправление «подпорченной» ранее наследственности. Да и в изобретенную им жидкость, которую молва окрестила «живой водой», входят только известные всем пищевые продукты и ничего более. К сожалению, многие из них, такие, как мед и кофе, по нынешним временам дорогостоящие. Только этим и вредны. Кроме того, сама по себе жидкость, так похожая по цвету и запаху на бальзам, никаким корректирующим и тем более лечебным свойством не обладает — лишь способностью к образованию полимерных соединений, а потому хорошо хранит вложенную в нее информацию, предназначенную для клеток.

Несколько лет назад Геннадий Марков научился «разговаривать» с живой клеткой. Точнее, с помощью специальных приборов снимать с нее, расшифровывать и передавать другим клеткам информацию, используя для этого электромагнитные колебания. Появилась реальная возможность влиять на ген, на наследственность. Так, после «приказов» ученого подопытная дафния начала размножаться не через сорок восемь часов, как это задумано природой, а через два часа; улитка в аквариуме молодела и уменьшалась почти до размеров икринки или давала не похожее на себя потомство.

Но ведь если тебя не только понимают, но и слушаются, то почему бы не приказать больной группе клеток не размножаться и таким образом остановить, например, страшную болезнь — рак?

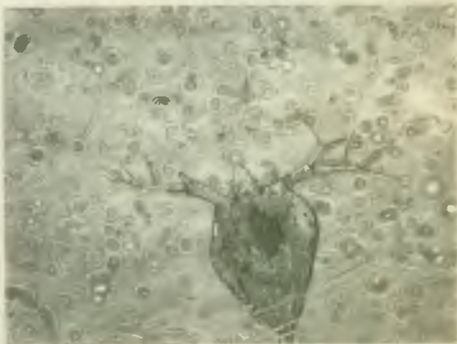
Институтское начальство такие исследования не поощряло. Потому пришлось создать свою научно-производственную фирму «Вирус» и заниматься этой темой в свободное время. Вскоре выяснилось, что не все так просто, как хотелось бы. Чтобы воздействовать только на данную группу клеток, надо «разговаривать» с ней, как русский с русским, а разговор получался, как, скажем, с украинцем. Нюансы ускользали от восприятия. Ошибки же, даже самые незначительные, давали побочные явления.

Все дело в том, что язык общения с живой больной или здоровой клеткой отрабатывался даже не на кроликах, а на простейших организмах. И все же было вполне определенно установлено, что клетки и организмы обладают многоуровневой системой выдачи и приема информации, причем самые низкие уровни отвечают за физиологические изменения

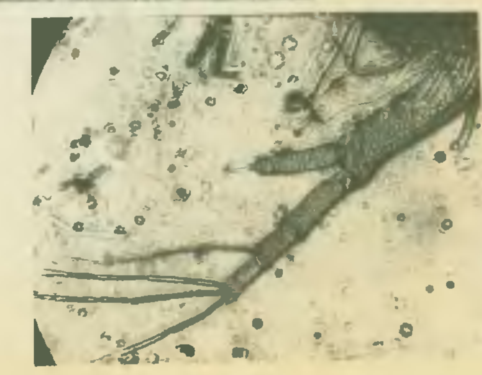
в организмах, а самые высокие — за наследственность. Разгадав сам принцип построения информационного языка клетки или организма, можно попытаться управлять их развитием посредством переданной на организм или на сообщество клеток искусственно созданной информации. Для обмена ею с клеткой были разработаны специальные коды, каждый из которых несет в себе команду для клетки и средства их передачи. Приняв ее, клетки подвергаются определенным структурным или физиологическим перестройкам.

В качестве носителя информации можно использовать любые физические поля — магнитные, акустические, электрические волны, свет, биополя. И уж совсем фантастическое — в роли носителя информации может быть использовано динамическое изменение свойств пространства. Может быть носителем ее и любая жидкость, пригодная для употребления, особенно если она способна к образованию полимерных соединений.

После «приказов» ученого подопытная дафния начинала размножаться не через сорок восемь часов, как задумано природой, а через два часа, и менялась на глазах.

Поначалу же самым простым показалось передавать информацию с помощью магнитного поля. По специальному алгоритму она кодировалась и записывалась на магнитную пленку. Затем, когда нужно, снималась с пленки, усиливалась и подавалась на магнитный излучатель. Далее сигнал с помощью магнитного поля передавался человеку. Можно послать информацию, приказывающую раковым клеткам погибнуть, а можно велеть им интенсивно размножаться. Из-за скудости оборудования эти два сообщения были записаны на одной кассете с разных сторон. Кассета предназначалась для научных исследований, чего не знал один из сотрудников, решивший сам себя полечить. И десяти минут хватило, чтобы его, к счастью, доброкачественная опухоль увеличилась в два раза. И еще столько же — Маркову, за которым в панике прибежали, чтобы довести ее до прежнего размера и даже уменьшить, для чего он воспользовался информацией с другой стороны кассеты. Теперь весь информационный банк хранится в памяти компьютера, доступ к которому строго ограничен.

Несмотря на то, что результаты применения этого метода были обнадеживающие и многим больным удалось помочь, заглушив развитие опухоли, самого ученого они не устраивали. Хотелось докопаться до сути. Что произошло в организме, какой сбой в нем дал толчок к возникновению опухоли? Ответить на этот вопрос помогли два исследования — пионерские изобретения, защищенные авторскими свидетельствами.

Марков взял за основу своих поисков предполагаемый тезис, что не только живые клетки, а все вещества в природе, кроме химических и физических свойств, обладают своим информационным полем, которое, как и поле живых клеток, можно преобразовать в электромагнитные колебания, вносить в память компьютера, а затем, когда надо, синтезировать.

Далее было подтверждено экспериментально, что информация, поступающая в наш организм, например с продуктами питания, может влиять на нашу наследственность и изменять ее. Именно она, заложенная природой в одни продукты, вызывает негативные изменения не только на физиологическом, но и на самом высшем уровне. Другими словами, ведет не только к возникновению болезней в организме самого человека, но и его потомства. Сигнал от других, наоборот, идет на исправление сбоя в наследственной информации, заложенной в клетке. То есть с помощью одних продуктов или различного их сочетания можно улучшить, оздоровить свою наследственность, другими — испортить. Так, удалось доказать, что сахар, особенно в больших количествах и после, скажем, тепловой обработки или в сочетании с другими продуктами, способен дурно влиять на самую здоровую наследственность.

Не проходят, оказывается, бесследно для нас и природные явления. Сняв информацию в виде электромагнитных колебаний с молнии, Марков записал, а затем синтезировал ее и направил на дафний, улиток и рыбок. После чего, «поговорив» с ними на клеточном уровне, выяснил, что молния изменила их наследственность в худшую сторону.

Куда больше повезло пушным зверькам. Их наследственность ученый подкорректировал в лучшую сторону. Случилось так, что на экспериментальной звероферме Академгородка, где когда-то учеными Юлией и Дмитрием Терновскими был выведен знаменитый межродовой гибрид хонорик (родители хорек и норка), трое из семейства куницеобразных серьезно заболели. По мнению биологов Терновских, зверьки были обречены, но им стали давать бальзам Маркова, и двое резко пошли на поправку, а вот у третьего — с большой опухолью вокруг шеи — началось обострение.

Через обострения по пути к выздоровлению проходят и люди. Чем более запущена болезнь, тем труднее этот путь. Как объясняет Марков, под действием полученной от прибора или через корректирующий бальзам информации для клетки наследственность, заложенная в ней, меняется, приобретенные тысячелетиями отклонения от здорового начала исправляются. И болезнь, до сих пор прекрасно уживавшаяся в организме, становится для него чужаком, с которым он начинает интенсивно бороться. Что-то похожее происходит при пересадке органов, когда организм бросает все силы на их отторжение.

Больные, принимающие корректор, звонят Геннадию Маркову по телефону и сообщают анализы крови. По ним ученый видит, что происходит в организме. Кому-то увеличивает дозу, кому-то уменьшает. После кризиса наступает облегчение, уходят боли, а после двух-трех курсов человек возвращается к нормальной жизни.

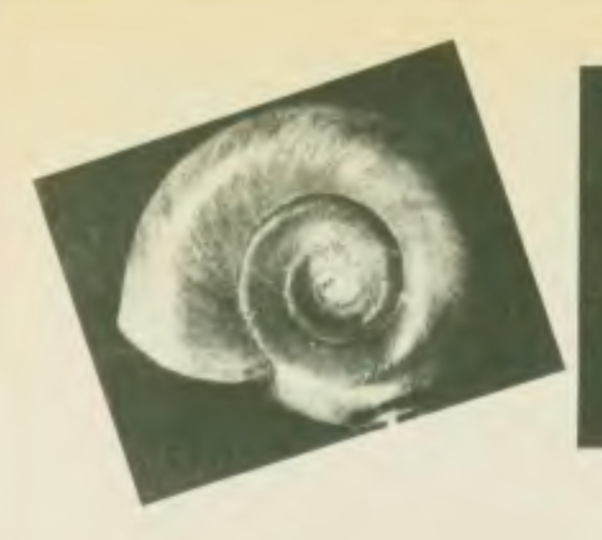
Не менее интересны побочные явления такой корректировки. Темнеют седые волосы, восстанавливаются разрушенные зубы, зрение и половая потенция, исчезают признаки диабета, и больные обходятся без инсулина. Одной пациентке помогли с помощью информационного облучения на приборе избавиться от камней в почечных протоках. При этом совершенно неожиданно для нее самой, для ее врачей да и для Маркова — больная избавилась от тяжелого хронического недуга — бронхиальной астмы, которой страдала долгие годы. С тех пор прошло больше года. Пока ни одного приступа не было, хотя гормональные препараты, без которых раньше ни дня не обходилось, теперь не принимает.

И все же надо признать, что отдаленных результатов пока нет, а значит, говорить, что с помощью корректора — жидкости или облучающего информационным полем прибора — можно навсегда избавиться от болезней, рано.

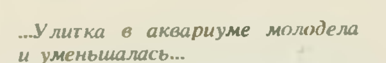
Ученый утверждает, что его корректор безвреден. Пьет его сам, дает младшей дочери. Оправданна ли такая уверенность? Скажем, не потеряет ли его организм в процессе корректировки адаптационные возможности? Ведь они тоже вырабатывались веками.

Наверное, интересно знать, можно ли подкорректировать наследственность настолько, чтобы глухой от рождения стал слышать, дальтоник — различать цвета, а лысый стал кучерявым. Впрочем, одна из пациенток Маркова с детства не просто не имеет волос на голове, у нее до недавнего времени отсутствовал даже пушок на теле. После второго курса корректировки появились первые микроскопические волоски.

Но самое удивительное в том, что легче всего корректировке поддаются лейкозы, приобретенные больными в процессе официального лечения онкологии облучением и химиотерапией. В первую же неделю

...Улитка в аквариуме молодела и уменьшалась...

Е. Исакова.
Живая вода для обреченных

принятия корректирующего бальзама в крови появляется большое количество (до 12 процентов) бластов — раковых клеток. Но уже на третьи сутки они исчезают. Повторного их появления до сих пор не наблюдалось.

Рак носа, печени, поджелудочной железы с метастазами в легкие, костную ткань — диагнозы смертников, которым Марков уже подарил год-полтора жизни. Что будет с ними дальше — покажет время. Но уже то, что люди избавились от болей, вернулись к нормальной жизни, а у иных онкология уже не диагностируется, значит немало. И все же вопросов здесь больше, чем ответов на них.

Работы Маркова, — безусловно, очень обнадеживающий подход к проблеме, считает директор Института клинической и экспериментальной медицины Сибирского отделения Российской Академии наук академик Влаиль Казначеев, который на протяжении многих лет следит за экспериментами ученых. По его мнению, эта работа требует продолжения и осмысления с научной, а главное — с медицинской точки зрения, для чего Маркову нужна соответствующая база, которую ИКЭМ готов ему предоставить. Только таланта, энтузиазма и высокой работоспособности ученого здесь мало.

Но нельзя забывать и о второй стороне этих исследований. Вторжение в такие тайны природы, как наследственность человека, да и не только человека, может иметь непредсказуемые последствия.

Трудно определить, каковы меры допуска, свободы использования больных, пусть даже обреченных, как подопытных. Отказать больным трудно, но еще хуже обмануть их надежды, навредить. Процесс же вмешательства в наследственность может стать запредельным, саморазвивающимся, вплоть до эпидемии, подобно той, что случилась после массовых сеансов Анатолия Кашпировского.

Я высоко ценю работы Маркова, стремительный полет его научной мысли, но порой он слишком скор. Например, его работы с дафниями, когда «по приказу» ученого их конечности меняли свою форму, до конца не закончены в плане генетики. И пока не ясно, наследуются или нет те изменения у дафний, что произошли в процессе эксперимента. Нельзя забывать, что и у людей, с которыми он работает, отдаленных результатов пока еще нет, а только они могут быть критерием истины. Вдруг смещение генетики произойдет не только в больных, но и в здоровых клетках? Так что давайте пока без эйфории отнесемся к тому, что уже сделано Марковым, и не будем спешить. Осторожность и еще раз осторожность. ●

Экология плюс...

Каким станет миропонимание россиянина в будущем? Что останется у него за душой? Это зависит хоть в малой степени и от «четвертой власти». Среди обстоятельств, определяющих мировоззрение в нашем веке, находится и отношение к природе, экологическое мышление. Какова же здесь роль печати, в частности нашего журнала? Как вести с читателем разговор на экологические темы? Об этом зашла речь в «Клубе «Знание — сила». В разговоре участвовали доктор географических наук Б. РОДОМАН и кандидат географических наук В. КАГАНСКИЙ, сотрудники редакции И. ПРУСС, И. РОЗОВСКАЯ, Т. ЧЕХОВСКАЯ, Г. ШЕВЕЛЕВА.

Г. Шевелева: — Экология сейчас настолько многообразно входит в самые разные виды человеческой деятельности, накладывает на них свои ограничения или вносит такие неожиданные акценты, что стоит, очевидно, поискать и какие-то нетрадиционные формы разговора на экологические темы.

Мне кажется, что было бы важно давать экологию пограничную, на грани с какими-то другими науками. Условно я назвала этот подход «Экология плюс» (на манер радиостанции «Европа плюс»). Экология плюс... что-то еще. Какими могут быть сочетания? Экология плюс экономика (или наоборот), экология плюс психология, плюс медицина, плюс политика, демография, общественные движения и так далее.

Конечно, очень трудно найти авторов, которые работали бы в таких пограничьях. Поэтому, наверное, следует давать диалоги, «круглые столы», параллельные публикации и так далее.

И. Прусс: — Мне кажется, чисто алармистские публикации типа «Мы все завтра умрем, если правительство не возьмется за экологию» сейчас уже никого не трогают и потому не достигают цели. Много и других способов «всем умереть», экологическая катастрофа сегодня менее актуальна, чем экономическая, политическая и так далее. Пик интереса к экологии, я считаю, прошел.

Г. Шевелева: — Я не ослышалась?

И. Прусс: — Нет. Более того, он прошел, не породив экологического мышления и экологического способа действий, к которым так много призывали «зеленые». Об этом свидетельствует хотя бы та «забывчивость», которую проявляют сейчас люди, употребляя в пищу заведомо отравленные продукты.

Сегодня, я думаю, экология заняла свое «рядовое» место в культуре, и разговор о ней стоит начать как бы заново, в контексте культуры. Как относились люди к природе на разных этапах развития человеческой цивилизации? Между прочим, многие занимаются культурологией, не осознавая, что при этом занимаются и экологией. Хороший искусствовед может дать статью об изменении концепции природы в разных школах искусства, по которым можно судить об отношении человека к природе. А это уже тема экологическая.

Вообще отношение человека к природе на нынешнем этапе нуждается в несколько отстраненном, глубоком и спокойном анализе. В этом отношении очень интересно посмотреть, что такое движение «зеленых» в мире. Не с точки зрения политической, а как культурное и идеологическое движение. То ли это изыски посткапиталистического общества, которое может позволить себе роскошь заботиться о качестве поедаемой продукции. То ли это новые духовные сдвиги, то ли переоценка ценностей. Хиппи, которые дали в свое время начало «зеленым», — это что, действительно «Назад, в пещеры!»? Или это духовный виток по спирали — старое, на новой основе? Очень интересно понять мироощущение хиппи, воспринимающих себя как часть природы.

В нашем «зеленом» движении идеология ставит человека в центр системы. Главная задача — накормить его и не навредить ему. О том, что такой антропоцентризм может быть схемой, не вполне адекватной реальной ситуации в природе, думают пока только вегетарианцы и, возможно, йоги, и то, когда философствуют, а не просто заботятся о своем здоровье таким оригинальным способом.

И вот еще вопрос, который мы избегаем себе задавать: сколько стоит экология и могут ли бедные страны позволить себе заниматься ею? Возможен ли в бедной стране подход к экологическим проблемам такой же, как в богатых странах? Или нам надо прежде подумать о том, что мы «без штанов» и нам не до экологии?

Б. Родоман: — Сегодня экономический кризис, политика, национальные конфликты заслонили и оттеснили экологию на задний план. Может быть, поэтому даже вы говорите, что «пик интереса к экологии прошел». Распространяется мнение, что сначала надо накормить людей, навести элементарный порядок в обществе, а потом уже всерьез заняться окружающей средой. Ничего подобного! Все вопросы экономики, экологии, культуры надо решать параллельно, одновременно, здесь не должно быть очередности.

В. Каганский: — То, что называют экологической политикой и что занимает довольно большое место в политической активности постиндустриальных стран, — образование незаконное, опасное и лежит совершенно не в русле проблем, которые получили название экологических.

Вот аналогия. Известно, что в XX веке были страны, которые активно проводили культурную политику. К таким странам относится бывший Советский Союз. Он чрезвычайно активно проводил в жизнь грандиозную программу по культурной политике. И были страны, не имевшие культурной политики как сферы государственного действия. Тем не менее в таких странах ситуация с культурой оценивается как более или менее нормальная.

Но культура — это некая среда, в которой существует человек. Так же обстоит дело и с природной средой. Если проблема организации среды становится проблемой политической, то есть по ее поводу начинают формироваться массовые общественные движения, то возникает некоторый парадокс. Либо жизнь людей будет подчинена задаче сохранения окружающей среды (это мы достаточно четко видим на примере «зеленого терроризма», который совершенно сознательно считает возможным убивать людей ради сохранения природы), либо из этого массового движения ничего не получается.

Вначале экологическая политика возникла как некий довесок. И звучало это так: промышленность и экология, технический прогресс и экология, политика и экология и так далее. Потом оказывается, что этот «довесок» растет и становится всеобъемлющим. Все, что делает, и в значительной степени все, что думает человек, имеет отношение к взаимодействию его с окружающей средой. «Довесок» становится главенствующим. Можно даже сказать, что экологическая линия может заменить собой современный социализм, так как включает в себя все его ценности — подчинение жизни человека идеям (в данном случае «зеленой» идее), ориентация на знания, соответствующее воспитание и так далее.

Такая «экологическая струя» проходит и в журнале «Знание — сила». Здесь есть и алармизм, и желание перевоспитать людей, и некоторый долгосрочный оптимизм, и утопизм, который подразумевает, что человек пластичен, его можно экологически разумно перевоспитать, и тогда будет обеспечено выживание.

И. Розовская: — Получается, что в экологии просветительство чувствует себя вполне на своем месте?

В. Каганский: — Просветительство — вещь довольно агрессивная; и назойливо применяемое в экологической литературе ничего, кроме отвращения, вызвать не может.

И. Розовская: — Думаю, что наш, говоря по-старому, советский читатель не потому не воспринимает экологическое просвещение, что оно назойливо, а потому, что считает многие беды и трудности жизни стоящими в очереди проблем гораздо раньше экологических.

В. Каганский: — Возможно, и так. Но что все-таки нужно делать?

Лет двадцать назад я сам под воздействием прессы думал, что западная цивилизация вот-вот захлебнется в собственных отбросах. Помните: «Великие озера загублены! Японские полицейские стоят на перекрестках в противогазах! Рейн — сточная канава Европы!» и так далее.

Но вот прошло двадцать лет, и об этом замолчали. Ситуация изменилась. Она улучшилась. Все это стало возможным благодаря тому, что, во-первых, ранние алармисты привлекли к этим вопросам внимание общества, а во-вторых,

Фото А. Дорошенко

потому, что стало престижным жить в чистых местах, красивых ландшафтах. В местах, которые получили репутацию здоровых. Для какого-то активного меньшинства экологические проблемы стали областью непосредственного интереса. Тема среды из темы государственной политики стала темой жизни. Люди захотели жить в тех местах, где в озерах водится рыба, и этот стимул стал гораздо важнее всяких других соображений. Социально-рационалистическую стратегию государственного действия и всеобщего научного знания победила стратегия самоорганизации, ограниченного и совсем ненаучного знания и непосредственного личного, зачастую корыстного, интереса.

Из всего этого следует, что политика в сфере экологии — это компонент нормальной жизни. Экологические проблемы должны решаться обществом так же, как решаются финансовые проблемы государственной безопасности и прочие. То есть путем самоорганизации. Альтернативой может служить только экологическая диктатура, а она, как всякая диктатура, ни к чему доброму не ведет.

Уровень сознания общества диктует ему его отношение к природе. Не может же окружающая общество среда быть важнее самого общества. Если подавляющему большинству людей безразличны проблемы загрязнения и то, что люди рискуют рождать уродов, то странно было бы, чтобы горстка энтузиастов в этом обществе жертвовала собой, стараясь убедить остальных людей жить иначе.

В экологической теме вместо утопических надежд, иллюзий, аморфного оптимизма должны возникнуть гораздо более простые вещи — тема личного интереса, тема не идеала, а компромисса, тема «малых дел».

И. Розовская: — А если посмотреть на экологические проблемы с позиций сегодняшнего дня, с позиций нарождающегося рынка, частного бизнеса — что эти новые стороны жизни вносят в решение экологических проблем? На первый взгляд кажется, что во взаимоотношениях с природой наступят худшие времена, так как каждый частный собственник будет стремиться как можно быстрее получить отдачу, и тут уж не до природы.

В. Каганский: — Экологического катаклизма у нас до сих пор не произошло еще и потому, что наступил спад производства. Сворачиваются некоторые производства, в частности военно-промышленного комплекса, наносившие очень большой вред. И в этом есть некоторая надежда. Государственная экологическая экспансия слабеет. Идущее ей на смену частное владение может ухудшить экологическую ситуацию. Вот пример. Центр Москвы, где квадратный метр площади стоит очень дорого, никогда не был таким грязным. Хотя уже почти все принадлежит частным конторам. Но, думаю, это явление временное. Переход к децентрализации, частной инициативе, где видна связь между действиями и результатами, должны положительно сказаться на экологической ситуации. «Новые богатые» сначала утолят свою страсть ездить на роскошных машинах, а потом поймут и ценность жизни в здоровой среде.

И. Розовская: — Если перейти к проблемам журнальным, то что вы можете сказать о тематике экологического отдела? Исходя из ваших рассуждений, его как бы и не должно существовать, речь надо вести не об экологии, а о таких категориях, как благо, воля, отношение к будущему, счастье и так далее. А отдел экологии как таковой надо было бы ликвидировать? И заниматься просто жизнью.

В. Каганский: — Не совсем так. Нужно переходить от наивных научно-технических проектов к темам уникальных загрязнений, как их инструментально ликвидировать. Нужно говорить о местной политике, о внедрении компромиссного мышления, об активности малых групп.

Б. Родоман: — Но и так в нашей прессе подавляющее большинство публикаций по экологии затрагивает проблемы загрязнения и отравления. За этим забываются, теряются другие аспекты освещения экологии.

Я бы сказал, что существуют три тематических уровня разговора об экологии. Первый — это загрязнение окружающей среды, второй — охрана растений и животных и третий — ландшафт, культурный ландшафт, связь природной среды с культурой. Этим, третьим уровнем как раз занимаюсь я, и он, к сожалению, находится на периферии интересов прессы. Хотя на самом деле ландшафт — это контекст, в котором существует все остальное. Вне ландшафта нет никаких других элементов природы, а поэтому его нужно с периферии передвинуть ближе к центру экологических проблем.

Нужно повернуться в сторону таких сведений, которые нужны человеку в его повседневной деятельности, то есть навести мост между человеком и экологической информацией. Нужно показать людям их место в природной среде.

Те, кто у нас занимаются экологией, как правило, подразумевают, что сами они чисты, а вот загрязняют, уничтожают какие-то другие, вредные люди. Эта позиция смешна. Человек должен прежде всего обратить внимание на себя. Речь идет не о том, что нужно в лесу костер заливать водой, а консервную баночку закопать. Речь о том, что человек должен пересмотреть свои потребности. Наша страна небогатая (чтобы не сказать — бедная), мы все недопотребляем по сравнению с Западом. Но надо поставить перед собой вопрос: должны ли мы так же потреблять, как они? Можем ли мы считать, что каждый взрослый должен иметь автомобиль, а каждая семья — отдельный дом? Давайте посчитаем с карандашом в руке и поймем, что для каждого жителя земного шара такой уровень невозможен. Это определенное состояние, в котором находится лишь ограниченный ряд стран, при этом достигнут этот уровень за счет ограбления бедных стран и ограбления биосферы в том числе.

Г. Шевелева: — Этот тезис вызывает целый ряд вопросов. Обвинение в ограблении других стран требует доказательств.

Б. Родоман: — Это все поддается расчетам. Некоторые экологи считают, что оптимальное число людей на Земле — 0,9 миллиарда (миллиард для ровного счета). Значит, экологически считается лишним около 80 процентов населения земного шара. Если люди не будут сами регулировать свою численность, то это сделают войны, СПИД и так далее.

Необходимо отказаться от антропоцентризма, от узаконения глубочайшей пропасти между человеком и животными. Пора понять, что человек, как бы он ни был совершенен, как бы он ни любил самого себя, — все-таки один из видов животного мира. Никакой принципиальной пропасти между человеком и остальным животным миром не существует. А поэтому человек не имеет никакого морального права эксплуатировать остальных животных. Люди должны дать себе ответ на вопрос: или весь мир для нас, и мы его пожираем, но тогда и сами погибаем следом, или мы одни «из них» и должны себя резко ограничить. Это вопросы морали.

Теперь о человеке. Здесь есть разные подходы. По одним — Земля создала человека, чтобы он ее возделывал. Тогда он выступает в роли «старшего брата», который обязан заботиться о всех остальных. Есть другой подход: охрана природы — это охрана интересов человека-хищника, вынужденного заботиться о том, чтобы его стада не оскудели. Над таким подходом нужно подняться. Это путь непродуктивный, он слишком утилитарен.

Необходимо рассматривать вопросы экологии в одном ряду с проблемами народонаселения. Каждая популяция животных имеет способы регуляции своей численности. Когда численность слишком велика, возникают стрессы, влекущие за собой уменьшение численности разными способами, вплоть до суицидных. В человеческом обществе наблюдаются абсолютно схожие картины. При перенаселении возникают стрессы, появляются бредовые идеи в политике. Болезни и эпидемии, возникающие при перенаселении, представляя собой несчастье и горе, в то же самое время, очевидно, неизбежны как средство регуляции там, где человек не способен регулировать свою численность сам. Безусловно, регуляция численности, распределение рода человеческого по Земле — это острейшие экологические проблемы.

И. Прусс: — Мне кажется, что важно понять, насколько социоприродные системы — самоорганизующиеся и можно ли ими хоть в какой-то степени управлять. Я, право, предпочитаю СПИД управлению рождаемостью. Такое управление мне кажется близким к фашизму.

Г. Шевелева: — Ох, не предпочитай!

Б. Родоман: — Сейчас в нашей милитаризованной стране должна происходить конверсия. Возникает масса проблем. Что делать с людьми, служившими в огромной армии, жившими в закрытых городах, работавшими в «ящиках»? Изменилась военная доктрина, должны последовать изменения в разных сферах — народонаселении, занятости, приложении труда. Это все проблемы экологии человека.

Технократы считают, что проблемы экологии можно решить путем совершенствования технологий. Думаю, что это величайшее заблуждение. Проблемы экологии надо решать путем изменения структуры человеческих потребностей, изменения взгляда на цели и смысл жизни.

Г. Шевелева: — Это уже пограничье экологии с философией и, наверное, еще одно подтверждение того, что искать темы нужно по формуле «Экология плюс...».

Б. Родоман: — Думаю, что это верный путь. И последнее. Сегодня мир занят поисками экологически равновесного хозяйства. Очевидно, речь должна идти шире — о создании экологически равновесной цивилизации.

Очень интересны вопросы сочетания экологического сознания с рыночным. Сейчас все говорят: зарабатывай деньги! Но ведь на этом пути можно наломать очень много «экологических дров». Очень важно не попасть в положение поставщика сырья — это положение чревато экологическими потерями.

Есть еще один аспект общественного отношения к природе. Существуют малые народы, которые сохраняют свою среду почти нетронутой. Это как бы «экологические сторожа». Необходимо их поддерживать, перераспределяя в их пользу общественное достояние. Значительную часть Сибири, горные страны следовало бы содержать как всемирный природный парк за счет мирового сообщества.

Среди тревожных вещей — появление экологического фашизма. Это новое явление, попытки решить экологические проблемы путем насилия: кого-то наказать, казнить, чего-то лишить и так далее. Сюда же примыкает и национализм, внося в экологические движения ноту, которой в нем быть не должно,— шовинистическую.

И. Розовская: — Думаю, необходимо посмотреть на экологические проблемы с точки зрения жизненной ориентации человека. Она сейчас утрачена, поэтому и многие экологические вопросы не могут быть решены. Если человек настроен не на жизнь, а на выживание, то он, естественно, действует ситуативно. Ему отмерен короткий срок, и он будет действовать, исходя из психологии временщика. Отсутствие надежды на будущее притупляет страх за существование, поэтому очень трудно обращаться к людям, настроенным всего лишь выживать, с призывом жить и при этом еще экологически грамотно.

Усилия должны быть направлены на то, чтобы человек осознал себя человеком. Человеком с будущим. А страшные сведения, льющиеся на него со страниц прессы об экологическом неблагополучии, лишают надежды на будущее. Поэтому задача в том, чтобы вернуть человеку желание жить. А для этого нужно всеми силами давать какие-то оптимистические нотки, позитивные примеры. Нужно увидеть в том будущем, которое сейчас вырисовывается, любые, пусть самые малые, возможности для человека найти свое место в жизни. И на этом своем малом жизненном пространстве устраивать свою жизнь мало-мальски правильно, в том числе и экологически грамотно.

Б. Родоман: — Чтобы обустроить жизнь, нужны еще и знания своих прав. Люди не знают, что они могут, а что им не дано. Нужно жить и действовать не в одиночку, а объединяться в какие-то самоуправляющиеся общины. Это дает дополнительные возможности.

И. Розовская: — Сейчас на Западе — очень мощное движение за альтернативные способы ведения хозяйства, поворот к малым формам. Выстраивается совсем другой ценностный ряд, ориентированный на сокращение потребностей, и такую идеологию следовало бы нам пропагандировать.

Не лишним было бы посмотреть исторический опыт России с точки зрения экологически правильного существования. Посмотреть, что в нем было позитивного, а что негативного. Надо было бы вспомнить, как сказалось на поведении человека сочетание кочевнического комплекса с колонизаторским. Это одна из линий поведения, но были ведь и другие. Во время тоталитарного режима выработалась иная линия поведения, направленная на истребление ресурсов — природных и человеческих. Это была самоубийственная система мышления, которая и захлебнулась. Этот негативный опыт тоже важно исследовать как опыт, ведущий либо к самоуничтожению, либо к фашизации.

Еще одно. Христианское мировоззрение — человек есть подобие Божие, вершина творения и т. д. — тоже накладывает свой отпечаток на поведение человека в природе. Очень интересно провести сравнение с иными религиями и иными этническими мировоззренческими системами. Сейчас даже появились работы, которые обвиняют Библию в привитии христианам неправильного экологического мышления.

И. Прусс: — Христианство сыграло колоссальную роль в том, чтобы человек осознал свое «я». И обвинять его...

И. Розовская: — Речь не об этом. Речь всего лишь о влиянии мировоззренческой системы на экологическое поведение человека. О сравнении христианства с другими религиями именно в этой области.

Хочу высказать еще одно свое недоумение. Вот говорят: богатые страны разоряют природу потому, что они богаты. Бедные ведут себя экологически безграмотно потому, что они бедны. Где здесь логика? Я хотела бы, чтобы на страницах журнала нашлось объяснение, какова здесь связь — между богатством и экологией, бедностью и опять же экологией?

Фото А. Дорошенко

Г. Шевелева: — Думаю, что ответ надо искать в другой области — нравственной.

И. Розовская: — Наверное. Мы ведь в общем все согласны с тем, что нет чисто экологических проблем, они все связаны с теми или иными сторонами науки, жизни, культуры.

Г. Шевелева: — Отсюда, наверное, и на наших страницах должны преобладать диалоги, «круглые столы», то есть должны встречаться и размышлять люди, подходящие к экологии с самых разных сторон.

Т. Чеховская: — Я хотела бы продолжить разговор о связи этнических, религиозных, национальных особенностей человека с его отношением к природе. В этом смысле я бы обязательно большую долю публикаций посвятила отрицательным чертам русского национального характера. Ибо даже поверхностное сравнение наших жилищ, дорог, развезенных полей с состоянием дорог и жилищ в рядом расположенных странах, — между прочим, с тем же «социалистическим укладом» жизни — говорит отнюдь не в пользу русского национального характера. Я объехала однажды всю Эстонию и увидела, как там берегут свой лес, поля, каждый ручей, каждый колодец... Надо знать свой менталитет, и надо об этом говорить. Никакие деньги, программы, технологии ничего не сделают, если мы не откажемся от дурных традиций. Можно без конца упрекать Лужкова, что Москва грязна, но когда москвич засоряет свой город собственными руками, никакое правительство города с этим не справится.

Б. Родоман: — Но а Нью-Йорке тоже кидают все обертки и пакеты себе под ноги...

И. Розовская: — ...Но к утру город чист как стеклышко!

Т. Чеховская: — Но в Швейцарии и Голландии чисто!

И. Прусс: — Но нельзя же во всем винить российский менталитет!

Т. Чеховская: — Можно. И нужно! Как только мы выехали из Эстонии в Печоры, тут же — колеи, прорезающие во всех направлениях лес, железки, несчетно валяющиеся вдоль дорог,— способность без жалости уничтожать природу, которая тебя же и кормит.

Г. Шевелева: — Тут, мне кажется, важно посмотреть, где чисто российский менталитет — помои с порога дома, и хоть трава не расти! — а где у него социалистический оттенок (все не мое, все общее).

Т. Чеховская: — Абсолютно верно. Это сложная тема, но она очень интересна.

И. Розовская: — Кстати, маргинализация сознания, которая произошла за годы советской власти, то, что мы все не укоренены, ни то ни се, — тоже накладывает отпечаток на экологическое поведение.

Б. Родоман: — Сельское и городское сознание — на эту тему сейчас вышло много работ у социологов, и, конечно, это — экологические темы.

Т. Чеховская: — Сейчас страна может пойти по пути абсолютно хищнического отношения к природе, а может случиться и наоборот, усвой человек, что это твоя страна, твое богатство и так далее. Из природы, между прочим, можно извлекать и большие прибыли. Если тот же Байкал сделать Национальным парком, потратив на это не очень много денег, можно затем извлекать вполне ощутимые прибыли.

Вернуть человеку нормальные радости от общения с природой, от жизни в природе — одна из самых важных задач сегодня. В наше время испуга, драмы очень важно повернуть человека к ощущению нормальности существования. Ведь драмы наши зачастую бывают надуманными.

Г. Шевелева: — Российскому менталитету свойственно увлекаться, россияне — люди крайностей, поэтому еще было бы так важно увлечь людей идеей экологически грамотного существования. Глядишь, что-нибудь и вышло бы...

Т. Чеховская: — Очень важно еще разобраться с «зелеными». Они весьма близки к крайне националистическим движениям, и здесь наша способность увлекаться может сыграть с нами злую шутку... Может быть, не слишком приятное для россиянина осознание того, что родина его не столь бескрайняя, как казалось, вернет его внимание к полупокинутым и запущенным российским просторам, к родным ландшафтам. Может быть, он перестанет безжалостно вырубать столь трогательно воспеваемые березки и рябинки и займется наконец обустройством своей малой родины, а не оплакиванием ее. ●

Записала Г. ШЕВЕЛЕВА

ВО ВСЕМ МИРЕ

Тайны носа

Как известно, человек способен различать более десяти тысяч ароматов. Не ясно лишь, один ли обонятельный рецептор отвечает за множество возбудителей или для каждого запаха существует свой отдельный рецептор. Решением этой проблемы занялась группа американских специалистов, которые идентифицировали и выделили кодирующие гены для восемнадцати различных рецепторов в полости носа. Постепенно сформировалось мнение, что существует множество рецепторов, каждый из которых может распознавать небольшое число запаховых молекул. По мнению исследователей, существует более ста генов обоняния. По всей вероятности, первоначально человек распознает только некоторые основные ароматы, а впоследствии, в течение всей жизни, учится новому восприятию. Следовательно, большую часть времени мы нюхаем в сущности своим мозгом. Если результаты американских ученых подтвердятся, выборочное обоняние — невозможность улавливать определенные ароматы — можно было бы объяснить мутацией генов, отвечающих за создание рецепторов, которые воспринимают соответствующие ароматы.

Почтенный возраст

Пакистанские ученые доказали, что муссоны — сезонные ветры, меняющие свое направление дважды в год,— существуют уже более 16 миллионов лет.

Рисунок В. Гарафанова

Количество осадков уменьшается

Сотрудники Национального управления по изучению океана и атмосферы США проанализировали все данные о погоде, полученные на 5300 сухопутных метеостанциях, разбросанных по всем континентам. Они обнаружили, что после трех десятилетий подряд, отличавшихся относительно высокой влажностью, в восьмидесятых годах количество снега и дождя над сушей сократилось примерно на пять процентов.

Эта тенденция особенно заметна в тропиках Северного и Южного полушарий. Так как данные показывают, что в течение всех последних десятилетий в количестве осадков наблюдались значительные естественные колебания, то выделить признаки влияния «человеческих» факторов, изменяющих климат, пока не удается.

Самая быстрая акула

«Красная акула» — так называется проект специального мотоцикла, который должен поставить новые мировые рекорды на 1, 10 и 100 километров. До сих пор рекордной считалась скорость 306 километров в час. По мнению швейцарских конструкторов, «Красная акула» будет мчаться на 100 километров в час быстрее. Двигатель должен развивать скорость до 427 километров в час.

«Генный обмен»

Для интересующихся достижениями генной инженерии сообщаем, что новый американский ежеквартальный журнал «Генный обмен» стал теперь центральным рупором биотехнологической политики, проводимой Национальной федерацией по охране живой природы США. В нем публикуются новости в этой области со всего мира, а также перечень растений и других организмов, созданных методами генной инженерии и уже утвержденных к испытаниям в полевых условиях.

Антарктида: взгляд с орбиты

Из-за тяжелых климатических условий Антарктида трудна для картографирования территории. Группа из лаборатории по структурно-дистанционной геологии парижского Университета имени Пьера и Марии Кюри проанализировала первый снимок Земли Адели, сделанный французским спутником «СПОТ». Обработка классических изображений мультиспектральным (различением по цвету) и панхроматическим (различением по структуре) методами позволяет картографировать различные по природе льды. И на карте появился так называемый синий лед — древнее формирование, бедное воздушными пузырьками. Очень хорошо различается и молодой «живой» лед. Хорошо видны и самые разные формы поверхности, связанные с движением ледников, направлением их передвижения и тому подобным.

Старый трактор с новым приводом

В научно-исследовательском институте Силсоу, находящемся в Восточной Англии, разработана новая система заднего привода — с резиновыми гусеницами и встроенной подвеской для трактора, предназначенного для сельскохозяйственных работ. Это первая в мире система подобного типа. Производительность трактора увеличивается примерно на 20 процентов. По шоссе такой трактор движется со скоростью до двадцати четырех километров в час, не повреждая покрытия дороги. Как показали испытания машины в полевых условиях, почва в этом случае уплотняется значительно меньше, чем при использовании тракторов с приводом на четыре колеса. Инженеры, есть над чем подумать!

В. Дольник,
доктор биологических наук, профессор

Кто сотворил Творца?

В оформлении статьи использованы эскизы костюмов В. Серова, Н. Гончаровой, Н. Калмакова и И. Пунина

Мы единственные из всех живых существ несем ответственность за свои поступки, потому что только мы можем выбирать. Ни спон, ни осьминог, ни удав и никакое другое существо, в сущности, не выбирает. Оно запрограммировано жестко, в конце концов все его поведение — это едва ли не точное отражение всех тех процессов, которые происходят у него в организме...

Человек способен отказываться, подниматься над материальными потребностями. Во имя каких-то идей он способен терпеть лишения, неудобства, иногда даже идти на крайние испытания вплоть до смерти.

Александр Мень

Этологические корни суеверий, верований и древних религий

Зоологи называют четыре признака, по которым человек уникален среди современных млекопитающих: прямохождение, речь, пользование огнем и способность все более совершенствовать свои орудия. Гуманитарии добавляют к этому набору пятый — «религиозное чувство».

Дальше как раз это чувство и разделяет людей на тех, для кого оно — свидетельство существования некой сверхъестественной силы, и на тех, кто в это не верит. Последним приходится каким-то образом объяснять феномен религиозности. И тут они заходят в тупик. Пытаясь вывести это

чувство из «страха дикаря перед природой» и «мистического первобытного сознания», они ничего существенного не говорят. Почему первобытный человек должен был бояться природы больше, чем его дочеловеческие предки, и больше, чем другие животные? О последних мы знаем, что они природу, окружающий их мир любят. А искусство древнего человека — и позднепалеолитические фигурки, и рисунки в пещерах, расположенных на территории Испании и Франции, и тысячи рисунков на скалах в Сахаре — все проникнуто любовью к природе. Изображения любых животных — больших и маленьких, полезных и бесполезных, съедобных и хищников — созданы не только с точным знанием их внешнего вида и движений, но и с чувством восхищения.

В последние десятилетия много важной для гуманитариев информации собрали этологи, изучающие врожденные — генетически наследуемые — программы поведения у животных. Нельзя сказать, что новая наука объяснила все загадки поведения человека, ибо оно все-таки очень сложно. Но кое-что из загадочного для социального психолога, для этолога становится очевидным.

Врожденная осиова морали

Начиная со знаменитой работы «Мораль и оружие в мире животных», Конрад Лоренц и другие этологи показали, что животные имеют выработанные в ходе длительной эволюции врожденные (передаваемые с генами, инстинктивные) запреты совершать некоторые действия в отношении других особей. Среди них такие, как «не убивай в гневе», «не бей признавшего тебя сильнее себя», «не причиняй ущерба детенышам», «не покушайся на чужие территории, самок, собственность» и т. п.

Запреты образуют естественную мораль (без кавычек!) животного. Набор запретов меняется от вида к виду, но многие из них сходны. У одних видов некоторые запреты (например, «не убей») столь сильны, что всегда успевают остановить особь. У других они слабее, и особь может им и не подчиниться. Соответственно можно говорить о животных с сильной и слабой естественной моралью. Человек тоже имеет врожденные запреты. Они лежат в основе «общечеловеческой морали». Причем инстинктивная основа морали у человека слабая, и он может ее нарушать. «Знание — сила» уже писал об этом подробнее, поэтому приходится отослать читателя к этой публикации.

1

Почему инстинкт не отчитывается перед разумом

Когда в нас срабатывает инстинктивная программа, нас ничто не предупреждает об этом. Выполняя ее, мы объясняем свои поступки себе и другим либо как проявление нашей собственной воли («Так хочу», «А как же иначе?!» и т. п.), либо традиции («Так все поступают»), либо как исполнение некой высшей воли («Так надо», «Я должен так сделать», «Моя совесть мне не позволяет» и т. п.). На уйме разных примеров этологи выяснили, что очень часто человек объясняет инстинктивные подсказки путанно и неверно. Это связано с тем, что «правила соподчинения» между инстинктом и разумом вырабатывались у животных еще тогда, когда сильные инстинктивные программы были главной частью сложного и совершенного поведения, а слабый разум — вспомогательным. Хотя у нас соотношение между ними обратное, устройство мозга в этом отношении старое. Его отвечающие за врожденное поведение части по-прежнему отдают команды разуму, не давая никаких объяснений.

2

По одной и той же тропе...

Другой важный вклад К. Лоренца в нашу тему — объяснение естественной основы ритуализированного поведения (читатель кое-что об этом может почерпнуть из отрывка одного из сочинений Лоренца, опубликованного в «Знание — сила», № 9 за 1990 год).

Читатель, скорее всего, даже не представляет себе, насколько животные склонны ритуализировать поведение. Они любят ходить по одному и тому же маршруту, точно повторяя все движения, сделанные в первый раз, любят строго придерживаться распорядка дня и т. п. Маленькие дети тоже ритуалисты: они могут извести вас, требуя, чтобы все стояло на прежнем месте, заставляя десятки раз читать одну и ту же книжку, ставить одну и ту же пластинку, отвечать на один и тот же вопрос, одевать себя в строго заведенном порядке. Кто не ходил в детстве по доскам или плитам пола, тщательно избегая наступать на стыки! Дети и животные страшно боятся что-либо упустить или нарушить. К. Лоренц показал, что слабому или неопытному интеллекту запрещено быть самонадеянным, искать во всем причинно-следственные связи. Ему лучше не искать их, а просто запоминать чем-то связанные между собой события и стремиться их повторять снова, если ничего плохого не случилось. Если же перепутаешь причину со следствием, это может обернуться бедой. Согласно такой своеобразной логике, подсказываемой инстинктом, лисе следует снова поискать зайца под тем кустом, где она поймала его вчера. Правда, нового зайца такая логика не даст, но прибавку грибов или ягод может дать. Инстинктивная логика неизбежно приводит к выработке уймы примет, табу, ритуалов, таинственных знаний, важного компонента повседневного быта, суеверий и религий.

Боги-животиые

Обожествление животных, использование их в качестве символов, гербов — любимое поле деятельности этнографов. Может ли этолог что-либо добавить к добытым ими знаниям? Да, особенно по части прояснения тех мест, где теории гуманитариев теряют ясность.

Самый естествеиный признак героя. Леопард — опаснейший хищник для всех живущих в саванне обезьян. Он миллионы лет охотился на наших предков в колыбели человечества — Восточной Африке, при возможности он охотится на человека и ныне. В опытах этологи показали, что образ леопарда как главного («родного») хищника хранится в генетических программах обезьян. Они пугаются макета леопарда с первого предъявления, никогда раньше его не видя. Сочетание желтых и черных пятен — сигнал опасности (на этой программе построено использование желтых и черных пятен или полос в дорожных знаках и рекламе). Детей тоже сразу пугает маска леопарда.

Зоологи теперь знают, что стадо пралюдей, в основе кото-

3

рого лежала иерархия прамужчин, было построено сходно со стадом павианов, обитающих в той же саванне и имеющих сходные проблемы обороны от хищников. Можно думать, что действия пралюдей (которые, как показали последние исследования, вовсе не были охотниками) и павианов при встрече с леопардом были сходные.

Павианы, если могут, убегают от леопарда. Но в безвыходной ситуации могут навязать ему сражение. Несколько иерархов стада атакуют зверя и способны его убить, правда, понеся огромные потери. Представьте себе, как повышается в глазах стада ранг павиана, преодолевшего врожденный страх и убившего леопарда. Он теперь Тот, Кто убил леопарда. Какие еще нужны доказательства его исключительности, храбрости, силы, удачливости и превосходства над всеми?

Повсюду на Земле мы встречаем древних героев, убивающих крупных кошачьих: в Африке — леопарда или льва, в Евразии — льва и тигра, в Америке — ягуара или пуму. Всех этих гильгамешей, гераклов и им подобных витязей в тигровой шкуре. Как неоспоримое доказательство своего высшего ранга они носят на себе шкуру крупной кошки. Повсюду — от Африки до Америки — существовал обычай, согласно которому в случае сомнения, не утратил ли вождь своих качеств, он должен был пойти и убить крупное кошачье. Технически убить леопарда и медведя приблизительно одинаково трудно, но в первом случае для этого нужно преодолеть врожденный страх перед «родным» хищником, а во втором — только страх вообще. Поэтому хищники — не кошачьи — занимают очень скромное место в символике человека.

Символ власти. Итак, человека в шкуре крупной кошки наше подсознание воспринимает как стоящего выше нас, имеющего право и возможность осуществлять над нами власть. Отсюда украшение тронов и царских резиденций шкурами крупных кошек и их изображениями. От этого один шаг до изображения царя как повелителя львов и леопардов (и таких изображений полно, как в древнем мире, так и не очень древнем). Дальнейшее очень просто: повелитель львов — это сверхлев (базилевс). Но одновременно он повелевает и нами, значит, и мы как бы львы (что очень приятно подчиненным), отсюда лев — символ нашего народа и царства. Видите, как легко, опираясь на инстинктивную программу примата, создать культ победителя хищника, а вслед за этим и самого хищника.

4

Орлы, совы, змеи. «Хорошо, — скажет осведомленный читатель, — о львах я и сам думал почти так же, но как понять обожествление хищных птиц и змей? А ведь оно тоже распространено по всей Земле. Тут и римский орел, и богиня Афина — сова, и бог солнца Ра — сокол, и его друг, змей Мехен, и кобра — символ Северного Египта, и гриф — символ Южного Египта, и змеи, и орлы американских цивилизаций...» Да и первым подвигом Геракла было убийство змеи. А это как раз тот тупиковый случай, который без этологов понять невозможно. Потому что виной всему — очень древняя инстинктивная программа.

Человекообразным и человеку из-за их крупных размеров хищные птицы, совы и змеи не опасны. Но небольшие древесные обезьяны очень боятся их всех.

Некоторые из них, например орел-обезьяноед, специально охотятся на обезьян. И обезьяны имеют врожденные программы страха, срабатывающие при виде хищных птиц и змей или их моделей. Отдаленные предки человекообразных были небольшими древесными приматами, и для них это были опасные хищники. Человекообразные сохранили эту программу: все они приходят в возбуждение при виде хищной птицы или змеи. Сохранили ее и мы, поэтому люди тоже иррационально побаиваются этих совсем не крупных хищников. Древней программе дела нет до того, что они давно уже не могут нас сожрать. При виде орла или змеи она командует: «Осторожно! Родной хищник!» Так хищные птицы и змеи оказываются в нашем подсознании в одной компании с крупными кошками, столь же легко становятся предметами культа, символами, объектом бесчисленных суеверий и примет. Все же, видимо, для подсознания примата сильнее кошки зверя нет: согласно египетскому мифу, когда богу солнца Ра, изображаемому соколом, потребовалось сразиться со змеем Имп-Ухенеф, он на всякий случай принял образ кошки и в таком облике зарезал змея ножом.

Сны разума рождают химер. Что такое объяснение особого положения в символике хищных птиц и змей справедливо, на мой взгляд, прекрасно подтверждают химеры и грифоны. Это распространенные в искусстве многих народов объединения в одном теле животного частей, взятых от трех источников — льва, орла и змеи. Обобщенный образ трех главных инстинктивных страхов примата — сверхстрах. Сама потребность такого хитросплетения говорит о том, что в мозгу человека они хранятся вместе или рядом.

5

Прекрасная смерть. И все же даже соединение в грифоне трех страхов почему-то не делает его отвратительным. Страшным — да, но скорее прекрасным, чем отвратительным или мерзким. И по отдельности кошачьи, хищные птицы и змеи вызывают в людях восхищение, особенно если видишь их в движении. Из-за того, что они прекрасны, они занимают такое большое место в изобразительном искусстве, не меньшее, чем цветы, и большее, чем красивые насекомые и птицы.

Вдумайтесь в парадокс: наши враги, наша родная смерть — и вдруг не отвратительная, а зачаровывающая. И в этом повинна инстинктивная программа. Она как бы требует от животного: увидев «родного» хищника, внимательно наблюдай за ним с безопасного расстояния или места, следи за каждым его движением, каждой повадкой, оцени по достоинству его ловкость и мастерство, готовься к встрече с ним, она может стать последней, если ты его недостаточно изучил или недооценил! Фактически программа требует быть неравнодушным к хищнику, любоваться им и восхищаться.

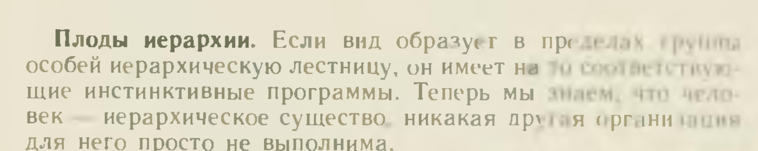
Найди покровителя. Теперь пора рассказать о еще одной, довольно широко распространенной среди животных программе — поисков покровителя. Крупное сильное животное другого вида можно использовать как средство защиты. Маленькая рыбка амфитрион прячется от врагов у ядовитой хищной актинии. Воробей, поселившись в гнезде хищной птицы, защищен от мелких хищников. Аисты и ласточки пользуются нашей защитой, селясь на домах. Убегая от некрупного хищника, мелкое животное пробегает рядом с крупным. В результате преследователь наскакивает на крупное животное, а оно его, естественно, за такую наглость атакует. Заметьте, что в этом случае защитник — мнимый, то есть он защищать не собирался, но эффект тот же,

как если бы он действительно защищал. Эта программа отчетливо просматривается у маленьких детей. Не зря так популярны среди них мультфильмы, в которых маленькое животное все время обдуривает своего хищника, прибегая к разным реальным и мнимым защитникам. Дети обычно создают себе и воображаемых покровителей. То же делают и взрослые. И эту же программу используют власть и религия.

Египтяне изображали фараона несоразмерно большим сравнительно с остальными людьми. Но если фараон стоит рядом с покровителем, он маленький. На египетских рисунках мы видим ребенка (фараон), спрятавшегося между передними ногами громадного сокола (бог Ра) или небесной коровы. Поза фараона точно соответствует той, которую принимают детеныши приматов. Для знающего инстинктивные программы тут все ясно: у нашего фараона есть покровитель, и он много больше и сильнее фараона.

6

Плоды иерархии. Если вид образует в пределах группы особей иерархическую лестницу, он имеет на то соответствующие инстинктивные программы. Теперь мы знаем, что человек — иерархическое существо, никакая другая организация для него просто не выполнима.

Отношение к иерарху. Для иерархических видов стройная пирамида соподчинения кажется правильным, единственно возможным способом сорганизоваться. Это и есть порядок и сильная власть. В иерархических группах субдоминанты борются за власть с доминантом и при его небольшом превосходстве боятся его и не любят. Иное дело — особи, стоящие на более низких этажах пирамиды. Они не помышляют занять место доминанта и питают к нему смешанное чувство любви и страха. Страха — оттого, что он много агрессивнее их и грозен, а любви — оттого, что он направляет свою агрессию на субдоминантов, непосредственных притеснителей тех, кто занимает третий от вершины пирамиды уровень. Такой особи кажется, что доминант творит акты справедливости и возмездия, карает ее притеснителей.

Все мы знаем, что этот механизм срабатывает и в людях, особенно при неразвитом гражданском обществе (в развитом же доминируют другие механизмы), хотя бы в форме почти неистребимой веры в справедливого высокого начальника.

Можно также сказать, что особи невысокого ранга успокаивают себя, воображая, что иерарх — их покровитель. Многие виды, в том числе и обезьяны, пытаются задобрить иерарха и применяют для этого подношения.

От этого — шаг до подарка, взятки, жертвоприношения, применяемых людьми, чтобы задобрить реальных и мнимых покровителей.

Вакантное место наверху. Сам принцип образования иерархической лестницы через борьбу за власть таков, что она не воспринимается мозгом как завершенная: всегда есть возможность того, что над иерархом или группой таковых встанет кто-то еще (что регулярно и происходит).

Иными словами, на лестнице есть место для как бы сверхиерарха. Причем им может стать и особь другого вида. Так, синицы, связанные между собой системой соподчинения, зимой могут образовывать свиту дятла. Более крупный и сильный дятел — для них сверхиерарх, никто из синиц на его ранг и не помышляет претендовать. В стаях собак (ездовых, пастушеских) хозяин сверхиерарх. Право человека стоять над вожаками стаи для собак самоочевидно: он им не ровня, он — божество. Если хозяин сам управляет стаей, очень хорошо. Но если ему недосуг, стая управится собственными вожаками, но пиетет к хозяину от этого не убывает.

Сверхиерарх выгоден иерархам: заполнив вакантное место над ними, он укрепляет их положение и власть. Кроме того, он становится как бы их покровителем, страшным не только внешним врагам, но и субдоминантам. Поэтому не требуется интеллектуальных усилий от людей, чтобы додуматься до использования иерархических программ, они срабатывают сами. И нет ничего удивительного в том, что повсеместно и многократно возникает идея поместить на вакантное место сверхдоминанта нечто воображаемое, наделенное всеми сверхдоминантными качествами в их беспредельном выражении. Стоит сделать это — и иерархи становятся как бы субдоминантами сверхиерарха, его служителями, жрецами, а он — их могучим покровителем.

На роль воображаемого сверхдоминанта пригодно и грозное явление природы, вроде грозы или вроде вулкана. Пригодно и все, что находится так высоко, что выше некуда, — небо, небесные светила. Годится и животное-покровитель, и предок-герой.

Бык-отец и корова-мать. Культы быка-покровителя и коровы этнографы и историки изучали в основном на примерах оседлых сельскохозяйственных народов, ибо только такие цивилизации оставили много письменных и архитектурных памятников. У этих народов мифы о рогатых богах оказались очень сложными, вычурными и противоречивыми, к тому же тесно переплетенными с мифами о других богах. Поэтому понять их возникновение трудно.

Зоологи и этологи могут тут помочь. В первую очередь выяснить этапы образования союза человека и быка. Эта связь началась около десяти тысяч лет назад, где-то в средней полосе Европы, между туром, наполовину лесным животным, и загадочными охотниками. Сначала туры и люди кочевали по путям традиционных миграций туров. Позднее они прорвались в степи Ближнего Востока, а оттуда — в Северную Африку. Там в течение нескольких тысяч лет происходила селекция быка в направлении приспособления к жизни в саванне. Быки стали длинноногими, высокими, с длинной тонкой шеей и маленькой головой, увенчанной длинными лирообразно изогнутыми рогами. Рога нужны для защиты от крупных кошачьих, нападающих сбоку и сверху. Длинные ноги нужны для кочевого образа жизни.

7

Кочевники Сахары ездили на быках верхом. Древние египтяне заимствовали длинноногую корову у кочевых скотоводов Северной Африки. Остальные же народы получили ее более сложным путем. Сначала сахарские коровы попали на острова Средиземного моря, где они стали коротконогими (ведь им не нужно было много кочевать), оттуда они попали на Балканский полуостров, где из-за грубого корма стали короткошеими и большеголовыми и где на них надели ярмо. Оттуда запряженные в повозки с ярмом быки проникли на Ближний Восток с севера, где оказались в руках земледельцев.

Культ быка, видимо, проделал тот же сложный путь, при-

чем он передавался от народа к народу. Ясно, что истоки культа быка нужно искать у народов, первыми связавших с ним свою судьбу. К счастью, климат Сахары сохранил до наших дней тысячи великолепных наскальных рисунков кочевников-скотоводов, процветавших там вместе со своими черно-белыми и красными породами быков четыре — шесть тысяч лет назад.

Мы видим на этих рисунках, что в совместном стаде быков было в пять раз больше. Построение стада на марше — типично бычье: его фронт образуют быки с вкрапленными между ними мужчинами с луками; коровы следуют за быками, женщины — верхом на быках, не участвующих в атаке. Все быки с мошонками, значит, их не кастрировали.

На других рисунках можно видеть вооруженные конфликты между группами людей. Мужчины образуют хорошо знакомый этологам «павианий» полумесяц, причем иерархи стоят под прикрытием полумесяца. Несколько картин дают доказательство того, что, подобно быкам, мужчины тоже организованы в иерархическую пирамиду. На других картинах мы видим доение коров, этим заняты женщины и дети.

8

Итак, взаимовыгодный боевой союз двух общественных видов. Что чувствовал родившийся в таком стаде маленький человечек? Конечно, любовь к могучим быкам и восхищение ими. Быки должны были казаться ему сильнее, краше и величественнее мужчин. В условиях группового брака быки могли даже запечатлеваться детьми (наряду с мужчинами) как предполагаемые отцы. Став старше, они выражали любовь к быку и украшали его: рога многих быков покрыты узорами, орнаментными повязками, насечками.

Недавно этологи разгадали древний способ раздаивания самок диких копытных. Оказалось, что если у впервые родившей самки забрать детеныша и начать сосать молоко, ее родительские инстинктивные программы переключаются на сосущего. Теперь она не только не будет нападать на приемыша, но и начнет его любить — будет разыскивать, защищать, вылизывать. Лучше всего этот фокус удается детям. Для растущего в стаде ребенка его корова — кормилица, вторая мать, а самое безопасное место — у нее под брюхом. Она его настоящая покровительница. Вы видите, что культ быка и коровы при его зарождении мог быть очень естественным и простым.

Иное дело — египтянин, заимствовавший коров у кочевников, но державший их в стойле. В его разнообразной и богатой впечатлениями жизни коровы были незначительной частью. Почему нужно поклоняться быку и корове, было совсем не очевидно, тут нужны были разъяснения жрецов.

Кстати, о небесной корове древних египтян, покровительнице фараона, изображаемого в виде сосущего ее мальчика. Если вы мысленно поместите себя на место ребенка под брюхо коровы, она будет образовывать над вами уютный шатер — свод, ваше маленькое индивидуальное небо. Когда ребенок прячется в тени быка или коровы, он может видеть солнце, как бы стоящее между рогами. Это частый мотив сахарских рисунков и обязательный атрибут божественных коров и быков в Древнем Египте.

А Творца кто сотворил?

Попробуем посмотреть, читатель, есть ли в наших инстинктивных программах что-то, что могло стать кирпичиками в фундаменте верований и религий. Мы уже знаем, что человек воспринимает инстинктивные подсказки очень своеобразно и обычно их не замечает. А если замечает, может воспринимать то как собственную потребность, то как повеление откуда-то извне, «свыше».

9

Когда мы обсуждали программы иерархического построения, мы говорили, что в них мыслится существование над пирамидой еще одного уровня, который может быть занят «сверхдоминантом». Этот «сверхдоминант» должен обладать преувеличенными признаками, он должен быть очень большой, всесильный. Отношение к нему должно быть такое же, как к доминанту: смесь страха с любовью.

Облик его может быть человеческий, а может быть и иной. Рассматривая наскальные рисунки древних скотоводов Сахары, мы с вами отметили, как легко их детям было начать испытывать подобные чувства к быкам и коровам.

Когда мы обсуждали признаки носителя очень высокого ранга, то поняли, что он должен быть сильнее самых страшных для инстинктивных программ первобытного человека хищников — кошачьих, хищных птиц и змей. Он должен их побеждать, а еще лучше — ими повелевать. Эти хищники или образованные из них химеры вполне годятся на роль сверхиерархов.

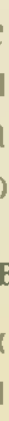
Итак, наверху может оказаться и предок — герой, и сверхчеловек, и некоторые животные, и силы природы.

Если такой объект подчинения, поклонения и задабривания образовался, то живые люди, стоящие на верхнем этаже пирамиды — иерархи — будут изображать союз с ним, какие-то особые отношения. То есть будут выполнять роль жрецов или шаманов. Эта вольная или невольная мистификация обретает свою логику, согласно которой павиана, подобно людям, приветствующего по утрам восход солнца, приходится признать священным животным, участником культа солнца, наделенным религиозным чувством (так поступали жрецы Древнего Египта). Подобная логика порождает много сакральных премудростей и таинств, непостижимых для непосвященного ума.

Мы говорили и о консерватизме, свойственном как животным, так и детям, их склонности тщательно воспроизводить свои или чужие действия в страхе что-нибудь упустить или нарушить. Эти программы напрямую приводят нас к об-

10

1. Шумерский герой Гильгамеш сильнее львов и змей.
2. В руках древнегреческой богини не кошка, а леопард; из лапок леопардов сделана ее накидка, а волосы подвязаны змеей.
3. Хеттские правители изображались с символами власти на голове и в руках, ногами они попирают леопардов.
4. Павианы поклоняются солнцу. «Книга мертвых», Древний Египет.
5. Змей Пифон преследует Латону и ее детей, Аполлона и Артемиду. Рисунок на вазе.
6. Фараон под защитой небесной коровы.
7. Фараон в виде мальчика, сосущего небесную корову. Между ее рогами — солнце. С точки зрения кочевника-скотовода Сахары, это полностью реалистическая сцена.
8. Фараон под защитой сокола — бога Ра.
9. На тему дня: двуглавый орел — один из символов хеттской державы.
10. Иерархическая пирамида в изображении древних персов. Ее составленные из трех этажей подданных ступени венчает царь. Место выше него занято божеством — крылатой химерой.

рядности и строгому соблюдению традиций, важному атрибуту как религий, так и светского поведения.

Мы говорили, что рациональная причина такого консерватизма ясна: слабому или неопытному интеллекту лучше искать между событиями не истинные причинно-следственные связи, а связки, совпадения и воспринимать причинно-следственную связь как двустороннюю, обратимую. Такая инстинктивная логика приводит к выработке примет, табу, ритуалов. Среди них «правильные» перемешаны с ошибочными. Религиозное чувство возвращает нас в этот мир предков и детства, где безусловно и неоспоримо все, во что веришь. Где, если «правильно», строго по ритуалу похлопать в ладошки, пойдет дождь, а произнеся без ошибки сложную абракадабру, получишь то, что задумал.

В отличие от разума и интеллекта этой инстинктивной программой логического консерватизма от рождения наделен каждый из нас. Поэтому, если упаковать некие полезные знания или правила в ритуальную и сакральную форму, они легче и крепче усваиваются мозгом, доступны всем и сразу. В этом огромная позитивная сила религии как организаторов и воспитателей. В этом же негативная сила и живучесть суеверий, гаданий, астрологии и любых более современных аналогов.

Обязательную часть любой религии составляет так называемая общечеловеческая мораль — «чти отца и мать», «не убей», «не укради» и т. п. Мы убедились, что эти не только общечеловеческие, но и значительно шире распространенные в мире животных запреты — врожденные программы. Пророки всех религий просто выносили их из подсознания в сознание и облекали в четкую и ритмичную словесную форму. Это был совсем не зряшный труд: мы убедились с вами, что у человека инстинктивные запреты от природы слабы, легко нарушаемы и потому нуждаются в мощном подкреплении.

Итак, читатель, мы видим, что этологи могут нам показать те естественные корни, из которых могли вырастать древние религии. Такие же корни, как и у других проявлений человеческого поведения. Мы не будем бросать эти новые сведения на одну из чаш весов, у которых безбожники вечно спорят с религиозными фанатиками. В истине есть та прелесть, что она зачастую оказывается выше людских споров.

Познакомившись с фактами, добытыми этологией, теолог может признать их ценными для себя: ведь получается, что зачатки религиозных чувств сидят у нас в генетических программах. А их, с его точки зрения, создал Творец. А то, что они есть и у животных, смутит далеко не всякого теолога: ведь многие религии считают, что и животные наделены душой, что она вообще едина и может переходить из бренной оболочки одного вида в оболочку другого, а человек — всего лишь один из них.

Познакомившись с теми же фактами, человек, испытывающий потребность в естественнонаучном объяснении природных процессов, увидит, что и в этой самой таинственной области Творец оставил достаточно много следов, а следы выдают в нем Естественный Отбор. Что при таком генетическом багаже создавать религии для человека неизбежно и нормально. Что где бы и когда бы религии ни возникали, они будут приобретать некоторые сходные черты. И в то же время различаться многими деталями, порой очень яркими. ●

А. Мень

Феномен человека

9 марта 1989 года, Москва, Дом композиторов

Дорогие друзья! Когда-то в древности в Дельфах был храм, на фронтоне которого было написано: «Познай самого себя». Великий Сократ сказал, что с этого начинается мудрость человеческая. И сегодня для нас важно познать самих себя. Это не роскошь, это не праздные мысли людей, а это острая жизненная необходимость. Потому что если человек сегодня не познает самого себя, то, может быть, этот век или век грядущий будут последними в многотысячелетней истории людей.

Самое удивительное, что человек забывает о своей уникальности. «Феномен человека» — так называется знаменитая книга Тейяра де Шардена, и так сегодня мы назвали наш вечер, нашу встречу. Феномен человека — это несомненная загадка природы, потому что человек в этом материальном мире гость, почти чужой, великий незнакомец и неизвестный.

Как биологическое существо, как член огромного тела природы, огромного древа природы человек является для нас чем-то совершенно понятным и знакомым, не более удивительным, чем любое высокоразвитое млекопитающее существо. Однажды Гилберт Честертон спросил, что было бы, если бы ласточки, вместо того чтобы строить себе гнезда и

таскать мух для птенцов, стали бы создавать философские системы и размышлять над смыслом жизни? Разумеется, нам показалось бы это чудом. Так вот, подобным же чудом является и человек. Потому что в природе, в нашем биологическом, в нашем психофизическом существе все целесообразно. Все процессы в нашем организме — это отражение общебиологических, физических, химических или каких-либо мировых процессов, и все имеет совершенно определенные, конкретные цели: адаптация к окружающей среде, размножение, питание, дыхание и так далее.

Но какой цели для нашего биологического вида служит бескорыстная жажда познания, такого познания, которое вовсе не дает конкретных, практических, осязаемых результатов? Откуда возникает в человеке благоговение перед высшим стремлением постичь последнюю тайну мира? Откуда в нем то, что мы называем *духовностью?*

Сейчас этим словом достаточно злоупотребляют, но я должен вам сказать, что духовность — это главное свойство человека, которое отличает его от всех живых существ. Мы отлично знаем, каким образом получили из природы все то, что мы называем нашим организмом, ибо в нас живут и животные, и растения, и минералы — все вместе. Но обшарьте всю известную нам материальную вселенную, и вы нигде не найдете такой тайны, такого феномена, как сознание, как самосознание, как личность, как этические основы. В этом отношении человек как бы врывается в мир, для него иноприродный.

Мы сегодня знаем, что такое экологическая среда. Мы знаем, что малейшее нарушение этой системы, очень сложно связанной в своих элементах, ведет к болезням и гибели всей биосферы в целом. И наше тело — это исключительно сложная, но все же часть этого единого мирового целого, биологического и физического. Более того, если мы оторвем наше существо, хотя бы на мгновение, от этого целого, к которому принадлежим, мы погибнем тут же, в долю секунды. Так тесно, так прочно мы вписаны в видимую природу. Мы не только происходим от нее телесно, но мы неотделимая ее часть. Однако наша специфика человеческая, наша духовность является частью совсем не этой видимой материальной системы... Потому что все видимые системы могут быть взвешены, измерены, увидены, ощупаны. И только то, что в нас невидимо, неосязаемо, не имеет ни формы, ни цвета, только то и делает человека мыслящим существом, существом, которое, по слову Вернадского, способно преобразовывать мир, существом, которое, как вы знаете сейчас, может и портить мир, и вести его к гибели.

Мы единственные из всех живых существ несем ответственность за свои поступки, потому что только мы можем *выбирать.* Ни слон, ни осьминог, ни удав и никакое другое существо, в сущности, не выбирает. Оно запрограммировано жестко, в конце концов все его поведение — едва ли не точное отражение всех тех процессов, которые происходят у него в организме. Но посмотрите на человеческую жизнь, подлинно человеческую: очень часто многое и важное в ней идет не только против этого, но и как бы бросает вызов потребностям организма. Человек способен отказываться, подниматься над материальными потребностями. Во имя каких-то идей он способен терпеть лишения, неудобства, иногда даже идти на крайние испытания, вплоть до смерти. Таким образом, не жизненный инстинкт, а нечто иное действует в феномене человека. И нам сегодня очень важно понять происхождение этой тайны.

Мы — образ и подобие природы как люди, как homo sapiens, как члены огромной семьи приматов. Но мы — и образ и подобие чего-то иного, иного начала, которое находится в мире, над миром и создает его. Тайна мира всегда влекла человека, приковывала его, и он очень давно понял то, что впоследствии выразил Тютчев:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

Ломоносов, созерцая таинственное северное сияние, говорил, что если человек — непостижимое творение, то как же велик Творец, который это создал. Когда Карл Линней, создатель современной биологической номенклатуры растений и животных, кончил описывать мир живых существ (а ведь тогда, в XVIII веке, он был известен гораздо менее полно, чем сегодня), и вот когда Карл Линней сложил свою последнюю тетрадь, он произнес: «Бог прошел мимо меня, я увидел Его в этом шествии существ». И это не какая-то запредельная тайна для нас, а присутствует очень близко.

Мы можем не видеть, если слепы, и не слышать, если глухи, но пока живы, дух свой мы воспринимаем непосредственно. Духовный опыт, то есть духовность, — это то, что человеку дано в самой первичной реальности: вот она здесь, мы с ней рождаемся, она раскрывается в нас как цветок. И если организм должен находиться в гармонии с природой, иначе он вянет, гибнет, болеет, то точно так же дух человека только тогда может быть гармоничным, когда он находится в гармонии с Вечным Духом, отображение которого он несет в себе, часто этого не сознавая. Это то, что врождено человеку с самого начала.

Откуда всевозможные культы, политические мифологии? Вы думаете, это только происки политических фальшивомонетчиков? Нисколько! Нисколько! Они играли на извечном, на том, что заключено в человеке, ибо человек подсознательно всегда ощущает, что мир имеет смысл, история имеет смысл, наше личное бытие имеет смысл. Человек есть существо религиозное, стоящее перед божественной тайной, и когда эта тайна различными способами, иногда искусственными и очень жесткими, оперативными, извлекается из его интеллекта, в подсознании она продолжает жить. Подобно тому, как человек, лишенный пищи, будет вынужден жевать опилки, чтобы только утолить свой голод, так человек, лишенный понятия о божественном, будет поклоняться артистам, писателям — кому угодно.

Наша духовность не может быть безнаказанно унижаема, она не может быть безнаказанно поставлена в условия уродства. Вы знаете, что в средневековых восточных странах, например в Японии, в Китае, делали уродцев — уродливые маленькие деревья, уродливые женские ноги и так далее. То же происходит и с нашей душой, когда ее стискивают идеологическими тисками: получается вот такое маленькое уродливое деревце, такая уродливая ножка. И это тоже не остается безнаказанным, потому что изуродованный дух уродливым образом воздействует на другие души и на социальную жизнь — на все. Все теснейшим образом взаимосвязано. И когда мы с вами видим сегодня всевозможные кризисы, это все — не случайность. Многие разводят руками: что мы делаем, какие же мы слепые! Нет, все закономерно, все правильно! Все так и должно было быть, потому что духовность была попрана, и не просто попрана, а под это подводилась идеологическая база, фундамент, правда, смешной, нелепый, но все равно подводился. И в конце концов так и будут вырастать уродливые деревца. И плоды этого уродства сегодня налицо. Я говорю это без всякого злорадства, я говорю это, объективно констатируя факт, и считаю, что дело еще далеко не погибшее. Но если мы сегодня не проснемся, если мы не поймем, что дух человеческий должен быть оберегаем и взращен, то последствия непредсказуемы.

Человечество не погибнет. Я глубоко верю в то, что мир будет развиваться. Но может погибнуть наша цивилизация. Все будет отброшено в новый каменный век, и, как сказал Гумилев, «огромные гвоздики красные, и на гвоздиках спит дикарь»... — так он себе представлял будущее. Да, это, конечно, возможно. И тяжкий, мучительный труд восхождения цивилизации начнется снова.

Вы скажете, почему же это так? Зачем было Провидению бросать человека в такую мясорубку? Потому, что человек есть образ и подобие Творца. Когда мы говорим о том, как допускает Провидение зло, оно отвечает нам: «Я вас послал, чтобы вы его искореняли, Я вас послал, чтобы вы этому противостояли, Я дал вам свободу и волю, — почему вы не слышите этого голоса?» В Библии говорится ясно и четко: «Перед вами два пути, – говорит пророк Моисей народу, — выбирайте жизнь или смерть». И когда человек выбирает смерть, будет смерть. И тогда уже он не должен жаловаться. Но есть путь жизни, и пока мы живы, никогда не поздно его выбрать. В эти корни, глубочайшие духовные корни, входит вся жизненная система нашего общества и любого общества в мире. Любого! Потому что мы — люди.

Альберт Швейцер говорил, что основы этики заключаются в благоговении перед жизнью. Это, конечно, верно. И мне жалко тех людей, безусловно ущербных, которые не чувствуют благоговения перед птицей, перед живым существом — любым. Это великая тайна. Жизнь — это величайшая тайна. Но, друзья мои, а разве человек — не бóльшая тайна? Разве благоговение перед человеческой

духовностью — не бо́льшая? Мы все это попрали (я говорю «мы», потому что все мы — участники всех этих процессов в той или иной степени). Мы попрали и подменили человека понятием массы. Это мерзкое, отвратительное понятие, потому что оно лишает человека самого драгоценного дара Божьего — личности. И таким образом мы превращаемся в стадо. Даже хуже, чем в стадо. Я помню, в одном журнале (кажется, «Курьер ЮНЕСКО») были статьи демографического содержания, которые иллюстрировались изображением людей. Все они были сделаны в виде яйца, все одинаковые, как яйца, как клоуны какие-то. И хотя это была смешная карикатура, она на самом деле ужасна. Мне в ней почудилась вот эта психология современного восприятия человека, когда вместо человека идет масса. А массой можно манипулировать как угодно, направлять куда угодно. В ней духовное начало человека снижается на несколько порядков.

Тело человека нуждается в культивации. У нас есть такое банальное слово «физкультура». Есть культура тела. Что это такое, не буду распространяться, вам всем понятно. Существует культура выращивания растений. Существует множество всевозможных культур. То, что нам дано в природе, не может падать с неба, как манна небесная, все это требует нашего участия, потому что мы — люди. Но дух, который дан нам свыше, ведь тоже требует культивации, он тоже требует взращивания. А именно это мы и прозевали. Впрочем, это слишком мягко сказано — мы это почти потеряли. Это было у нас отнято. В конце концов оказалось, что и цена жизни ничтожна. На протяжении двух-трех поколений нашего столетия чего стала стоить жизнь? Оказалось, что можно так же истреблять людей, как люди истребляют рыбу на нересте, когда идут на рыбалку. И взгляд на человека становится подобным взгляду рыбака, у которого в сетях плещется тысячи три рыбешек. Вот результат, вот итог разрушения духовности, непонимания самого главного.

Опыт мировых религий, духовные традиции, которые столетиями и тысячелетиями выращивали лучшие представители человечества,— этот священный опыт и служил культивации в человеке его духовного начала. Если мы это отбросим, то процессы, которые начались уже у нас на глазах, будут стремительно, со зловещим ускорением развиваться. Человек познал добро и зло — вы все помните библейское сказание. А это означает, что человек решил сам мерить добро и зло по своим меркам, не так, как это решается в высшем, священном божественном законе, а как ему вздумается: добро в том, что выгодно мне лично, моей семье, моему клану, классу, партии, группировке. Конец! Здесь начинается конец.

Так вот, проблема духовности — это не праздная проблема культурного досуга, а проблема жизненно важная. Если мы не почувствуем это, не попытаемся подойти к этому с полной ответственностью, с полной серьезностью, то мы окажемся банкротами перед лицом высочайшего призыва.

Великий английский историк Арнолд Тойнби говорил, что каждая цивилизация получает божественный призыв в виде географической среды, исторических условий, наследственности и так далее. Если она в сумме всех воль в среднем дает правильный ответ, то начинает развиваться и процветать; если она дает неправильный ответ, начинается деградация и все рушится. Это может произойти в любой части света, и это зависит от общего духовного климата всего социума. Вот о чем сегодня мы болеем, что сегодня мы хотим поставить во главу угла.

Все это вовсе не значит, что духовность — это какой-то маленький огонек, который надо зажигать, как лампадку. Ничего подобного. Именно духовность — корень всей культуры. Люди создавали свою музыку, свою архитектуру, свою живопись, свои социальные институты именно в соответствии с тем, как они воспринимали божественное. Творец, Космос, Человек. Взгляд на эти три измерения и определяет любую культуру. Та культура, в которой это выкорчевано, вырвано, переживает ситуацию крайней нестабильности. Этому учат нас факты истории. А для нас с вами это уже не история, мы в это погружены. И не только у нас, а во многих странах, потому что сегодняшние цивилизации есть цивилизации кризиса.

Ответ на этот вопрос дал замечательный русский мыслитель и социолог Питирим Сорокин. (В 1989 году — столетие со дня его рождения. В силу исторических причин ему пришлось покинуть свою родину в 1922 году. Он был участником работы Временного правительства, а впоследствии — профессором Гарвардского университета. Я не знаю, будут ли у нас отмечать этот юбилей и как будут отмечать, но Питирим Сорокин был ведущим социологом мира.) И вот один из аспектов его концепции. Он утверждал, что в мире существуют два важнейших элемента — это дух и материя. Так вот, когда человечество ставит духовность на первый план, оно творит и мощно развивается. Пусть с ошибками, с трагедиями, но развивается. Потом наступает момент перелома, наступает, по его терминологии, сенситивная, чувственная цивилизация, когда материальные ценности начинают казаться более важными, и начинается развитие техники, практической науки,— все с перевесом в материальную сторону, а духовные ценности отступают назад. И это ведет к тяжелейшему вакууму, нравственному и духовному. И когда наступает средняя фаза, которую он называет фазой идеалистической (это условный термин). Это фаза, когда материальные ценности еще продолжают быть притягательными, но человек уже понимает, что одним этим не обойдешься. И Питирим Сорокин считал, что наш век, наша сегодняшняя ситуация как раз и переживает эту стадию. И каждый из нас должен задуматься над тем, каково его участие в этом.

Действительно, когда человек ищет только материального, как мы привыкли, он, конечно, себя обворовывает. И когда историю рассматривают как историю столкновения интересов, войн, борьбы за место под солнцем, эта история превращается почти в зоологическую историю, потому что в ней нет ничего по-настоящему человеческого. Ибо и животные нуждаются в месте под солнцем.

Человек — это духовное существо. Это свободное существо. В прошлом году было сорокалетие со дня смерти великого русского мыслителя Николая Бердяева. Это имя, к счастью, теперь возвращается вновь к нам. Человек, вокруг которого шумели споры, по поводу которого собирались и собираются симпозиумы, которого перевели на двадцать языков, у нас в течение длительного времени был совершенно неизвестен, за исключением очень узких кругов. Так вот, Бердяев говорил, что человек — это прежде всего личность, а личность немыслима без свободы. А это то, за что надо бороться, потому что духовность не дается даром.

И наконец, последнее. Природа, как бы мы ее глубоко ни познавали, всегда будет оставаться для нас тайной. Само бытие останется для нас тайной, потому что закон причинности, действующий в ней, реализуется только до того момента, где мы подходим к первопричине, к тому началу, которое Циолковский называл Причиной Космоса — абсолютной любовью и высшим разумом. Но подходя к этой причине, мы сознаем, насколько мы не в состоянии проникнуть в ее тайну. Мы только чувствуем это. И в переживании природы, музыки, прекрасного, в переживании любви, переживании творчества нас касается божественная рука, но только касается. Мы можем чувствовать эту тайну, подобно путнику, который идет по пустыне и чувствует близость леса или моря, когда через раскаленные слои воздуха до него доходит прохладный ветерок. Но это только приближение. Пока тайна сама не заговорит с нами, она все равно останется тайной. И она открывает нам величие человека и человечность Бога. Это есть Благовестие Евангелия.

Когда Бог говорит нам через Христа, умершего на кресте и победившего смерть, Его благовестие — это благовестие о человеке. Он говорит о том, что люди — это чада Божии. Они должны ими стать, они рождаются для этого. Оказывается, у человека может быть идеал и эталон. У человека может быть мост, который связывает его с вечностью. И через этот мост должны идти мужественные. У каждого может набраться свое мужество. На том берегу стоит Он.

Великий Паскаль говорил о неком рывке, внутреннем рывке, который должен совершить человек, чтобы пойти навстречу призыву Бога. Евангелие есть благовестие будущего. Прошлые времена могли с трудом его усвоить на каких-нибудь десять процентов, и сегодняшнее человечество еще во многом не доросло до него. Но если мы хотим культивировать, развивать, оберегать, давать рост нашей духовности, мы всегда будем обращаться, должны обращаться к этому вечному источнику, где бездна, где величайшее молчание бездны начинает говорить с нами, обретает голос — голос Того, Кто сказал: «Видевший Меня, видел Отца. Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя, и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем; и обрящете покой душам вашим». ●

Публикация Н. ГРИГОРЕНКО
Текст подготовила к печати А. АНДРЕЕВА

Мы публикуем одну из семи лекций, прочитанных в Буэнос-Айресе летом 1977 года знаменитым аргентинским писателем, философом и филологом Хорхе Луисом Борхесом (умер в 1986 году). Эту лекцию было бы правильнее назвать исповедью, спокойной и мужественной исповедью человека, пытающегося поведать нам об опыте достойного противостояния надвигающейся старости и слепоте.
Лекция опубликована в сборнике «Человек и общество» (выпуск 1), изданном Институтом научной информации по общественным наукам (ИНИОН) в 1990 году.

Хорхе Луис Борхес

Слепота

Дамы и господа,
в ходе своих многочисленных, даже слишком, лекций я замечал, что предпочтение отдается личному перед общим, конкретному перед абстрактным.

Поэтому я начну со своей собственной скромной слепоты. Скромной в прямом смысле, потому что полностью слеп один глаз, а другой немного видит. Я еще в состоянии различить некоторые цвета, еще могу выделить зеленый и голубой. Мне не изменил желтый цвет. Помню, как в детстве (если бы моя сестра была здесь, она вспомнила бы то же самое) я останавливался у клеток тигра и леопарда в зоопарке Палермо. Я замирал перед золотой с черным окраской тигров; и по сей день желтый цвет не оставил меня. Я написал стихотворение «Золото тигров», в котором сознаюсь в этой приверженности.

Я хочу сказать о явлении, которое обычно оставляют без внимания, не знаю, для всех ли оно характерно. Принято считать, что слепой погружен во мрак. У Шекспира есть строка, подтверждающая это мнение, «глядя во тьму, видимую и слепому». Если понимать тьму как черноту, шекспировский стих неверен.

Один из цветов, которых лишены слепые (во всяком случае, слепой, который перед вами), — черный; другой — красный «Le rouge et le noir» — цвета, которых нам не хватает. Мне, привыкшему засыпать в полной темноте, долгое время было трудно погрузиться в сон в этом мире тумана, в мире слабо светящегося зелено-голубого тумана, в котором живет слепой. Хотелось оказаться в темноте. Красный видится мне похожим на коричневый. Мир слепого — это не ночь, как обычно думают. Во всяком случае, я говорю от своего имени, от имени отца и бабушки, которые окончили свои дни слепыми; слепыми, улыбающимися, мужественными, каким хотелось бы умереть и мне. По наследству передается многое (скажем, слепота), но не мужество. Я знаю, они были мужественны.

Слепой живет в довольно неудобном мире — мире неопределенном, где вдруг возникает какой-то цвет; у меня это желтый, голубой (который, правда, может оказаться зеленым), зеленый (который может оказаться голубым). Что же касается красного, он исчез совершенно, но я надеюсь, что когда-нибудь (я прохожу курс лечения) выздоровею и смогу увидеть этот великолепный цвет, блистающий в поэзии, который так красиво называется на многих языках. Вспомним немецкое scharlach, английское scarlet, французское écarlate. Эти названия достойны великого цвета.

Я живу в мире, где цвета существуют, и хотел бы сказать, что если я говорю о своей собственной скромной слепоте, то делаю это потому, что она не абсолютная, как обычно думают, и, во-вторых, потому что речь идет обо мне. Мой случай не так уж трагичен. Трагичны судьбы тех, кто теряет зрение внезапно; в моем случае эти медленные сумерки, эта постепенная потеря зрения началась с моего рождения. С 1899 года, более полувека, без особого драматизма длится этот сгущающийся полумрак.

Для этой лекции мне нужно было припомнить моменты трогательные. Скажем, когда я узнал, что потерял зрение, зрение человека пишущего и читающего. Почему не назвать дату, столь памятную, — 1955 год. Я говорю не о знаменитых сентябрьских ливнях, а о своих обстоятельствах.

За свою жизнь я получил множество незаслуженных почестей, но ни одна из них не обрадовала меня больше, чем назначение на пост директора Национальной библиотеки. По причинам скорее политического, чем литературного, характера я был назначен на этот пост Освободительной революцией.

Став директором библиотеки, я возвратился в дом на улице Мехико в квартале Монсеррат, в южной части города, о котором я хранил столько воспоминаний. Я никогда не мечтал о возможности стать директором библиотеки, и воспоминания мои совсем иного рода. Отец мой, профессор психологии, просил книгу Бергсона или Уильяма Джеймса, своих излюбленных авторов, или Густава Шпиллера. Я был слишком робок, чтобы попросить книгу, и брал какой-нибудь том энциклопедии «Британника» или немецких энциклопедий Брокгауза или Майера. Я выбирал том наугад, клал на боковую полку и читал.

Помню вечер, когда я чувствовал себя получившим подарок, подарок букв dr: мне попались три статьи о друидах, друзах и Драйдене. Бывали вечера менее удачные. Кроме того, я знал, что в этом доме находится Груссак[1], я мог бы познакомиться с ним, но был тогда, могу признаться, слишком робок — почти так же, как теперь. Тогда мне казалось, что робость имеет значение, а сейчас я знаю, что робость — одно из зол, которые человеку надо стараться преодолеть, и что на самом деле робость не имеет значения, как и многое другое, что люди склонны считать очень важным.

[1] *Груссак* — испаноязычный писатель, литературовед, бывший директором Национальной библиотеки в Буэнос-Айресе.

Я получил назначение на пост в конце 1955 года; вступив в должность, спросил о количестве томов, и мне ответили, что их миллион. Впоследствии я узнал, что книг 900 тысяч, число более чем достаточное (возможно даже, 900 тысяч производит большее впечатление, чем миллион: девятьсот тысяч; миллион же звучит слишком коротко).

Со временем мне стала ясна удивительная ирония происшедшего. Я всегда воображал Рай чем-то наподобие библиотеки, как некоторым он представляется садом или дворцом. И вот я оказался в нем. Здесь были собраны 900 тысяч томов на разных языках. Я убедился, что едва разбираю надписи на переплетах и корешках. Тогда я написал «Стихотворение о двух дарах», которое начинается так:

Не вызовет ни слез, ни упрека
Такое проявление мастерства
Бог с великолепной иронией
Подарил мне книги и ночь — разом.

Эти дары взаимно исключают друг друга: множество книг и ночь, невозможность читать их.

Мне представлялось, что это стихотворение написал Груссак, поскольку он тоже был директором библиотеки и тоже был слеп. Груссак оказался более стойким, чем я; он хранил молчание. Но я думаю, в наших судьбах были схожие моменты, потому что оба мы лишились зрения и оба любили книги. Написанное им намного выше того, что написал я. Но в конечном счете мы оба связаны с литературой и оба ведали библиотекой с недосягаемыми книгами. Можно сказать, с книгами без букв, с чистыми страницами для наших незрячих глаз. Я писал об иронии Бога и под конец спросил себя, кто из нас написал стихотворение, где «я» подходит обоим, а темнота одна на двоих.

Тогда я не знал, что Хосе Мармоль, еще один директор библиотеки, тоже был слеп. Тут появляется число три, снимающее вопросы. Два — не более чем совпадение, а три — утверждение. Утверждение троичного порядка — утверждение божественное или теологическое.

Итак, у нас оказалось три человека с одинаковой судьбой. И радость вернуться в квартал Монсеррат, на Юге. Для всех жителей Буэнос-Айреса Юг каким-то образом оказывается сокровенным центром города. Не другим центром, парадным, для показа туристам (в те времена квартал Сан-Тельмо еще не был так популярен). Юг был потайной сердцевиной Буэнос-Айреса.

Когда я думаю о Буэнос-Айресе, то прежде всего о городе, который знал ребенком: с небольшими домами, двориками, арками, черепахами в водоемах, решетчатыми окнами; Таким раньше был весь Буэнос-Айрес. Сейчас это сохранилось лишь в южной его части, так что я чувствовал, что возвращаюсь в жилище своих предков. Когда я понял, что окружен книгами, названия которых вынужден спрашивать у друзей, мне вспомнилась фраза Рудольфа Штейнера в книге об антропософии (как он называл теософию). Он сказал, что когда что-то приходит к концу, следует помнить, что начинается что-то. Совет полезный, хотя и трудновыполнимый, поскольку известно, что мы теряем, а не что приобретаем. У нас есть сложившееся, иногда преувеличенное представление о том, что мы потеряли, но мы не знаем, что случится взамен, что произойдет.

Я принял решение. Я сказал себе: утрачен дорогой мир видимого; я должен создать иной, сотворить будущее вместо зримого мира, навсегда утерянного. Я подумал о некоторых стоявших в доме книгах. Я преподавал в нашем университете английскую литературу. Как я мог обучать этой неисчерпаемой литературе, на которую, без сомнения, может уйти жизнь не одного поколения? И что мне делать в течение четырех месяцев аргентинских праздников и развлечений?

Я делал все, что был в силах, чтобы научить любви к этой литературе, по возможности избегая дат и имен. Ко мне пришли несколько студенток сдавать экзамен и успешно сдали его (все мои ученицы сдавали мне экзамены успешно, я всегда старался не устраивать переэкзаменовок, за десять лет пришлось переэкзаменовать лишь трех студенток, которые настояли на этом). Я сказал девушкам (их было девять или десять): «Мне пришла в голову мысль — теперь, когда вы сдали экзамен, а я выполнил свой долг преподавателя, не начать ли нам заниматься языком и литературой, которых мы почти не знаем?» Они спросили, о каком языке и литературе я говорю. «Ну, конечно, об английском языке и английской литературе. Давайте начнем заниматься теперь, когда мы освободились от суетности экзаменов, начнем с самого начала».

Я помню, что дома хранились две книги, которые следовало переставить, потому что они были высоко на полках, — я не думал, что когда-нибудь обращусь к ним. Это были Anglo-Saxon Reader Суита[2] и «Англосаксонская хроника». Каждая снабжена глоссарием. Однажды утром мы собрались в Национальной библиотеке.

Я думал, что утратил видимый мир, а сейчас хочу обрести другой — мир своих далеких предков, тех племен, тех людей, что пересекли на веслах бурные северные моря, отправившись из Дании, Германии и Нидерландов завоевывать Англию, они называли ее Англией, а раньше земля англов (England) звалась «Землей Бриттов», которые были кельтами.

Субботним утром мы собрались в кабинете Груссака и начали читать. Одно обстоятельство обрадовало нас и взволновало, и наполнило некоторой гордостью. Дело в том, что саксы, как и скандинавы, употребляли две рунические буквы для обозначения звуков «th» — как в слове «thing», так и в слове «the». Это делало страницу таинственной. Я запичал эти буквы на грифельной доске.

Мы обнаружили, что язык отличается от английского и похож на немецкий. То, что всегда случается при изучении языка, произошло. Каждое слово выделяется резко, как гравированное, как если бы оно было талисманом. Поэтому стихи на чужом языке производят большее впечатление, чем на родном: мы вслушиваемся, всматриваемся в каждое слово, мы думаем об их красоте, об их силе или просто об их непохожести. В это утро нам повезло. Мы обнаружили фразу: «Юлий Цезарь был первым из римлян, кто открыл Англию». То, что мы встретили римлян в северном тексте, тронуло нас. Вспомните, ведь мы ничего не знали, мы рассматривали слова в лупу, каждое слово было как талисман, полученный в дар. Мы нашли два слова. Эти слова пьянили нас; правда, я был стар, а они юны (оба возраста склонны к восторгам). Я думал: «Я возвращаюсь к этому языку, я вновь обретаю его. Я не впервые пользуюсь им; я говорил на этом языке, когда носил другие имена». Два эти слова были название Лондона: Lundenburh, Londresburgo и название Рима, которое тронуло нас даже сильнее. Мы подумали о свете Рима, падавшем на эти затерянные далеко на севере острова, Romeburh, Romaburgo. Казалось, еще немного — и мы пойдем по улице с криками: Lundenburh, Romeburh...

Так началось изучение древнеанглийского, к которому привела меня слепота.

[2] Sweet H. An. Anglo-Saxon reader in prose and verse. Oxford, 1933.

И сейчас я храню в памяти множество элегических, эпических англосаксонских стихотворений.

Я заменил мир видимый слышимым миром древнеанглийского языка. Затем я обратился к другому, более позднему и более богатому миру скандинавской литературы: к эддам и сагам. Впоследствии я написал «Древние германские литературы», множество стихов на эту тему, но прежде всего — наслаждался этой литературой. И сейчас я готовлю книгу о скандинавской литературе.

Я не дал слепоте запугать себя. Кроме того, прекрасное известие сообщил мой издатель: он сказал, что если я за год напишу 30 стихов, он сумеет издать книгу. Тридцать стихотворений означают дисциплину, особенно когда вынужден диктовать каждую строчку, но в то же время достаточную свободу, потому что, скорее всего, за год наберется тридцать случаев поэзии. Слепота не стала для меня совершенным несчастьем, не нужно смотреть на нее трагически. Ее надо воспринимать как образ жизни, как один из стилей человеческой жизни.

В том, чтобы быть слепым, есть свои достоинства. Я обязан этому мраку несколькими дарами: древнеанглийским языком, поверхностным знакомством с исландским, радостью, которую мне доставили множество стихов, поэм и строчек; тем, что написал книгу, озаглавленную — не без фальши, несколько претенциозно — «Элегия мрака».

Теперь мне хочется рассказать о других — об известных случаях. Начнем с самого явного примера дружбы, поэзии, слепоты, с того, кто считается величайшим поэтом, — с Гомера (нам известен другой слепой греческий поэт, Тамирис, чьи произведения не сохранились. Мы знаем о нем в основном из высказывания Мильтона, другого знаменитого слепца. Тамирис был побежден на состязании музами, которые разбили его лиру и ослепили его).

Существует любопытная гипотеза (не думаю, что она исторически верна, но весьма привлекательна), принадлежащая Оскару Уайльду. В большинстве случаев писатели хотят казаться глубокомысленными; Уайльд был человеком глубоким, но старался прослыть легкомысленным. Возможно, он хотел, чтобы мы представляли его искусным собеседником, чтобы мы думали о нем, как Платон о поэзии: «легкая, крылатая, священная». Так вот, легкий, крылатый, священный Оскар Уайльд говорил, что античность представила Гомера слепым намеренно.

Нам неизвестно, существовал ли Гомер. То, что семь городов оспаривают его друг у друга, заставляет сомневаться в его существовании. Возможно, Гомера не было, а было много греков, скрытых от нас под именем Гомера.

Традиция рисует нам образ слепого поэта; безусловно, поэзия Гомера зрима, иногда великолепно зрима, как, хотя и в меньшей степени, поэзия Оскара Уайльда.

Уайльд отдавал себе отчет в том, что его поэзия слишком зрима, и хотел от этого избавиться: он хотел сделать поэзию звучащей, музыкальной, как, скажем, стихи Теннисона или Верлена, перед которыми он преклонялся. Уайльд говорил: «Греки воображали Гомера слепым, чтобы показать, что поэзия должна быть слышимой, а не зримой». Отсюда — «Музыка прежде всего» Верлена, отсюда современный символизм Уайльда.

Мы можем считать, что Гомер не существовал, но грекам нравилось воображать его слепым, подчеркивая тем самым, что поэзия — прежде всего музыка, прежде всего лира, и что зримое у поэта может существовать и не существовать. Я знаю великих поэтов, чья поэзия зрима, и великих поэтов, чья поэзия интеллектуальна, умственна, нет смысла перечислять их.

Обратимся к примеру Мильтона. Слепота Мильтона была добровольной. Он знал с самого начала, что сделается великим поэтом. Так бывало и с другими поэтами. Колридж и Де Куинси, еще не написав ни строки, знали, что их жизнь принадлежит литературе. Я тоже, если стоит упоминать обо мне. Я всегда чувствовал, что моя судьба будет связана прежде всего с литературой; я хочу сказать, что со мной случалось много плохого, а иногда — хорошее. Но я всегда знал, что все это рано или поздно превратится в слова, прежде всего — плохое, поскольку счастье не нуждается в претворении: счастье составляет свою собственную цель.

Вернемся к Мильтону. Он потерял зрение над памфлетами, призывавшими к казни короля. Мильтон говорит, что потерял его по своей воле, отстаивая свободу, он говорит об этой благородной задаче и не сетует на слепоту; он считает, что пожертвовал зрением добровольно, и помнит свою главную задачу — быть поэтом. В Кембриджском университете найдена рукопись, в которой юный Мильтон записывал темы для большой поэмы.

«Я хочу завещать грядущим поколениям нечто, что помешало бы им погибнуть», — провозглашает он. Мильтон наметил 10—15 тем, одна из которых оказа-

лась пророческой, о чем он не подозревал. Это тема Самсона. Он не знал тогда, что его судьба будет сколько-то схожа с судьбой Самсона и что наподобие того, как Христос предсказан в Ветхом Завете, Самсон предвестит его собственную судьбу. Уже зная о том, что слепнет, он начал два исторических труда, оставшихся незавершенными: «Историю Московии» и «Историю Англии». Затем большую поэму «Потерянный Рай». Он искал тему, которая могла бы заинтересовать всех людей, не только англичан. Этой темой стал Адам, наш общий предок.

Мильтон много времени проводил один, писал стихи, его память крепла. Он мог удержать в памяти сорок — пятьдесят одиннадцатисложников, а затем диктовал их пришедшим навестить его. Так слагалась поэма. Он помянул в ней судьбу Самсона, столь похожую на его собственную. Поскольку Кромвель уже умер и настало время Реставрации, Мильтон подвергся преследованиям и был приговорен к смерти за то, что поддерживал сторонников казни короля. Но Карл II — сын Карла I Казненного, когда ему был подан список приговоренных к смерти, взял перо и произнес фразу, не лишенную благородства: «Рука моя отказывается подписать смертный приговор». Мильтон избежал казни и многие вместе с ним.

Тогда он написал «Самсон — борец». Он хотел создать трагедию в духе греческой. Действие происходит в течение дня, последнего дня жизни Самсона, и Мильтон думал о сходстве его и своей судеб, потому что он сам, как и Самсон, был сильным человеком, в конце концов оказавшимся побежденным. Мильтон был слеп. И написал строки, которые, по мнению Ландора, считаются трудными для прочтения и действительно таковы:

«Слепой, в Газе (Газа — город филистимлян, вражеский город), на мельнице, среди рабов». Словно все мыслимые несчастья разом обрушились на Самсона.

У Мильтона есть сонет, в котором он говорит о своей слепоте. По одной строке сонета можно догадаться, что он написан слепым. Когда Мильтон описывает мир, он говорит: «В этом темном и широком мире». Именно таков мир слепых, когда они остаются одни, потому что они передвигаются, ища опоры вытянутыми вперед руками.

Вот пример (гораздо более впечатляющий, чем мой) человека, преодолевшего слепоту и свершившего свой труд: «Потерянный Рай», «Возвращенный Рай», «Самсон — борец», лучшие сонеты, часть «Истории Англии», начиная с истоков и до завоевания норманнами,— все это он написал, будучи слепым, диктуя случайным людям.

Аристократу-бостонцу Прескотту[3] помогала жена. Несчастный случай, происшедший с ним в студенческие годы в Гарварде, лишил его одного глаза и оставил почти слепым на другой. Прескотт решил посвятить жизнь литературе. Он изучал литературу Англии, Франции, Италии, Испании. Королевская Испания подарила ему свой мир, обратившийся во времена республики в свою противоположность. Эрудит стал писателем и продиктовал жене историю завоевания испанцами Мексики и Перу, правления королей-католиков и Филиппа II. Это была счастливая, можно сказать, праведная задача, и он посвятил ей более двадцати лет.

Приведу два более близких нам примера. Я уже упоминал Груссака. Груссак забыт несправедливо. Сейчас помнят, что он был приезжим французом. Говорят, что его труды устарели, что сейчас мы располагаем лучшими работами. При этом забывают, что Груссак, как и любой писатель, совершал двойной труд: то, что он писал, и то, как он это делал. Груссак не только оставил нам исторические и критические работы, он преобразил испаноязычную прозу. Альфонсо Рейес[4], лучший испаноязычный прозаик всех времен, говорил мне: «Груссак научил меня, как следует писать по-испански». Груссак справился со своей слепотой, ряд созданных им вещей можно отнести к лучшим прозаическим страницам, написанным в нашей стране. Мне бывает приятно вспоминать о нем.

Обратимся к другому примеру, более известному, чем Груссак. Джеймс Джойс тоже совершил двойной труд. Он оставил два огромных и, почему не сознаться, неудобочитаемых романа — «Улисс» и «Поминки по Финнегану». Но это лишь часть проделанной им работы (сюда же входят прекрасные стихи и изумительный «Портрет художника в юности»). Другая часть, возможно даже более ценная, — как теперь считается,— то, что он совершил с почти необъятным английским языком. Язык, который, согласно статистике, превосходит другие и представляет писателю столько возможностей, прежде всего изобилует конкретными глаголами, оказался для Джойса недостаточным.

Джойс, ирландец, не забывал, что Дублин был основан викингами-датчанами. Он изучил норвежский, на котором вел переписку с Ибсеном. Затем овладел греческим, латынью... Он знал все языки и писал на языке собственного изобретения, трудном для понимания, но удивительно музыкальном. Джойс внес в английский язык новую музыку. Ему принадлежат слова мужественные (но не искренние): «Из всего, что со мной произошло в жизни, наименьшее значение имела потеря зрения». Часть своих произведений он создал незрячим: шлифуя фразы по памяти, иногда проводя над одной фразой целый день, затем записывая и выправляя их. Все это — будучи полуслепым, а временами — слепым. Подобным же образом импотенция Буало, Свифта, Канта, Рескина и Джорджа Мура была для них печальным орудием свершения их трудов; то же самое относится и к порокам, обладатели которых достигли всеобщей известности. Демокрит из Абдеры выколол себе в саду глаза, чтобы вид внешнего мира не мешал ему сосредоточиться; Ориген оскопил себя.

Я привел достаточно примеров. Некоторые столь известные, что мой собственный случай совестно и упоминать, но люди всегда ждут признаний, и у меня не было причин отказываться от своих. Хотя, возможно, покажется нелепым ставить мое имя рядом с теми, которые мне приходилось называть.

Я говорил, что слепота — это образ жизни и не такой уж плачевный. Вспомним стихи величайшего испанского поэта Луиса де Леона:

Я хочу жить сам,
радуясь благам, что дает небо,
одиноко,
свободный от любви, от ревности,
от ненависти, надежды, от страха.

Эдгар Аллан По знал наизусть эту строфу.

Мне кажется, жить без ненависти нетрудно, я никогда не испытывал ненависти. Но жить без любви, я думаю, невозможно, к счастью, невозможно для любого из нас. Но обратимся к началу: «Я хочу жить сам, радуясь благам, что дает небо»,— если мы сочтем, что мрак может быть небесным благом, то кто «живет сам» более слепого? Кто может лучше изучить себя? Используя фразу Сократа, кто может лучше познать самого себя, чем слепой?

Писатель — живой человек, поэтом нельзя быть по расписанию. Не бывает поэтов с восьми до двенадцати и с двух до шести. Поэт бывает поэтом всегда, он знает, что покорен поэзией навек. Наверное, так же художник чувствует, что линии и цвета осаждают его. Или музыкант ощущает, что удивительный мир звуков — самый удивительный из миров искусств — вечно ищет его, его ждут мелодии и диссонансы. Для целей художника слепота не может быть лишь бедствием, она становится орудием. Луис де Леон посвятил одну из своих самых красивых од слепому композитору Франсиско Салинасу.

Писатель — или любой человек — должен воспринимать случившееся с ним как орудие; все, что ни выпадет ему, может послужить его цели, и в случае с художником это еще ощутимее. Все, что ни происходит с ним — унижения, обиды, неудачи, — все дается ему как глина, как материал для его искусства, который должен быть использован. Поэтому в одном из стихотворений я говорю о том, чем были вскормлены античные герои: бедствия, унижения, раздоры. Это дается нам, чтобы мы преобразились, чтобы из бедственных обстоятельств собственной жизни создали нечто вечное или притязающее на то, чтобы быть вечным.

Если так думает слепой, — он спасен. Слепота — это дар. Я утомил вас перечислением полученных мною даров: древнеанглийский, в какой-то степени шведский языки, знакомство со средневековой литературой, до той поры не известной мне, написание многих книг, хороших или плохих, но оправдывающих потраченное на них время. Кроме того, слепой ощущает доброту окружающих. Люди всегда добры к слепым.

Мне хотелось бы закончить строчкой Гете. Я не очень силен в немецком, но думаю, что смогу без грубых ошибок произнести слова: «Все, что было близко, удаляется». Гете написал это о вечерних сумерках. Когда смеркается, окружающее словно скрывается от наших глаз, подобно тому, как видимый мир почти полностью исчез из моих глаз.

Гете мог сказать это не только о сумерках, но и о жизни. Все удаляется от нас. Старость должна быть высочайшим одиночеством, если не считать высочайшего одиночества смерти. «Все, что было близко, удаляется». Это относится и к постепенно усиливающейся слепоте, о которой я рад был рассказать вам сегодня вечером и рад доказать, что она не совершенное бедствие. Она должна стать одним из многих удивительных орудий, посланных нам судьбою или случаем ●

Перевод В. КУЛАГИНОЙ-ЯРЦЕВОЙ.

[3] *Уильям Хиклинг Прескотт* (1796—1859) — американский историк и литературовед.
[4] *Альфонсо Рейес* (1889—1959) — мексиканский поэт, литературовед, ученый.

В. Брель

Одиннадцатая ночь

В частной беседе с композитором Альфредом Шнитке я поинтересовался: как рождается музыка? «Не знаю»,— последовал ответ. Когда я усомнился в этом, Альфред Гарриевич пояснил: «Понимаешь, когда я работаю над новым произведением, то нахожусь в каком-то странном состоянии, будто что-то потерял. В таком состоянии поиска я размышляю над отдельными частями будущей вещи, прикидываю, как они состыковываются друг с другом, перебираю возможные варианты. Что-то нравится, что-то нет, а что-то раздражает или даже бесит... И вдруг — БАХ!!! — все встает на свои места. Все ясно, четко, цельно и оправданно, и, что самое главное, уже изменить ничего нельзя. Всего лишь одно мгновение, один миг. До этого был хаос и неудовлетвореиность, а теперь — порядок, гармония и душевное ликование. И так каждый раз! И всегда неожиданно, вдруг и при неповторяющихся обстоятельствах».

Этот случай мне вспомнился в Московском Доме скульптора на выставке «Скульптура и шахматы», я залюбовался работой Игоря Макарова.

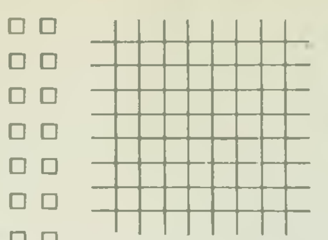
На стилизованной шахматной доске стояли фигуры. Все было немножечко странно, не как в игре, а как в жизни. Все шахматные фигуры (шахматы всегда у меня ассоциировались

с армией), как и положено в армии, объединяла общая для всех форма, но не было ни одной повторяющейся, каждая имела свои индивидуальные черты, свой неповторимый характер. Было такое ощущение, что фигурки нерукотворные, что они вот так же — БАХ!!! — и сами появились на свет. И еще поражало название: «Одиннадцатая ночь». Не было сил уйти от работы. Мысль, что я могу познакомиться с автором этой «ночи» и познакомить его с читателями журнала, вернула меня к реальности.

Когда мы встретились с Игорем Макаровым, меня ожидал приятный сюрприз. Оказалось, что идея создания этой выставки принадлежала ему. Он в течение нескольких лет собирал среди коллег единомышленников, уговаривая их создавать произведения на шахматную тему. И вот — выставка. «Она меня сильно огорчила,— неожиданно сказал Игорь.— Вместо скульптуры большинство моих коллег сделало обычные шахматы для игры, правда, в выставочном варианте. Да я их и не осуждаю. Каждый из них явил смекалку и изобретательность. У каждого свой стиль, своя манера, свой материал. Тут и металл, и дерево, и керамика, и фарфор и даже драгоценные камни». Все сделали шахматы для игры, я это увидел, и лишь у Игоря Макарова это была не игра, а скульптура, да еще из бронзы (стр. 94).

Кто-то, может, полюбопытствует: а почему «одиннадцатая ночь»? Игорь пожал плечами: «Это же видно невооруженным глазом, но на двенадцатую она никак не тянет». ●

БЕЗ ПОДРОБНОСТЕЙ

На территории нашей страны открыта новая кимберлитовая провинция, включающая в себя как известные, так и еще не обнаруженные кимберлитовые тела на севере Восточно-Европейской платформы,— видимо, алмазы теперь можно будет добывать по всему нашему Северу.

Дефектные микроскопические зоны в монокристаллах металлов обладают удивительными свойствами. Например, при нагреве в вакууме или облучении лазерным светом их электрическое сопротивление вдруг обратимо уменьшается в десятки раз.

Нитрозосоединения в атмосфере имеют не только антропогенное происхождение, они образуются повсеместно и в ходе естественных фотохимических процессов. При этом их содержание в воздухе находится в обратной зависимости от толщины озонового слоя, потому оно может служить индикатором состояния нашего озонового экрана.

При содержании в неволе обезьян самцы часто убивают детенышей, чего не бывает в природе. Так, в Сухумском заповеднике у павианов убийства малышей происходят как побочный результат «смуты», связанной со сменой самца-лидера, вселением в группу новых самок или же молодых самцов, вступающих в борьбу за власть. При этом более старшим и опытным матерям удается лучше защитить и отстоять своих детей.

Мировой океан отражает значительную часть падающих на него солнечных лучей. Вместе с ними в космос излучаются и потоки квантов флюоресценции, возбуждаемой в хлорофилле фитопланктона солнечными лучами. Однако в суммарном потоке почти отсутствует узкая полоса красного света длиной 680 нанометров — «хлорофилльный провал», который образуется за счет избирательного поглощения этих квантов молекулами хлорофилла водорослей.

Есть некая глобальная космофизическая причина, влияющая на характер результатов измерений макроскопических процессов — от биологических и химических до радиоактивного распада. Она проявляется в форме дискретных гистограмм, не зависящих ни от приборов, ни от колебаний температуры, и повторяющихся одинаково в разных лабораториях, удаленных друг от друга на тысячи километров.

В роли сенсора биологического поля человека могут выступать клетки водорослей и бактерий. Существуют экстрасенсы, способные дистанционно влиять на подвижность популяций этих клеток в растворе, причем такое воздействие не связано с тепловыми лучами от рук, его физическая природа неизвестна.

Митохондрии — энергетические органы в живых клетках, видимо, играют там еще одну важную роль. Они выполняют функцию «мембранного электрического кабеля», по которому электроэнергия мембранного потенциала передается в различные отсеки клетки.

Морские рачки — бокоплавы гаммарусы разделяются при движении на левшей и правшей, причем правшей в группе всегда больше. Такая асимметрия в выборе направления движения нарушается при действии нефтяного загрязнения.

Количество гибнущих эпителиальных клеток сосудов головного мозга не зависит от дозы локального облучения. В широком диапазоне доз — от 5 до 100 гигарентген — численность выбывших клеток остается одной и той же и равна 15 процентам.

ЛИЦЕЙ

«Если с дерева в какой-нибудь части ободрать кору, то природа, которая об этом заботится, направляет туда гораздо большее количество питательного сока, чем в другое какое место...» Эти слова Леонардо да Винчи, сказанные в конкретно ботаническом контексте рассуждений «о растениях»,— на мой взгляд, прекрасно объясняющая метафора тех причин, которые побудили «Знание — сила» собрать в единый раздел с обязывающим названием «Лицей» многое из того, что и раньше присутствовало в журнале. Если продолжить образ, с нашего общества, как кора с дерева (на прагматическое лыко) сдиралось образование, сдиралось и целенаправленно — в целях примитивизации существования людей, и так — от идеологического варварства и бескультурья. И именно сюда должен устремиться сейчас по социальным капиллярам «питательный сок» культуры, «в место, требующее помощи» (Леонардо).

Неоднократно я писал, в том числе и в «Знание — сила», что, с моей точки зрения, точки зрения психолога, наше общество переживает великий этап перехода от культуры полезности человека к культуре достоинства личности.

До тех пор, пока культура ориентирована исключительно на отношения полезности, в ней урезается время, отводимое на детство, а образованию отводится роль социального сироты, которого терпят постольку, поскольку приходится тратить время на дрессуру, подготовку человека к исполнению полезных служебных функций.

Одна из травм, нанесенных культурой полезности нашему сознанию, как раз в том и заключается, что ценности личности, образования, знаний ютятся где-то в тени сознания и не оцениваются как путеводная нить, способная вывести общество из кризиса. Вот почему я ожидаю от родившегося раздела не только конкретной полезности для учащихся и учителей, ищущих новые формы педагогических взаимодействий, но и того внутреннего достоинства, которым всегда живет культура, в которой «дух веет, где хочет».

Вот почему «Лицей» «Знание — сила», я надеюсь, будет не только одной из очередных тематически ориентированных журнальных рубрик, но и новым направлением *культуры «Знание — сила»* в объединении полезности конкретных знаний и достоинства образованной личности.

А. АСМОЛОВ,
вице-президент
Российского общества психологов

***От редакции:** И мы тоже надеемся, что будет так. И эта надежда имеет прочную основу.*

Публикации журнала «Знание — сила» традиционно и на протяжении многих лет широко используются педагогами, учениками и родителями как источник знаний — и дополнительных к обязательным программам, и развивающих творческий потенциал личности. В последнее же время с особой остротой (судя по редакционной почте) читателей журнала стали интересовать публикации «Знание — сила» по вопросам становления личности, общей одаренности, развития способностей, самопознания, выбора профессии, уровня и специфики получаемого образования. Ощутимый импульс этого «социального заказа» и побудил нас к созданию раздела «Лицей», которым редакция предполагает качественно усилить обучающее направление, ставя целью стимулировать и пропагандировать развивающее образование, направленное не только на передачу и усвоение определенного свода знаний, но и на интеллектуальное, нравственное развитие детей и юношества.

В этом разделе мы предполагаем:

освещать и обсуждать общие актуальные педагогические проблемы;

публиковать обзоры по конкретным учебным дисциплинам, но выводящим читателя за пределы, которые с неизбежностью очерчиваются любыми общеобразовательными программами;

предлагать на суд учителей разработки новых, оригинальных проектов в области развивающего образования;

экономить с конкретными нестандартными учебными пособиями и задачниками по истории, биологии, физике, географии, логике, математике, литературе и другим конкретным дисциплинам;

продолжать обсуждение проблем детской одаренности, ее выявления, бережения и развития на различных этапах взросления.

Несмотря на ограничения, налагаемые физическим объемом журнала, редакция рассматривает вопрос о подготовке к публикации целостного образовательного курса по одному из предметов, которые крайне важны для сегодняшнего образования, но еще не введены в программу массовой школы, хотя уже представлены в программах отдельных экспериментальных средних учебных заведений.

Все это — лишь «стартовые» позиции раздела, который мы рассматриваем как открытую, саморазвивающуюся систему. Мы отказались от попыток сразу же расписать по обязательным пунктам и неизменным рубрикам этот раздел, создать некую заранее заданную жесткую программу «Лицея», потому что будем постоянно прислушиваться и к идеям, идущим от логики и парадоксов саморазвития раздела, и к любому суждению и совету извне — от наших авторов и читателей.

Все предложения, советы, рекомендации, материалы для публикации просим направлять в адрес редакции с пометкой «Лицей»

КАФЕДРА

С. Смирнов

Как их не упустить

Я вошел в класс и был поражен: за столами сидели восьмиклассники, но они глядели на меня глазами первокурсников! Мимика, поведение, вопросы — все было, как в обычной студенческой аудитории, на консультации перед экзаменом, причем не первым в жизни, а привычным. Он и был для них привычен — третий экзамен по истории, а по общему счету примерно десятый. И сдавали его гимназисты по-студенчески: отвечали, как правило, лучше, чем знали, и гораздо лучше, чем учились в году. На другом экзамене — по математике — чувствовалась та же лихость, тот же гвардейский дух. Вот восьмиклассница впервые задумалась: как построить правильный пятиугольник? У Евклида глаза полезли бы на лоб: девочка уверенно делает задание и даже что-то насвистывает, хотя она — отнюдь не чемпион по математике в классе! У чемпиона свои проблемы: он без особого труда доказал, что формула длины окружности не переносится на эллипс так, как нам бы этого хотелось (формула длины окружности $2\pi r$ верна, а ожидаемая формула длины эллипса $\pi(a+b)$ неверна). Этот факт когда-то поразил и вдохновил Ньютона. Теперь чемпион ломает голову: каких треугольников больше — остроугольных или тупоугольных? Все они изображаются точками специальных геометрических фигур, имеющих площади или объемы, так что их можно сравнивать между собой; этим и занят чемпион. (Эйлер и Гаусс подобных задач еще не решали!)

Я смотрю на все это и думаю, милые, чему же вас дальше учить и как? И, главное, кому? Приняли вас в гимназию три года назад — в шестой класс, по жесткому конкурсу — и сразу погрузили в омут латыни, английского, русского, математики, биологии, истории... Сейчас основы этих наук усвоены неплохо, хотя с немалыми дырами. Но географии вас толком не выучили, что заметно на экзамене по истории, а был бы экзамен по биологии — и там бы спотыкались. Например, какие луговые цветы обычны в Европейской России, а какие — в Сибири, в Южной Африке или в Южной Америке? Этого гимназисты не знают и, хуже того, даже не читают книги, из которых могли бы узнать, — ни Брема, ни Акимушкина, ни Даррела, ни Мениннджера. До поступления в гимназию читали много, а сейчас почти перестали — некогда!

Курс русской истории Платонова гимназисты освоили; многие прочли «Князя Серебряного» и петровскую эпоху знают подробно — благо, они сами петербуржцы. Но, кажется, ни одна историческая повесть о Киевской или Московской Руси им не знакома. Так что Мономах для них — только автор «Поучения» и борец с половцами, а Иван Третий — вовсе непонятная фигура: он же ничего о себе не написал! Любовь учителя к первоисточникам имеет свои издержки... Поправить дело могла бы «ролевая игра» в классе, где школьники сами принимают решения от имени исторических персон, воображая мотивы их поступков и думая над возможными последствиями. Восьмиклассникам подобные роли вполне по плечу. Но учитель-историк оказался не готов к такому повороту событий!

И не диво: с шестого класса воспитанием малышей-гимназистов занимались одни люди, а наукам обучали другие; теперь ни те, ни другие не готовы к синтезу своих профессий, к превращению всего гимназического коллектива в самообучающуюся систему. Зато многие восьмиклассники уже проявили хозяйский подход к школьной жизни, консультируя младших коллег по грозной латыни или по английскому в гимназических коридорах, охотно участвуя в кампании по набору нового поколения гимназистов.

Сто лет назад реформатор русской армии фельдмаршал Милютин составил табель оценок для Академии Генерального штаба. Интересно проведена в нем граница между хорошими и отличными знаниями: «хорош» тот, кто «знает учение в том виде, в каком оно было ему преподано» и «почитает невозможным выучить что-либо, не поняв». Напротив, «отлично» владеет предметом тот, кто «смело приводит в соответствие отдаленнейшие точки учения» и «знает места, в коих сомневаться должно». Если применить подобные оценки к гимназистам и к их учителям, видно: все они — по одиночке и вместе, при явной незаурядности тех и других — «хорошие», но не «отличные». А хочется стать отличными — ведь с этой целью и создавалась могучей кучкой самоотверженных питерских гуманитариев небывалая гимназия № 610. Кстати, сорока годами ранее с похожей целью корифеи нашей физики основали знаменитый московский Физтех. И тоже получился «очень хороший» вуз, но не «отличный»! Не выросло там новое поколение нобелевских лауреатов. Чего не хватило им тогда и чего не хватает юным передовикам-гимназистам сейчас?

Физики давно пришли к выводу: чтобы в наши дни стать нобелевским лауреатом, необходимо (хотя недостаточно) быть учеником нобелевского лауреата. То есть «хороший» (по Милютину) ученик может стать «отличным» только в ходе долгого общения с «отличным» (по тому же критерию) учителем, а еще лучше,— если с несколькими такими учителями. Только у них можно перенять навыки «приведения в соответствие от-

даленнейших точек учения», только они укажут тебе «места, в коих сомневаться должно», то есть нерешенные задачи, на которых можно проверить свою научную грамотность и волю к победе. Без сильной воли ничего значительного не выйдет — именно поэтому далеко не каждый ученик нобелевского лауреата уподобляется своему учителю.

Видимо, первым и последующим физтеховцам не хватило долгого и тесного личного общения с Капицей, Таммом, Ландау, Семеновым и десятками их зарубежных коллег. Так наша административная система успешно помешала естественному воспроизводству гениев![1] Но вернемся к гимназистам и заглянем в самое начало — в шестой класс, когда они попали в распоряжение новых учителей. Ими стали в основном научные работники — гуманитарии из разных институтов и музеев, решившие сами наладить «воспроизводство интеллекта», не надеясь на государственную школу. Ясно, что все они, даже и не искушенные в педагогике, были настоящими «нобелевскими лауреатами» в глазах своих учеников 11—12 лет — и результат получился соответствующий.

Однако стиль преподавания оставался традиционно школьным, *факто*центрическим: сначала учитель рассказывает и показывает, а ученики слушают и читают; потом он спрашивает — они отвечают (но сами вопросов не задают!) Сейчас подобная культура освоена гимназистами в полной мере, и наступило неизбежное пресыщение. Вот ввели в восьмом классе греческий язык — школяры выдержали и эту премудрость, но без того энтузиазма, который вызывала у них латынь два года назад. А если бы им предложили иной, синтетический курс «Язык и цивилизация Эллады»? Здесь ведь можно все связать воедино: язык и историю (по-новому осмысливая факты, прежде усвоенные на детском уровне «собирания марок»), искусство и науку... Тем более что в этом году гимназисты впервые доказали теорему Пифагора и познакомились с госпожой Физикой, уж тут «вошел страх в души их, и трепет — в кости их»!

Физика — дама суровая, а гимназисты оказались не готовы к встрече с нею. Не было у них раньше курса природоведения; не было возможности ставить простейшие физические опыты; никто не предлагал детям поразмышлять над тем, что такое облако и отчего бывает дождь или почему трением можно добыть огонь. Теперь гимназисты жалуются: «Я решил все задачи про энергию, все вычислил, с ответом сошлось, но я *не понимаю*, что такое энергия!» Так говорит каждый пятый — «хороший», почитающий невозможным выучить что-либо, не поняв. Остальные, увы, молчат — они просто не могут без посторонней помощи отличить «верное» решение физической задачи от «неверного», они не видят в таком решении ничего, кроме вычислений! Огромный пласт новых физических понятий не поддается усвоению в привычном школярском режиме — «выучил — ответил», а иной режим работы гимназисты видели пока только в математике. И вот самые одаренные по этой части ребята задумываются: «Не пора ли сбежать отсюда в физматшколу? Там хоть науку будешь знать как следует, а здесь — что? только языки? Этого мало!»

Что же, перенесемся в физматшколу вслед за беглецами-гуманитариями. Там на входе тоже жесткий отбор, но по иному признаку: гуманитарии проверяли общую эрудицию и смекалку, а математикам важно другое — умеешь ли ты решать задачи. Если не умеешь, ты не нужен, а если умеешь — никто не спросит, как ты это делаешь и где ты этому научился. И вся твоя жизнь в ФМШ будет состоять из решения задач, — конечно, в тех науках, где задач хватает и где принято их решать. Все прочие предметы всерьез не принимаются: их учат, чтобы сдать, или для развлечения, если попался хороший учитель. Но задачи по математике решают истово и непрерывно — как молитву творят. Что этому способствует? Откуда берутся преподаватели-математики, имеющие в глазах подростка «эфэмшонка», такой же «нобелевский» авторитет, какой имели гуманитарии-исследователи в глазах малыша-гимназиста?

Конечно, профессионалов-математиков с учеными степенями на все физматшколы не хватит. К счастью, в этом и нет нужды: с преподаванием «высокой» математики в ФМШ неплохо справляются студенты и аспиранты. Их педагогическое мастерство оставляет желать лучшего, их научные познания не всеобъемлющи. Но истовая вера, что решение научных задач есть самый достойный и приятный образ жизни, эта вера студентов заражает «эфэмшат», притом минимальная разница в возрасте учителей и учеников (около пяти лет) облегчает их общение настолько, что самообучающийся коллектив формируется сам собою, при минимальном вмешательстве школьного руководства. Совместные турпоходы и капустники легко сочетаются с решением задач в классе, в коридорах и в метро, так «эфэмшата» незаметно и быстро приобщаются к «университетской цивилизации», выбирая свой жизненный путь без особой душевной борьбы.

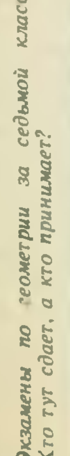
Новый «задачецентрический» подход к изучению науки, плюс новая культура интенсивного и равноправного диалога между учениками и учителями — вот все, что добавила физматшкола к гимназической традиции. Кажется, этого хватает для общего счастья? Да, хватает... еще на два-три года. Потом и здесь наступает пресыщение, начинается «сачкование» лидеров, не говоря уж об общей массе «эфэмшат», с самого начала работавших «вполнакала». Не зря опытные директора физматшкол не одобряют набора новичков в восьмой класс: больше трех лет у нас учиться нечему, а меньше двух — бесполезно! Не одобряют, однако набирают: всех поджимает взаимная конкуренция, все стремятся перехватить одаренных подростков на полдороге. И перехватывают; и упускают потом очень многих: одних незадолго до финиша, других — гораздо раньше.

Впрочем, многие из упущенных «эфэмшат» быстро находят себя в вузе, где стихийное «решательство» задач вновь сменяется упорядоченным изучением теории, то есть научных универсалий и тех моделей, которые из них строятся. Здесь уже никто не спрашивает в отчаянии: «Что же такое энергия?» Во-первых, само понятие прояснилось эмпирически; решив сотню разных задач с участием энергии, старшеклассник или первокурсник запомнил: энергия — это такая штука, которая в одной задаче проявила себя так, в другой — эдак, и т. д. Кроме того, в учебнике можно найти формулы разных видов энергии — кинетической и потенциальной, механической и электромагнитной, — которые вузовский курс увязывает с пестрой эмпирикой задач. И вот рождается «понимание» универсалий, сиречь привыкание к ним и навык их использования.

Любопытно, что вживание вчерашних «эфэмшат» в вузовский стиль учебы успешно протекает не только в физматвузах, но повсюду — от геологии и авиации до биологии и филологии. Кажется, почти безразлично, где вчерашний школьник усвоил две первые учебные культуры (*факто*центрическую и *задаче*центрическую) — в какой школе, в каких науках. Привитые в одной научной сфере, эти навыки легко переносятся в любую другую, над их основой быстро нарастает третья («вузовская») культура усвоения фундаментальной науки через универсалии и модели. Нетрудно догадаться, что подобный процесс тоже длится два-три года... На третьем или четвертом курсе большинство студентов испытывает новый познавательный кризис: «Что мне дальше-то делать?»

Основы наук студент, кажется, освоил, правда, не настолько, чтобы самому делать настоящую науку. Да и как она делается? Рождение всякой новой теории кажется постороннему взгляду чем-то вроде успешного выдувания слона из мухи — при условии, что была верно угадана перспективная муха и хватило сил раздуть ее до слоновых габаритов.

Экзамены по геометрии за седьмой класс. Кто тут сдает, а кто принимает?

---

[1] Впрочем, самой системе гении и не требовались. «Очень хороших» выпускников направляли в закрытые институты для решения вполне конкретных задач. Сахаров и там проявил свой гений, а вот остальные не смогли...

Кто это сумел, тот настоящий ученый, кто не сумел, тот всего лишь «кот ученый, что ходит по цепи кругом», от диплома до пенсии. Вот и встает вопрос: «А я — кто? У кого узнать свою судьбу, как схватить ее за хвост?»

Так наступает четвертый («аспирантский») возраст научного познания. Тут уж не обойтись без руководителя «нобелевского стиля» работы. Роль его вроде бы проста: набив руку в конструировании новых моделей из давно известных универсалий, исследователь начинает «пасти» стадо своих моделей на обширной ниве нерешенных задач, внимательно приглядываясь: кто и где нагуливает вес быстрее всех? Удачливому надо помочь, расширяя зону его выпаса за счет новых фактов и проблем и заодно изменяя его генотип за счет подключения новых универсалий. В этой работе исследователь сдает свой главный экзамен: хватит ли ему душевных сил на преодоление двух грозных природных стихий — лени и упрямства?

Лень ученого проявляется в нежелании плодить разнообразные модели либо в неохоте пасти их на жесткой ниве природных фактов. Модели ведь и так красивы — зачем же их гробить, ударяя о реальность? Упрямство проявляется иначе — в нежелании изменять свои любезные модели, хиреющие на глазах ввиду неадекватности природному корму. Полноценный ученый отличается от прочих своих коллег в основном силой воли. Он ухитряется преодолевать собственные лень и упрямство в течение многих лет, доводя изначальные «мухоподобные» модели до «слоноподобного» состояния. И вот уже с их помощью запросто решаются задачи, непосильные для предшественников. А дальше идет «нобелевский» отбор: кто выдержит искушение славой и покоем после первых крупных успехов, кто не угодит в психушку от нервного срыва, тот взойдет на Олимп высшей научной компетенции и сделает максимум того, на что способен от природы...

Увы, немногие достигают вершин! Видно, сама образовательная система не способствует быстрому интеллектуальному росту будущих исследователей, хотя бы потому, что она слабо учитывает четырехтактный природный ритм стилей научного познания и совсем не интересуется трудностями перехода с одной его ступени на другую.

Вдумаемся в простое чудо: откуда берутся (ежегодно и в немалом числе) толковые гимназисты, «эфэмшата» и студенты? Начнем со студентов. Раз они успешно усваивают научные универсалии, значит, неплохо натасканы в двух предыдущих познавательных стилях, то есть умеют поглощать информацию из лекций и книг, грамотно решают задачи. И вдобавок они уже в какой-то мере знакомы с третьим стилем усвоения науки. Их навык работы с простыми универсалиями (например, в геометрии) дважды проверен на устном экзамене: школьном — выпускном и вузовском — вступительном. Кажется, все в порядке?

Да, если речь идет о «эфэмшонке», поступающем на математический факультет. А если он пожелал стать физиком? Конечно, выпускник ФМШ решил немало задач по физике и освоил это ремесло. А как насчет *постановки* таких задач? Сколько оригинальных вопросов по любимой физике задал наш незаурядный «эфэмшонок» своему лучшему учителю за три последних школьных года? Скорее всего, их можно по пальцам пересчитать, ведь нет такого раздела в школьной программе! Редкий учитель поощряет «вопросистых» учеников на своих уроках; еще реже встретишь такого, который умеет развивать в детях это качество. Но без него не бывает толкового научного работника, бывают только бестолковые лаборанты. Впрочем, те умеют хоть опыты ставить, а у «среднего» выпускника ФМШ этих навыков нет; кстати, вступительного экзамена по экспериментальной физике нет на физмате. Так чего ждать от «среднего» первокурсника-физика? Очень немногого — пока его не выучат настоящей физике почти заново, с потерей нескольких драгоценных лет.

Перейдем к будущему биологу, выросшему в обычной школе (ибо школ биологического профиля у нас почти нет). Ему, конечно, недостает всего того же, чего не хватает будущему физику, и, увы, еще многого. Эксперименты почти исчезли из школьной биологии, прогулки на природу стали редким исключением, хорошего задачника по биологии нет даже в распоряжении учителя. Что остается городскому школьнику? Общение с любимой собакой, чтение книг Сетон-Томпсона и — если крупно повезет — посещение биологического кружка при зоопарке? Впрочем, кружок — это уже сверх «стандартной» школы! А без него много ли пользы от хорошего учебника общей биологии для старшеклассников? Он ведь написан в вузовском стиле, то есть излагает универсалии для тех, кто уже освоил элементарные объекты биологии, неизвестно, где и как. Вот и рады преподаватели биофака немногочисленному пополнению своей паствы из рядов «эфэмшат». Уж эти не подкачают, за их спиной — серьезная культура решения задач, пусть совсем в другой науке!

Странная получается картина: выпускники ФМШ доминируют в лучших вузах разного профиля, но не потому, что математика глубоко проникла во все науки (это совсем не так), а потому, что одной только математике лучшие современные школы (и только они!) способны выучить как следует большинство своих выпускников. Недалеко же мы ушли от славных эллинов! Они понимали, что у них есть одна зрелая наука — геометрия, и одна незрелая — философия. У нас, кажется, накопился немалый набор зрелых наук; но педагогика в их число пока не вошла, и это становится по-настоящему опасно.

Спустимся теперь ступенью ниже и посмотрим, откуда берутся толковые «эфэмшата». Сейчас в московских ФМШ говорят: «Хорошее пополнение — только из наших кружков», а в Петербурге сложился даже термин «дворцовые классы», то есть набранные из тех, кто хоть год проучился в городском математическом кружке во Дворце пионеров.

Но в семидесятые годы картина была иная: университетские кружки уже зачахли, подавленные физматшколами, а «кружки самообслуживания» в ФМШ еще не развились — хватало толковых ребят со стороны. Откуда они приходили? Из языковых школ! Те, кто рисковал сбежать из них,— поняв, что на одном английском далеко не уедешь,— поступив в ФМШ, проявляли незаурядное трудолюбие во всех предметах, обгоняли большинство «узких математиков» и нередко заражали их своим универсализмом.

Не повторяется ли эта история сейчас, когда языковые школы деградировали и почти не дают хорошего пополнения в ФМШ, но ту же донорскую роль начинают играть новые гуманитарные гимназии? Если только так,— это очень скучно; значит, все возвращается на круги своя и ни одна наука, кроме математики, не может стать стержнем отличного («по Милютину») школьного образования.

Возможны ли иные варианты прогресса в дифференцирующейся школе наших дней? Вообразить их несложно, что и делают поборники частных гимназий, гуманитарных лицеев и т. п. Но выжить и процветать эти схемы могут только в конкуренции и симбиозе с уже действующими ФМШ, не уступая им в притягательности. Не случайно самые яркие и жизнеспособные варианты гуманитарного или «естественного» образования школьников рождались в последние годы именно в рамках ФМШ.

Например, московская гимназия № 67 объявила себя «микроуниверситетом» с пятью факультетами для старшеклассников. Математика, физика, химия, биология, литература и история — таковы возможные профили углубленного изучения наук. Первый и последний факультеты уже приобрели устойчивую репутацию в вузовских и родительских кругах. Остальные пока не заявили о себе в полный голос — прежде всего из-за незрелости своих учебных стилей, а также

Отроки на консультации по истории.

из-за неналаженного межфакультетского симбиоза в самой гимназии. Напротив, петербургская гимназия № 610, выделившись из ФМШ № 30, продемонстрировала яркий и цельный учебный стиль, красиво сочетающий элементы классической гимназии и реального училища. Но проблему сосуществования с ФМШ эта гимназия пока не решила, не налажены в ней и межпредметные связи, не сложилась еще преемственность разных учебных методов, соответствующих возрасту учеников. Ясно, что все это — пока лишь черновики удачной образовательной системы. Без них она не может родиться, но от них до нее — дистанция огромного размера, преодолеть которую можно только долгим напряжением душевных сил всех заинтересованных сторон.

Впереди уже третий экзамен по истории.

Эти силы разбужены перестройкой, но пока никто не дал им оптимального направления — ни бог, ни царь и ни герой. Куда устремится их стихийная равнодействующая — к симбиозу равноправных образовательных систем или к их «рыночной» конкуренции? Пока преобладает вторая тенденция: идет рекламная война среди ФМШ и гимназий, а внутри школ по-прежнему процветает межпредметный апартеид — каждый учитель уповает лишь на собственные силы. Увы, это мы уже проходили в годы застоя, когда считанные ФМШ пытались вырваться из-под общего пресса уравниловки. Но сейчас ситуация в стране резко изменилась: образовательный Молох государственной школы рассыпался, и обнаружилась образовательная пустыня с редкими оазисами углубленного изучения «чего-нибудь эдакого». А в пустыне, как известно, отдельные виды нежизнеспособны: выживают только небольшие, крепко спаянные биоценозы.

Так и в мире просвещения: одиночка предметник, будь он математик, лингвист или историк, вряд ли отыщет себе готовую, но не занятую комфортную эконишу. Он почти обречен на деградацию или на эмиграцию, причем второе не исключает первого. Напротив, небольшой активный ценоз из разношерстных ученых-просветителей, готовых договориться между собой и с новыми единомышленниками, — такой ценоз выживает, притягивает к себе единоверцев и спонсоров, налаживает симбиоз с учениками и родителями, становится активной ячейкой возрождения общества и народа. Да откуда им еще-то возрождаться? Только из тех мест, где не упускают молодежь, а твердо намерены войти вместе с нею в XXI век!

Что можно посоветовать героям нового возрождения в нашем народном самообразовании? Только одно, самое простое: интенсивно учиться друг у друга и у детей и, не скупясь, дарить им и друг другу все внутреннее разнообразие своей личности. В самом деле, почему основателями новых удачных гимназий и лицеев в наши дни становятся, как правило, профессионалы-исследователи, а не профессионалы-педагоги? Почему среди основателей-ученых столь заметную долю составляют математики? Видимо, причина здесь одна: задумать и создать реальный «образовательный ценоз» легче тому, кто привык строить в уме столь же сложные *воображаемые* ценозы из научных универсалий. В этом ремесле «средний» исследователь, конечно, превосходит «среднего» школьного учителя — хотя бы потому, что учитель по долгу службы располагает лишь ограниченным зоопарком научных моделей, расширять который ему почти что запрещено. Напротив, исследователь обязан до тонкостей знать весь наличный зоопарк моделей в своей сфере и рядом с нею, должен уметь при нужде пополнить этот зоопарк новым зверьем, какого никто нигде не видывал. Вдобавок научный работник должен уметь изложить свои знания по любому предмету в собственноручно написанной книге или статье; учитель же обязан лишь читать чужие книги да пересказывать их в меру своего разумения.

Так не сводится ли весь кризис современной образовательной системы к кризису «стандартной модели» учителя? И не станет ли самым естественным — и потому наименее болезненным — выходом из этого кризиса прямая замена устаревшей модели учителя-диктора моделью учителя-исследователя, который тоже учит и воспитывает детей по образу и подобию своему? Почти как в Библии — с одной важной поправкой: Бог был изначально совершенен, а потому не нуждался в «работе над собою», чтобы не отстать от развития своего земного подобия. Мы же, к счастью, несовершенны и потому обязаны трудиться и размышлять, чтобы не отстать от развития наших учеников, нами же развиваемых. Но развитие не сводится к передаче отдельных знаний, умений или навыков. Главная его компонента — *самоусложнение* личности и коллектива личностей — передается только через подражание живому примеру, будь то нобелевский лауреат, олимпийский чемпион или самодеятельный коллектив педагогов-новаторов.

Все мы непрерывно подаем друг другу те или иные примеры своей деятельностью — рутинной или оригинальной. Но не все примеры оказываются заразительны, хотя ученикам важны только заразительные примеры, а остальное для них лишь фон, комфортный или утомительный. Яркие пятна на этом фоне наш замечательный историк и педагог Л. Н. Гумилев назвал «пассионарными» поступками. Физики и математики придали этому яркому термину строгий смысл — пассионарность есть действие, иными словами, мера *перехода* кинетической энергии в потенциальную. А применительно к людям это есть мера воплощения человеческих поступков в их устойчивые следы — «в пароходы, строчки и другие долгие дела».

Педагогика испокон веку учитывала с помощью разных оценок такие устойчивые *следы*, и только их, ибо сами пассионарные поступки учителей и учеников формальному расчету пока не поддаются. Да и ни к чему был бы такой расчет в административно-командной образовательной системе! Но каждый настоящий учитель знал и знает: именно двусторонний обмен пассионарными поступками (заразительными примерами) объеди-

Урок истории в условиях турпохода.

няет его с учениками в живой, самообучающийся коллектив. Пока он живет и кипит — его члены испытывают уйму положительных и отрицательных эмоций, но не ведают чувства разочарования.

Увы, научной теории создания и развития таких «образовательных консорциумов» пока нет. Но она, очевидно, понадобится, чтобы частные успехи и неудачи пионеров нашей «пассионарной педагогики» стали достоянием тысяч других учителей — талантливых и благонамеренных, но недостаточно отчаянных, чтобы самим, без приказа и примера, броситься со своими учениками в омут будущего.

Зажечь это молчаливое большинство можно лишь пассионарным примером — таким, который оставляет очевидные заманчивые следы: действующие гимназии и лицеи с особыми программами и учебниками, регулярные победы преподавателей и питомцев таких школ в разных научных и культурных состязаниях и, наконец, общедоступные учебные пособия, рожденные огнем сотрудничества учителей и учеников в образовательных консорциумах.

Почти все эти элементы новой образовательной системы есть уже сейчас, но пока рассеяны в редкой популяции пионеров-просветителей и потому не производят должного впечатления на посторонних. Пора объединять элементы пассионарной педагогики в новое убедительное целое. Сделать подобное могут только сами лидеры образовательных консорциумов в глубине своих творческих мастерских. Но для этого нужно овладеть своей пассионарностью в такой же мере, как владеют ею нобелевский лауреат, олимпийский чемпион или его тренер.

Сократ умел это делать; значит — смогут и наши современники, избавленные от многолетнего отбора на тихость и серость. Правда, афиняне избавились от Сократа, но тем самым они лишили свой город очередного поколения гениев, а через полвека потеряли и свою независимость. Ее «перехватил» Александр — «правнучатый ученик» Сократа, освоивший вместе со своими одноклассниками всю тогдашнюю ойкумену. Над этим вечным примером стоит поразмыслить... И о нынешнем состоянии российского образования, и о будущей судьбе российского народа...

АКТОВЫЙ ЗАЛ

Философ

Александр Пятигорский, русский философ, преподающий ныне философию в Лондонском университете, широко известен в довольно узком кругу наших интеллектуалов. Он вырос в одном из легендарных дворов Арбата («Были дворы художников, дворы графоманов, дворы насильников и хулиганов. Твой двор был — философский, что, конечно, никак не означало, что ваши ребята были — или потом стали — философами. Но у некоторых из них была одаренность отвлечения от своей (и чужой) жизни, впрочем, часто свойственная детям»). Смерть Сталина застала его студентом философского факультета МГУ. Недавно он вернулся к нам книгой: «Философия одного переулка», написанной и изданной в Лондоне на русском языке. Блестящей, тонкой, остроумной и щемящей книгой «из прошлого времени», из Москвы тридцатых — сороковых.

Именно такой блестящей, остроумной и глубокой — смыслы выстраиваются в несколько этажей — я представляю себе его лекцию о философии в нашем Лицее. Я выкраиваю эту лекцию из его книги и из нашего лондонского разговора, который, увы, не надеюсь скоро продолжить. Мы говорили именно о философии — ее языках, ее временах и смыслах. Впрочем, сам он скажет об этом лучше.

И. ПРУСС

Ответить на вопрос, «что такое заниматься философией?» мне как философу, живущему и жившему (человеком, а не философом) в определенное время, очень трудно. Декарт думал о занятии философией по-другому, и Кант думал об этом по-другому, чем думаем мы, и в какой-то мере по-другому, нежели думал Декарт.

Тем не менее в послекантовский период появилось совершенно новое ощущение бытия философа, жизни философа — не только как человека определенной профессии, но и как человека определенного направления ума. Это началось в значительной степени с Гегеля..

Думаю, то, что я сейчас скажу, будет гегельянством, сильно измененным, но все же гегельянством. Впрочем, тут нечего стыдиться: мы мало что выдумываем сами, мы повторяем прежде сказанное в другом контексте, и это правильно, если идея еще живет и применима к другому контексту. Так вот, я отвечаю на этот вопрос в несколько гегельянском смысле: быть философом — это не только осознавать свое бытие как историческое, но и осознавать историческое бытие как особый объект мышления. Это значит, что философ понимает свое мышление как реализующееся в определенном контексте. Только понимая это, он может отделить себя от контекста и быть философом. Человек, который живет в социально-культурном контексте, не осознавая этого, даже если он великий поэт, великий физик, великий музыкант, великий кто угодно, — не философ, потому что он реализует себя в этом контексте, не осознавая его, ибо он не отделяет себя от него в своем осознании. Он — как бы «объективный идиот», даже если ему случится быть талантом или гением... Философия предполагает определенное отношение к тексту. (И к самому себе, ведь ты тоже некоторым образом — текст.) Текст для философа есть то, что всегда содержит какое-то мышление, какое-то знание, и непременно — позитивное. Для философа не может быть дурного знания или вредного мышления, иначе он не философ. Если человек смеется, философ говорит: «Он смеется над своей обреченностью». Если плачет, философ скажет: «Он плачет над своим торжеством». Если говорит, ругает, проклинает кого-либо, философ заметит: «Он знает свою гибель». Философ наблюдает не жизнь, а жизнь сознания.

Всякое реальное философствование, как любил повторять Мераб Мамардашвили, есть думанье (рассуждение, писание и так далее) о сознании, и как таковое не имеет ни начала, ни конца, всегда являясь продолжением. Продолжение понимается здесь как включение индивидуального сознания в такие условия обыкновенной (то есть социальной, исторической) жизни, в которых становится возможным понимание индивидуальным сознанием самого себя как сознания, а жизни — как не-сознания.

Гений может достичь этого понимания — если захочет, конечно, — и без включения в такие условия. Обыкновенный же человек — даже очень талантливый — не может. Только «включившись», он окажется в состоянии сделать выбор — философствовать или жить. Сам этот выбор может быть либо сознательным, либо просто случиться. Но, так или иначе, если ты уже выбрал философствование, то дороги назад, в нормальную жизнь, нет. И если ты попытаешься вернуться, то найдешь не жизнь, а то, что гораздо ниже и хуже жизни, и это будет гибелью тебя, который выбрал.

Отчего некоторые люди делают именно такой выбор?

По-моему, ответ очень простой. Захотелось сделать осознание своей основной работой — это такое же желание, как захотеть стать музыкантом, или художником, или писателем. Я думаю, ни одна другая профессия (может быть, только отчасти профессия историка) не требует такого самосознания и такого разделения, но тем не менее я снова повторяю: это вопрос желания.

Я не думаю, что люди, которые хотели философствовать, тратили много энергии на то, чтобы начать это делать. Гораздо труднее продолжать. Я думаю, это просто эмоция, которая двигает человека к самосознанию. И думаю, что людей, у которых такая эмоция возникает, не так уж мало.

Но здесь есть одна очень большая грудность — необходимость пользовать-

ся каким-то языком. Когда мы говорим «философская традиция, школа», мы имеем в виду прежде всего определенный язык. Философия имеет несколько языков, мы все до сих пор пользуемся либо гегелевским, соответственно марксистским (что почти то же самое), либо кантовским языком, которым в свое время пользовался Гегель. Кантовский язык всегда был ближе к языку естественной науки. А гегелевский — ближе к истории.

Главным объектом и для Гегеля, и для Маркса была история. У основателя новоевропейской философии Декарта этого не было и не могло быть, потому что его метод в принципе исходил из абсолютности и окончательности творения человека, который уже сотворен разумным и обладающим, по крайней мере, потенциалом знания. Идеи филогенеза мышления у Декарта не было, а если и была, то для него она была неважной. Соответственно, его не могла интересовать история. Сам факт, что Декарт стоял на пороге новой Европы, лично принимал участие в первой мировой войне в истории человечества — в Тридцатилетней войне в Германии, — никогда не был для него объектом философствования. Что невозможно для Маркса, для которого какая-то революция сорок восьмого года уже стала объектом философствования. А Гегелю вступление французских войск в Йену дало гигантский импульс к философствованию.

Декарта и Гегеля как бы разделяет переход от латинской, в каком-то смысле совершенно космополитической Европы к Европе исторической, осознавшей себя как историческое единство. То принципиально другое, что внес Гегель в философствование, — это включение в него истории не просто как объекта философствования, но как того идеального места, в котором философствование происходит. История — это в каком-то смысле место мышления. Любой греческий философ сказал бы, что все равно, где мыслить, но для Гегеля история была целостным объектом философствования.

Почему это так, легко понять из гегелевской системы, из «Феноменологии духа». История здесь фигурирует как некоторый аналог философствования, но не наоборот. Философия сама по себе неисторична, это история делается философичной. История как идея развития и идея развития идеи, все остальное как бы сопровождает идею, но оно, разумеется, должно быть историческим в силу этой первичной предпосылки исторического движения, а не вообще движения.

Отсюда марксистская, она же гегелевская, идея единства логического (от «логос») и исторического. До Гегеля история не имела значения объекта философии.

Думаю, в философии присутствует еще и третий язык, а может быть, и четвертый, и пятый. Третий, конечно, язык индивидуалистической и романтической философии — язык Ницше, отчасти Шопенгауэра, язык Хартмана. Можно, наверное, найти четвертый и пятый языки, но их не так много.

Что значит «двигаться в определенном языке»? Употребляя термины определенного языка, осознавать, что их употребляешь, и понимать те последствия, которые могут вытекать из употребления этого языка в процессе твоей жизни, мышления. Иного движения в языке нет.

Интересно: советский марксизм двадцатых-тридцатых годов был ярким случаем «недвижения» в языке. Люди в нем не двигались, они просто называли любые новые объекты, попадавшиеся в поле их мышления, тем или иным термином. Гегель, как бы органический основатель марксизма, — конечно, этого никогда бы не разрешил.

Но должен сказать, предпосылки этому имелись и у самого Маркса. Сейчас есть тенденция считать, что советский марксизм есть искажение марксизма. С моей точки зрения, это чушь, советский марксизм есть именно абсолютно последовательный и правильный марксизм. Более того, я считаю, что Сталин был не извратителем марксизма, а, наоборот, идеальным марксистом. И опять-таки он был идеальным образцом «недвижения» в языке, но повторяю: первым примером этого был сам Маркс. Уже в его работах мы видим остановку этого движения. Примечательно, что в более исторических работах Маркса такого нет, скорее, эту остановку мы можем видеть в его критических работах, кстати, достаточно интересных. Скажем, в работах, опубликованных потом как «Немецкая идеология» и «Святое семейство».

Я думаю, в основе этого недвижения лежит воспринятая из гегелевского языка марксовская идея о единстве логического и исторического. В приложении к конкретной исторической действительности эта идея совершенно абсурдна. Любой исторический феномен автоматически переводится на логический язык гегелевской философии. В этом-то и есть, если хотите, главный недостаток марксизма как философии.

Марксизм — удивительный случай универсализации, универсального применения гегелевского языка. А язык советского марксизма — это язык универсального применения марксовского употребления гегелевского языка. В этом смысле Сталин был не только идеальным марксистом, но и чрезвычайно верным ленинцем. Сталин усвоил сверхчеткие ленинские формулировки. Ленинский язык удивителен по невероятной резкости формулировок. На самом-то деле они все равно те же, но я говорю о стиле философии. Мы очень часто забываем о том, какую огромную роль играет в философии стиль.

Стиль — это не только язык. Я думаю, из многих «природных философов», которых мы не знаем, никогда не получится философов, потому что у них нет стиля, нет своей экспрессии, они никогда не создадут оригинального философского текста на уже известном и неоригинальном философском языке. Один философ гегельянского или кантианского направления отличается от другого стилем, как бы неповторимым для каждого индивида. У марксизма же оказались совершенно ничтожные ресурсы стилистического разнообразия.

Наш разговор о языке философии — уже шаг к метаосознанию. Наиболее интересные и творческие работы были сделаны именно в философии анализа языка и в других разновидностях лингвистической философии. Я об этом говорю вдобавок как человек, испорченный индийской философией.

С точки зрения индийской традиции, язык, сама материя языка является тем, что отрицает философия. Мы вынуждены пользоваться языком для выражения относительных истин, потому что истина абсолютная в языке быть выражена не может. Язык как бы считается препятствием к философии. Скажем, даже высшая буддистская истина, поскольку она высказана в языке, не высшая, с одной стороны, как бы истина второго разряда. А с другой — совершенно все равно, на каком языке истина выражается, если это истина, что уже вытекает из первого. Потому теория языка была слабо развита в этих философиях, и когда над ней все-таки работали, она оставалась чем-то очень второстепенным.

Язык — очень благодарная философская материя, но до поры до времени. В языке тоже доходишь до каких-то пределов, когда становится ясно, что изучение, исследование, систематизация языка обыденной жизни не может дать ответа на очень многие философские вопросы. Повышенный интерес к языку совпал с развитием психологии — экспериментальной и теоретической — в Европе в XX веке. В каком-то смысле это лингвистическое направление философии пыталось ликвидировать феноменологию. Оно было обращено не столько против Гегеля, сколько против Канта и неокантианства — против сознания как объекта философствования. Язык вместо сознания, поскольку сознание — в языке. Я думаю, что сейчас мы присутствуем при кризисе этого подхода, этой установки.

Но вернемся к началу. Первоначальный вопрос был очень прост: «Что такое быть философом?» Как бы на это ответил Декарт?

Я думаю, что «быть философом» для Декарта значило прежде всего ясное осознание своего общечеловеческого положения как мыслящего существа, способного к знанию, во-первых, и, во-вторых (а на самом деле во-первых), выработка и владение методом этого знания. Для него значение творения было абсолютно, человек уже сотворен, и он уже мыслит, и, более того, он уже может мыслить очень хорошо. Но что ему мешает? Не отсутствие способности к мышлению, ибо Господь создал всех с этой способностью, а отсутствие или недостаток метода. Кстати, замечательно: Декарт говорил, что никогда не считал свой метод наилучшим, всего лишь — подходящим, приличным. Этот метод его устраивал, а значит — он может устроить и других людей, в распоряжении которых сейчас вообще нет метода.

Что значит в этом смысле учение философии? Человек, способный к мышлению, приходит к философу, чтобы учиться методу. Но если у ученика есть лучший метод, то Декарт немедленно готов с удовольствием стать его учеником. Я сейчас не говорю о всей философии Декарта, это только одна сторона, одна грань этой философии, но другие вещи не имеют отношения к нашему вопросу, «кто такой философ?».

Я уверен, что ответ на вопрос «кто такой философ?» очень историчен. Точнее, значение слова «философ» практи-

чески менялось в историческом контексте. Не знаю, можно ли это связывать однозначно с той исторической ситуацией, в которой люди отвечали бы на этот вопрос, но отвечали бы они явно по-разному. Один очень оригинальный протестантский мыслитель XVII века писал, что для него философом является человек, который понимает глобальную неудачу реформации. С его точки зрения, реформация церкви Лютером и Кальвином не удалась. Для понимания этого необходимо быть философом, и без понимания этого философом быть нельзя. Разумеется, сейчас так никто не скажет. Более того, написавший «Протестантскую этику» Вебер себя философом не считает, и я его не считаю философом, хотя он, конечно, замечательный мыслитель. Здесь мы имеем дело с прагматическими оценками и самооценками.

А индийский философ IV—V веков нашей эры мог бы сказать, что философ — это человек, который понимает, что никакое событие, никакое явление феноменального мира, включая его собственную философию, не имеют решительно никакого значения, с чем я готов согласиться. Но я, пожалуй, не стал бы утверждать, что это и есть определение философа, в то время как для многих индийских школ середины I тысячелетия нашей эры это вполне могло бы сойти за такое определение.

Итак, определять философа можно по-разному. И определяли по-разному. Но во все времена быть философом означало не просто особый способ работы или особый способ мышления, но особый способ существования.

Профессор Лондонского университета Александр Пятигорский закончил свою лекцию для нас.
Теперь, как водится, ответы на вопросы из зала.

— *Как вы относитесь к русской философии?*

— Русский философ непрерывно анализирует прошлое, но делает это с таким чувством, как будто он (и его друзья) натворил в этом прошлом что-то ужасное и ожидает за это не менее ужасной кары в настоящем или ближайшем будущем. А если этот обобщенный русский философ еще и «религиозный», то сама эта кара мыслится им не иначе, как коллективная («Ох, уж нам за это достанется!» или «Плохо нам с тобой придется!»). Божий промысел мыслится им в терминах «массового производства». Но хуже всего, когда русский философ пытается перейти от прошлого к будущему, то есть пытается разобраться в «субъективной каше» настоящего. Тут он сразу становится прагматиком и социальным активистом. Ты ему: «Да разберись хоть немного, что к чему». А он тебе вдруг: «Сейчас действовать надо, а не думать». «Да ты же философ! — начинаешь его уговаривать. — Кто ж думать-то будет?» Ну а он тогда с полной уверенностью: «**Они** будут, а мы — у них учиться!» Возьмите «веховцев» — какие чудные, талантливые были люди, а в коллективное совершенствование тоже все-таки верили. Отчего? Да оттого, что Россию они видели всегда как бы в двух коллективных манифестациях: снизу — темная народная стихия; сверху — испорченное, больное «общество». Но это же методологический абсурд! Но он и стал реальностью, потому что никто не думал, как он это думает.

Французские экзистенциалисты в качестве философов прямо противоположны русскому философу по типу ошибки. Они слишком ясно видят невыносимость существования (причина) и неизбежность выбора (следствие). Мысль, что их самих кто-нибудь убьет, еще до того, как они успеют об этом подумать, ими не анализируется. В этом есть какое-то «философское якобинство», соединенное с удивительной поверхностностью. Выбор у них полностью оторван от судьбы, а мышление о прошлом — от их настоящего.

— *Вы учились на философском факультете в Москве в сороковые — пятидесятые годы. Тогда трудно было быть философом?*

— Не думаю, чтобы труднее, чем в любой другой ситуации в любое другое время. Была, правда, одна специфическая сложность. Философствование прежнего советского периода — очень интимное дело, что в конечном счете философии очень мешает. Выживали и философствовали в такой интимной группе. Появлялась какая-то внутренняя ориентация на единодушие, на полное свойство, что создает ощущение группового мышления: но когда несколько человек мыслят одинаково, то философу там делать нечего. Философ — человек, который мыслит сам.

Конечно, остается потребность «опробовать» свою идею, артикулировать ее, как любил говорить Мераб Мамардашвили, мысль должна к тебе вернуться, потому что если она не вернется, она уходит в бесконечность и не существует как мысль. Я с этим согласен, но у каждого философа есть свой предел социальности. Я думаю, для того, кто по натуре философ — неважно, плохой, хороший или средний, философ по желанию, по интенции, — существует определенный максимум социальности, за пределом которого он может погибнуть как философ — от порицаний так же, как и от похвал.

Мне кажется, двадцатилетие — с середины тридцатых до середины пятидесятых годов — было чрезвычайно важным для индивидуального сознания, по крайней мере моего. Человек, который не осознал свою жизнь, не может называться философом. Одна из задач философа — уничтожение собственной биографии. Но для этого он должен ее осознать и очень хорошо знать, потому что если мы отбрасываем что-то, не зная, то мы погибаем. Осознание равносильно уничтожению, потому что человек, философствование которого мотивировано его мышлением о собственной жизни во времени, вообще не может заниматься философией. Он всегда будет ввергнут в себя, он может быть писателем — хорошим или плохим, поэтом, историком в какой-то мере, но не философом. Один из отрицательных смыслов философии — полное пренебрежение к своей собственной истории.

Мрачные тридцатые — сороковые годы, в которые мы складывались и как будущие философы, и просто как люди, в каком-то смысле способствовали философствованию. Но только одной ценой — полного отказа философствующего выполнять какую бы то ни было общественную функцию или случайно, силою обстоятельств будучи отстраненным от функции. Иногда судьба тебе помогает. Один мой очень хороший приятель был убежден, что не способен к языкам. Его посадили в тюрьму, и там он выучил шесть языков; делать было нечего — он два года сидел в одиночке. Он говорит: «Боже, как я могу не быть благодарным судьбе, что она меня на два года засадила в тюрьму!»

Но все-таки мы не можем говорить, что страна и время способствовали развитию философии путем уничтожения людей.

Пойти на отказ от функционирования в это время было чрезвычайно сложно, почти невозможно. Поэтому чаще всего это случалось с детьми, на которых еще не наложена социальная функция. Насколько я помню свою юность, много окружавших меня детей сразу же включались в некую деятельность. Дело далеко не в политических требованиях режима. Страна мотивировала детей московских и ленинградских интеллигентов на какие-то сверхъестественные достижения: должен быть отличником, великим ученым, великим музыкантом. Но реализация этих ожиданий обычно делала из людей полных человеческих идиотов. Они действительно получали первые премии на всех конкурсах, но поговорили бы вы с этими людьми сейчас — они, за редчайшим исключением, представились бы как полные уроды.

А философствовали среди детей те, кто был просто полным бездельником. Сейчас-то, я думаю, заслуга молодого человека в современной России — что-то делать в обстановке всеобщего неделанья. Но тогда была обстановка всеобщего направленного деланья. Само безделье очень двусмысленно. Безделье создает объективные и субъективные условия для мышления, но за это сразу приходилось расплачиваться, например бедностью. Человеку приходилось дорого платить за отказ от социальной функции, но философу это ничего не стоит и ребенку тоже, поэтому в ребенке, — может, не в каждом, но очень во многих — есть философская потенция.

В подготовке материала
к публикации участвовала
М. БОРЩЕВА

Ю. Данилов

На далеких Гёделевых островах

Вижу, но не верю

Эти слова одного из создателей современной теории множеств Георга Кантора как нельзя лучше выражают те сложные чувства, которые неизбежно охватывают при прочтении книги Рэймонда Смаллиана с несколько элегическим названием «Навсегда недоказуемое» и совершенно неожиданным подзаголовком «Введение в теорию Гёделя в занимательных задачах-головоломках».

И все же такая невероятная книга существует и предоставляет каждому, кто только пожелает, уникальную возможность, играя, войти в круг проблем самой что ни на есть фундаментальной науки по самому что ни на есть «царскому пути» — тому самому, существование которого отрицали древние мудрецы.

Курт Гёдель и его теорема о неполноте

За свой земной век выдающийся математик, логик и философ современности Курт Гёдель (28 апреля 1906 года — 14 января 1978 года) был свидетелем многих событий, больших и малых, незаметных и потрясших мир, наложивших отпечаток на его личную судьбу и прошедших бесследно, но главным источником радостей и разочарований для него всегда была скрытая от постороннего наблюдателя внутренняя жизнь, напряженная работа мысли. Его жизненный путь запечатлен в списке научных трудов, насчитывающих менее трех десятков работ, среди которых нет ни одной незначительной, «проходной», неудачной, как нет слабых или неудачных произведений в наследии Иоганна Себастьяна Баха.

Все работы Курта Гёделя отличает единство стиля их автора: богатство идей, четкая постановка задачи, сдержанность изложения (не идущая в ущерб ясности), оригинальность подхода к решению и глубина результатов. Все работы Курта Гёделя отмечены независимостью мысли, ее неподвластностью даже самым признанным авторитетам.

Свой наиболее значительный результат — знаменитую теорему о неполноте — Курт Гёдель опубликовал в 1931 году в статье «О формально неразрешимых предложениях «Principia Mathematica» и родственных систем», которая сразу привлекла внимание ученого мира.

Полученный Гёделем результат был неожидан и носил даже несколько сенсационный характер: по существу он означал невыполнимость намеченной великим Давидом Гильбертом (1862—1943) грандиозной программы доказательства непротиворечивости классической математики.

Дело в том, что, вопреки широко распространенному мнению о незыблемости («раз и навсегда доказанности») математических истин, понятие математической строгости исторично, то есть изменяется от эпохи к эпохе. В конце XIX — начале XX века обнаружилась ненадежность некоторых традиционных математических рассуждений. В фундаменте величественного здания классической математики появились трещины: в развитой Георгом Кантором (1845—1918) теории множеств были обнаружены противоречия, или антиномии. Возникла угроза появления противоречий и на более высоких этажах математического здания.

Чтобы отмести всякие подозрения в самой возможности возникновения столь нежелательной ситуации, Гильберт предложил формализовать математику, то есть выводить все математические теоремы из некоторого набора аксиом с помощью заданного набора правил вывода и доказывать непротиворечивость уже формализованной математики.

Результат Гёделя показал неосуществимость программы Гильберта: всякая непротиворечивая формализация арифметики или более широкой математической теории неполна в том смысле, что найдется некоторое истинное арифметическое предложение (теорема), которое в рамках рассматриваемой формальной системы нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Сам Гёдель сформулировал суть своего открытия следующим образом:

«Развитие математики в направлении все увеличивающейся строгости привело, как известно, к формализации многих ее частей, так что стало возможным доказывать теоремы, не пользуясь ничем, кроме нескольких математических правил. Наиболее широкие формальные системы, построенные к настоящему времени, — это, с одной стороны, система Principia Mathematica (Норта Уайтхеда и Бертрана Рассела) и, с другой — система аксиом Цермело — Френкеля для теории множеств (развитая в дальнейшем Джоном фон Нейманом). Обе эти системы настолько широки, что все методы доказательства, применяемые ныне в математике, в них формализованы, то есть сведены к небольшому числу аксиом и правил вывода. Поэтому можно предположить, что этих аксиом и правил вывода окажется достаточно, чтобы получить ответ на любой математический вопрос, который вообще может быть формально выражен в этих системах. Ниже будет показано, что это не так, что, наоборот, в обеих упомянутых системах имеются проблемы, даже относительно простые, относящиеся к теории обычных целых чисел, которые нельзя решить, исходя из аксиом. Это обстоятельство не связано с какой-то специфической природой этих систем, напротив, оно имеет силу для очень широкого класса формальных систем, к которым, в частности, принадлежат все системы, получающиеся из упомянутых двух посредством присоединения к ним конечного числа аксиом, если только это присоединение не приводит к тому, что доказуемым становится какое-либо ложное предложение» (перевод Б. В. Бирюкова).

Строго говоря, знаменитая теорема Гёделя о неполноте — не более чем условный оборот речи, собирательное название двух теорем о неполноте, доказанных Гёделем и различаемых по номерам (соответственно, первая и вторая). Первая теорема о неполноте утверждает, что если формальная система арифметики (в действительности, любая формальная система, *начиная* с арифметики, или *содержащая* арифметику) непротиворечива, то в ней найдется формально неразрешимое предложение. Вторая теорема Гёделя о неполноте утверждает, что в качестве этого предложения можно выбрать предложение, выражающее непротиворечивость формальной арифметики (и любой более богатой, то есть содержащей арифметику) формальной системы.

Предложенное Гёделем доказательство под стать знаменитому результату: и сейчас, по прошествии более полувека, став хрестоматийным, признанным шедевром современной математической мысли, гёделевские идеи не утратили своей свежести и не только внушают почтительный трепет, но и поражают своей глубиной и оригинальностью. Соображения человеколюбия не позволяют нам обрушивать на читателя даже красивейшие детали доказательства, оценить которые по достоинству могут лишь специалисты, и вместо подробной стенограммы, или конспекта, гёделевского доказательства мы попытаемся воспроизвести лишь его движущие пружины, его драматургию.

Перенумеровав особым образом все основные символы и переменные своей формальной системы (такая нумерация впоследствии получила название *геделевской*, или *гёделизации*), Гёдель получает возможность записывать любые *метаарифметические* высказывания (то есть надарифметические, или высказывания об арифметических соотношениях между гёделевскими номерами участвующих в этих высказываниях «строительных блоков», или «кирпичей», — арифметических соотношений, формул и чисел). Иначе говоря, гёделевская нумерация позволила осуществить переход от Чеширского Кота к его улыбке, от арифметических объектов «во плоти» к их бестелесным теням — гёделевским номерам, от доказательств, излагаемых на обычном — живом или мертвом — языке с присущей ему неоднозначностью, — к не допускающим инотолкования формулам, связывающим соответствующие гёделевские номера.

Затем наступает, пожалуй, самый волнующий момент доказательства (первой теоремы о неполноте): Гёдель предъявляет формулу, которая после *дегёделизации* — дешифровки, или возвращения от формулы, связывающей гёделевские номера, к полнокровному метаарифметическому высказыванию, означает метавысказывание о *собственной недока-*

зуемости, то есть гласит: «Я недоказуема».

Предположим, что формула эта доказуема. Тогда, если рассматриваемая формальная система *непротиворечива*, то есть все доказуемые в ней формулы истинны (мы не вдаемся сейчас в выяснение того, как надлежит понимать здесь истинность — содержательно или абстрактно-логически), и наша формула не может быть доказуемой. Ведь если бы она была доказуема, то содержащееся в ней утверждение «Я недоказуема» должно было бы быть истинным, или, иначе говоря, наша формула была бы недоказуемой.

Но наша формула не только недоказуема, но и *неопровержима*, то есть ее отрицание также недоказуемо.

Итак, Гёдель доказал, что в рассматриваемой им формальной системе существует формула, которую в рамках этой системы нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Такие формулы в логике принято называть неразрешимыми. А существование в формальной системе неразрешимой формулы — свидетельство *неполноты* системы.

Не поможет делу, если мы попытаемся присоединить построенную истинную, но не доказуемую в данной формальной системе формулу в качестве новой аксиомы. В расширенной формальной системе найдется своя неразрешимая формула, что также будет свидетельствовать о ее неполноте.

Внимательный читатель, должно быть, обратил внимание на то, что первая теорема Гёделя о неполноте, как и все математические теоремы, формулируется в виде условного суждения: «Если формальная система, достаточно богатая, чтобы содержать аксиомы арифметики, непротиворечива, то...» Таким образом, истинность заключения зависит от истинности условия теоремы. Позволительно поэтому спросить: а что если формальная система противоречива? Тогда в ней можно доказывать *что угодно* — наряду с высказыванием отрицание высказывания. В противоречивой форме доказуема не только гёделевская формула, гласящая «Я недоказуема», но ее отрицание.

А как обстоит дело с непротиворечивостью арифметики (и содержащих ее более широких формальных систем)? Опираясь на весь предшествующий опыт развития своей науки, математики *надеются*, чтобы не сказать *веруют*, что их наука непротиворечива и что возможное противоречие, буде оно обнаружится, удастся исправить сравнительно легко или, по крайней мере, без больших потерь. Нельзя ли надежду математиков на благоприятный (необнаружение противоречия) исход последующего развития их науки превратить хотя бы в некоторое подобие уверенности?

Ответ на этот вопрос дает вторая теорема Гёделя о неполноте: если формальная арифметика непротиворечива, то ее непротиворечивость нельзя доказать средствами, формализуемыми в ней самой. А именно эти средства Гильберт назвал *финитными* и возлагал на них столько надежд!

Теорема Гёделя о неполноте (на сей раз — объединенная, или двуединая, теорема) указала — впервые в истории человечества! — на неуниверсальность дедуктивного метода познания. Правда, жесткость вынесенного ею приговора смягчилась важной деталью, часто упускаемой из виду многочисленными толкователями теоремы: она трактует не об ограниченности дедуктивного вывода вообще, а об ограниченности дедуктивного вывода *финитными* средствами, а это — далеко не одно и то же.

В 1936 году появились работы логиков Алонзо Черча и Алана Тьюринга, которые показали, что существуют проблемы, неразрешимые не только в смысле Гёделя, то есть в рамках данной формальной системы, но и в более глубоком смысле, для которых нет конечных алгоритмов, то есть процедур, разрешающих эти проблемы за конечное число шагов.

Появилось немало различных доказательств теоремы Гёделя и связанных с ней результатов Черча и Тьюринга. Но ни одно из них по оригинальности, красоте и легкости усвоения не может сравниться с доказательством, предложенным Рэймондом Смаллианом.

Рэймонд Смаллиан и его доказательство теоремы Гёделя

Рэймонд Смаллиан (родился в 1919 году) обладает счастливым даром превращать в замечательную логическую головоломку буквально все, на чем останавливается его взор. Он подмечает ошибки и парадоксы в повседневно встречающихся рассуждениях и пользуется заслуженной славой человека, способного доказать, что «либо он не существует, либо вы не существуете, но кто именно существует, вам не известно».

Вам, конечно, не терпится узнать, как Смаллиан доказывает теорему Гёделя? Очень просто! Он отправляет читателя на воображаемый Гёделев остров, населенный только рыцарями, изрекающими истинные суждения, и лжецами, говорящими одну лишь ложь. Рыцарь, доказавший, что он рыцарь, называется признанным рыцарем. Лжец, доказавший, что он лжец, называется отъявленным лжецом. Островитяне состоят членами клубов. Известно, что выполняются следующие четыре условия.

1. Все признанные рыцари состоят членами одного клуба.
2. Все отъявленные лжецы состоят членами одного клуба.
3. Все островитяне, не состоящие членами клуба С, состоят в одном клубе. Этот клуб называется дополнением клуба С.
4. Для любого клуба С существует, по крайней мере, один островитянин, который утверждает, что он состоит членом клуба С.

Легко и просто, в какие-нибудь три пассажа Смаллиан показывает, что на острове существует, по крайней мере, один непризнанный рыцарь и один неотъявленный лжец. Если рассматривать рыцарей как истинные утверждения, признанных рыцарей — как доказуемые истинные утверждения, лжецов — как ложные утверждения и отъявленных лжецов — как доказуемые ложные утверждения, то результаты, полученные Смаллианом, соответствуют результатам Гёделя. Еще три фразы — и Смаллиан приходит к теореме Альфреда Тарского о том, что ни все лжецы, ни все рыцари не состоят членами одного клуба.

Слов нет, нарядный, игровой и совершенно необременительный маршрут к Гёделевым островам, проложенный Смаллианом на страницах книги «Как же называется эта книга?», неправдоподобно прекрасен и сулит каждому немало радости. Но к книге «Навсегда неразрешимые» он относится так же, как кроки маршрута или беглые путевые заметки к подробной карте или обстоятельному отчету о путешествии, или как излюбленные Сергеем Прокофьевым сюиты, призванные приучить слух к непривычным оркестровым краскам и новой музыке, к полному музыкальному тексту его крупных произведений.

В хитро расставленные автором сети вы попадаете сразу, как только раскроете книгу, попадаете окончательно и бесповоротно. Вы утрачиваете свободу, вас направляют, с вами ведут нескончаемый сократовский диалог, а вы, забыв обо всем, блаженствуете.

Вот как начинается необычная книга Смаллиана (глава «Дьявольская головоломка»).

«Думаю, что следующая головоломка вполне может быть названа самой дьявольской из когда-либо изобретенных головоломок (и если это действительно так, я с гордостью заявляю о том, что придумал ее сам).

Каждый из двух людей А и В делает предложение, которое приводится ниже. Задача состоит в том, чтобы определить, чье предложение лучше.

Предложение А. Вы высказываете некоторое утверждение. Если оно истинное, то вы получаете ровно 10 долларов. Если оно ложно, то вы получаете либо меньше 10 долларов, либо больше 10 долларов, но не ровно 10 долларов.

Предложение В. Вы высказываете некоторое утверждение. И независимо от того, истинно оно или ложно, вы получаете больше 10 долларов.

Какому из этих двух предложений вы бы отдали предпочтение? Большинство людей склонны думать, что предложение В лучше, так как оно *гарантирует* получение более 10 долларов, в то время как предложение А не позволяет с уверенностью надеяться на выигрыш более 10 долларов. Действительно, предложение В *кажется* лучше, но видимость обманчива. Поясню свою мысль. Я со своей стороны предлагаю: если кто-нибудь из вас намеревается сделать мне предложение А, то я плачу вам заранее 20 долларов. Есть желающие сыграть? (Настоятельно рекомендую не вступать в игру со мной, не дочитав эту главу до конца.)

Прежде чем я поведаю вам, как решается дьявольская головоломка, рассмотрим несколько более простых задач, тесно связанных с ней.

В моей книге «Пересмеять пересмешника» приведена следующая задача-головоломка. «Предположим, я предлагаю два приза — приз 1 и приз 2. Вы высказываете суждение. Если ваше суждение истинно, то я должен наградить вас одним из призов (не говоря заранее, каким именно). Если ваше суждение ложно, то вы приз не получаете. Ясно, что вы можете гарантировать себе получение одного из двух призов, высказав утверждение «Два плюс два — четыре». Предположим, однако, что вам по каким-то причинам нравится приз 1. Ка-

кое утверждение могло бы гарантировать вам получение приза 1?»

Предложенное мною решение состояло в следующем. Вы произносите утверждение «Вы не дадите мне приз 2». Если это утверждение ложно, то, что в нем говорится, не может быть истинным, а это означает, что я дам вам приз 2. Но я не могу вручить вам приз 2 за ложное утверждение, поэтому ваше утверждение не может быть ложным. Следовательно, оно должно быть истинным. А поскольку оно истинно, то, о чем в нем говорится, истинно. А это означает, что вы не получите приз 2. Но поскольку ваше утверждение было истинным, я должен вручить вам один из двух призов. А так как вручаемый вам приз не может быть призом 2, он должен быть призом 1.

Как мы увидим вскоре, эта нехитрая головоломка тесно связана со знаменитой теоремой Гёделя о неполноте. Чтобы понять, как именно, рассмотрим аналогичную головоломку (в действительности ту же самую задачу в других одеждах), отправимся на остров рыцарей и лжецов (играющих в этой книге весьма важную роль), каждый обитатель которого либо рыцарь, либо лжец. Рыцари на этом острове говорят только правду, а лжецы всегда лгут.

Предположим, что на этом острове имеются два клуба — клуб I и клуб II. Быть членами любого из двух клубов дозволяется только рыцарям; лжецам строго-настрого заказано членство в клубах. Каждый рыцарь состоит в одном и только одном из двух клубов. Вы прибываете на остров и встречаете незнакомого аборигена, который высказывает некоторое суждение. По нему-то, этому суждению, вы можете заключить, что встреченный вами островитянин должен состоять членом клуба I. Какое утверждение *он* должен для этого сделать?

По аналогии с рассмотренной выше головоломкой встреченный вами островитянин мог произнести: «Я не состою членом клуба II». Если бы он был лжецом, то он действительно не мог бы быть членом клуба II и высказал бы истинное суждение, чего не может сделать ни один лжец. Следовательно, он должен быть рыцарем, и его утверждение должно быть истинным. Он действительно не состоит членом клуба II. Но поскольку он рыцарь, то должен состоять членом какого-нибудь клуба, поэтому он член клуба I.

Аналогия вполне очевидна. Клуб I соответствует тем, кто высказывает истинные утверждения и получает приз 1; клуб II — тем, кто высказывает истинные утверждения и получает приз 2.

Эти задачи-головоломки воплощают в себе важную идею, лежащую в основе знаменитой теоремы Гёделя о недоказуемости в данной математической системе. Предположим, что мы разбили все истинные утверждения данной системы на две группы (как рыцарей в приведенной выше головоломке). Группа I состоит из всех утверждений системы, которые, хотя и истинны, но не доказуемы в системе. Группа II состоит из всех утверждений, которые не только истинны, но и доказуемы в системе. Суть того, что сделал Гёдель, сводится к следующему: он построил утверждение, которое заявляет о своей принадлежности к группе II. Его можно перефразировать как утверждение «я не доказуемо в системе». Если бы оно было ложным, то, что в нем говорится, не могло бы быть истинным. Но тогда оно было бы доказуемо в системе, что невозможно (поскольку все утверждения в системе истинны). Следовательно, это утверждение должно быть истинным и, как оно и говорит само о себе, не доказуемым в системе. Таким образом, утверждение Гёделя истинно, но не доказуемо в системе.

В книге мы еще не раз вернемся к утверждениям Гёделя, а пока я хочу привести еще несколько вариантов головоломки с призами.

1. Первый вариант

Я снова предлагаю два приза — приз 1 и приз 2. Если вы высказываете истинное утверждение, то я вручаю вам по крайней мере один из двух призов, а возможно, и оба. Если вы высказываете ложное утверждение, то не получаете никакого приза. Предположим, что вы вознамерились получить оба приза. Какое утверждение вам необходимо для этого высказать?

2. Второй вариант

На этот раз правила слегка изменяются. Если вы высказываете истинное суждение, то получаете приз 2. Если вы высказываете ложное суждение, то не получаете приз 2 (но можете получить или не получить приз 1). Какое суждение гарантирует вам получение приза 1?

3. Извращенный вариант

Предположим, что, находясь в отвратительном настроении, я сообщаю вам, что если вы выскажете ложное утверждение, то получите один из двух призов, а если выскажете истинное утверждение, то не получите никакого приза. Какое утверждение гарантирует вам получение приза 1?

4. Еще о дьявольской головоломке

Вернемся теперь к головоломке, которой открылась эта глава: что дьявольского было в моем предложении заплатить вам 20 долларов за то, что вы сделаете мне предложение А? Хотите знать? Дело в том, что если бы вы сделали мне это предложение, то я мог бы получить с вас сколько угодно денег, хоть миллион долларов. Можете ли вы сказать, каким образом?

Вы, конечно, хотите знать, что ожидает читателей книги Смаллиана дальше? Они познакомятся с симпатичным сборщиком налогов мистером Мак-Претором, отправятся на поиски прекрасной женщины-птицы по имени Уна, побывают в Марсианско-Венерианском клубе на спутнике Юпитера Ганимеде и примут участие во множестве удивительнейших и необыкновенных приключений, которые в конце концов приведут их не только к доказательству теоремы Гёделя о неполноте, но и познакомят с другими тонкими теоремами современной математической логики. За их будущее не приходится опасаться. Я завидую им, как неизменно завидую самому себе, когда мне в руки попадает любая из замечательных книг Рэймонда Смаллиана.

ЛАБОРАТОРИЯ КОНКРЕТНОГО ПОИСКА

М. Беркенблит

Размышления о биологических задачах

Что это значит — «владеть материалом»?

Семнадцать лет назад во Всесоюзной заочной математической школе АПН СССР при МГУ (ВЗМШ) было создано биологическое отделение.

Поступившим туда школьникам посылались небольшие пособия для проработки материала и контрольные задания. Последние состояли из нескольких задач, для решения которых требовалось хорошо разобраться в теоретическом материале пособия. Курс заочной биологической школы начинался с генетики и в первом задании давались генетические задачи. Время от времени заочная школа проводит анкетирование школьников для выяснения разных вопросов. В одной из анкет мы спросили: «Вызывает ли у Вас трудности решение задач по генетике?». Многие ответили на редкость единодушно. Оказалось, им было не столько трудно решать сами задачи, сколько смириться с мыслью, что в биологии могут быть задачи, требующие размышлений или вычислений. После того, как удалось преодолеть этот психологический барьер, само решение генетических задач особых трудностей уже не вызывало.

И действительно, место задач в преподавании разных дисциплин (и в школе, и в вузе) весьма различно. В математике они занимают достойное место уже в на-

чальной школе, достаточным уважением пользуются в курсе физики и в меньшей мере химии. Уважение выражается, в частности, в том, что задачи по этим предметам включаются в билеты экзаменов на аттестат зрелости и при поступлении в вуз. Однако задачи по биологии, географии, а тем более по истории — вещь гораздо менее привычная, хотя и не менее необходимая.

Что же добавляют они к теоретическому курсу и какие задачи целесообразно использовать, чтобы школьники не просто знали материал, но и владели им? Казалось бы, «знать» и «владеть» — слова-синонимы. Однако в нашем случае это не совсем так.

Известно, что материал любой науки не поддается линейному упорядочению. Он представляет собой достаточно сложную систему с разнообразными связями. Поэтому адекватная организация материала в памяти соответствует не раскладыванию его «по полочкам», а построению сложного лабиринта. И «владение материалом» означает умение ориентироваться в таком лабиринте, где между двумя точками существует множество путей.

К сожалению, школьники, изучая теоретический материал достаточно развитой системы знаний, чаще ходят лишь по проторенным тропам. Понимание сложных внутренних связей между разными вопросами («карты лабиринта») у учеников обычно не вырабатывается.

Приведу пример. Однажды на биологической олимпиаде школьников МГУ ученикам выпускного класса предложили следующую задачу.

Задача 1. *Можно ли ожидать исчезновения из популяции рецессивного аллеля, обуславливающего генетическое заболевание, если больные этой болезнью, не оставляют потомства?*

Жюри олимпиады предполагало, что при решении задачи будут использованы знания по генетике и по теории эволюции (об их связи подробно рассказывает школьный учебник). Ученикам хорошо известно: отбор устраняет организмы с вредными признаками, идет их вытеснение более приспособленными организмами. В данном случае генетическая болезнь может рассматриваться как смертельная, поскольку, с точки зрения отбора, умереть или не оставить потомства — одно и то же. И ясно, что естественный отбор приведет к исчезновению вредного аллеля. Однако подавляющее большинство участников олимпиады дало прямо противоположный ответ.

Для школьников слова «генетическое заболевание», «аллель» были опознавательными знаками того, что это — задача по генетике и решение ее надо искать на соответствующей полочке. Дальше они рассуждали так: в популяции есть скрытые носители болезни, у которых вредный аллель не проявляется в фенотипе; пусть такие особи вступили в брак, тогда среди их детей четверть будет здорова, четверть не даст потомства, а половина вновь будет гетерозиготна, то есть это будут новые скрытые носители болезни; значит, в следующем поколении генетическое заболевание сохранится, а потому оно сохранится и во всех последующих поколениях. Прямое противоречие такого вывода теории эволюции осталось просто незамеченным. Причем надо подчеркнуть, что на олимпиаду в МГУ приходят в основном школьники, интересующиеся биологией и неплохо ее знающие.

«Наведение мостов»

Итак, задачи позволяют устанавливать новые связи между разными пунктами лабиринта и строить его карту. Заметим: необходимость таких задач относится не только к геометрии или к биологии. Умение представить себе целостную систему знаний с ее разнообразными взаимосвязями — важное общеучебное умение, или даже шире — жизненное умение, вот почему задачи чрезвычайно важны.

Читатель может возразить, что школьная программа прямо предусматривает «наведение мостов» между разными разделами того или иного курса, более того, обычно предусматривается даже специальная программа межпредметных связей. Это верно. Но тут вступает в силу важнейшее отличие самостоятельного решения задач учеником от материала по межпредметным связям, сообщаемого учителем. Отличие состоит в разном уровне активности учащихся и в разном характере самой активности.

Задачи сами по себе могут и не играть никакой роли в развитии мышления. Можно научить школьника решать определенное число типов задач («задачи на части», «задачи на бассейны» и т. д.). И тогда он выучивает определенную последовательность действий, используя только память и дополнительно загружая ее. Существенно не то, что ученики **решают** задачи, а то, **что** это за задачи и **как** они обучаются их решению.

Вот почему важная функция учителя состоит в разумном подборе последовательности задач, которые он предлагает. Образно говоря, прежде чем учиться ориентироваться в лабиринте, ребенок должен вообще научиться ходить. Потом он осваивает комнату, в которой живет, свой двор, свою деревню или город и т. д.

Конечно, начинать устанавливать внутренние связи лучше в пределах одной дисциплины или даже более узкой области. Однако такой подход не исключает «наведения мостов» и между достаточно отдаленными дисциплинами. **Надо только выбирать задачи, которые не предъявляют чрезмерно высоких требований к глубине знаний в каждой из соприкасающихся дисциплин.**

Вот примеры задач, связывающих биологию, физику и геометрию.

Задача 2. *Попробуйте объяснить, почему муравей в отличие от человека может поднимать грузы, в десятки раз превышающие его собственный вес, хотя удельная сила их мышц одинакова.*

Задача 3. *Известно, что у мелких птиц и млекопитающих частота сердечных сокращений гораздо выше, чем у крупных животных. Чем это можно объяснить?*

То, что при решении этих задач придется привлекать знания из разных областей, школьнику далеко не очевидно. Вот почему здесь неплохо провести соответствующую подготовку, задавая вопросы, сама формулировка которых прямо говорит о связи разных наук. Приведем самый простой пример.

Задача 4. *Какие открытия в области физики и химии позволили понять механизм и роль дыхания?*

Ответов много и все верные

А теперь о другом типе биологических задач — допускающем разные варианты решения. Вот простая задача для младшеклассников.

Задача 5. *Зачем паукам паутина?*

Первый и мгновенный ответ школьников: чтобы ловить добычу.

— А еще?

— Некоторые пауки строят себе из паутины домики.

— А еще?

— Есть пауки, которые роют норки в земле, они покрывают паутиной стенки норки, чтобы на них не сыпалась земля.

— А еще?

— А еще есть такие пауки, которые строят под водой из паутины колокол, вроде водолазного. Я читал об этом в книге «Приключения Карика и Вали».

— А еще?

— Когда паука испугаешь, он прыгает с ветки и опускается вниз на паутине.

— Все?

— А еще маленькие паучата во время ветра забираются на травинку и выпускают паутину, а потом отпустят лапки, и ветер их несет; они так переселяются в новые места.

Полифункциональность разных органов животных и растений — основа эволюции организмов, и понимание этого чрезвычайно важно. Но дело даже не в том. Рассмотрим еще один пример.

Задача 6. *Какие животные питаются организмами, во много раз превышающими их по размерам, и как они это делают?*

Здесь возможны самые разные варианты ответов: групповая охота разных хищников (например, волков или муравьев), индивидуальная охота с использованием тех или иных приемов или приспособлений (охота удавов, глубоководных рыб с огромной пастью, ядовитых животных), животные, питающиеся падалью, паразиты и т. д.

Решая подобные задачи, школьник постепенно осознает, что на многие разумные и интересные вопросы не существует единственного верного ответа — их может быть много и все верные, а сколько точно, неизвестно; одни варианты более вероятны, другие — менее. Понимание этого факта важно не только при изучении школьного курса, но прежде всего — для правильной ориентации в реальной жизни. В споре оно помогает осознать, что вариант, предлагаемый оппонентом, тоже имеет право на существование. На этой основе рождаются открытость для чужого мнения, терпимость — качества, незаменимые в человеческих отношениях.

Освоение «многовариантных» задач приводит к постижению более глубоких истин. Уже в юном возрасте человек узнает, что часто не удается найти все ответы на возникший вопрос, что кто-то может придумать новый интересный вариант решения, что поиск не кончается на первом попавшемся приемлемом варианте. Иными словами, у школьника

возникает ощущение, что познание — открытый процесс и на многие вопросы невозможно дать простой, однозначный ответ.

И наконец, третий аспект проблемы: такого типа задачи развивают и некоторые элементы вероятностного мышления. Ведь здесь почти всегда необходимо оценивать, какой вариант ответа более вероятен.

За и против

К «многовариантным» примыкают задачи несколько иного рода, требующие использования разной аргументации при доказательстве или опровержении некоторого тезиса. Они, ко всему прочему, способствуют выработке критичности, способности посмотреть как бы со стороны на свою собственную аргументацию.

Задача 7. *Существует мнение, что митохондрии животных клеток возникли в ходе эволюции из симбиотических бактерий. Какие аргументы за и против этой гипотезы вы можете привести?*

Обратим внимание на формулировку задачи. Начиная с девятого (а в старших классах особенно), надо заставлять школьника «играть в шахматы с самим собой», то есть выдвигать аргументы, затем контраргументы, затем возражения на них и т. д. Школьник должен уметь поочередно занимать позиции то одного, то другого оппонента. Это важно для выработки культуры не только «внешних» дискуссий, но и «внутренних». Последние, как известно, представляют один из ключевых механизмов мышления.

Задача 8. *Одни ученые считают, что обитатели самых глубоких областей Мирового океана — эволюционно древние животные; другие ученые, напротив, считают их эволюционно молодыми. Приведите аргументы за и против каждой из этих точек зрения.*

Эта задача на протяжении нескольких лет посылалась ученикам ВЗМШ. Интересно, что большинство учащихся (а это были ученики тогдашнего девятого класса) выбирали какую-то одну точку зрения и защищали ее, критикуя противоположную.

Плохо, если школьник уверен, будто по любому вопросу существует единственная абсолютно верная точка зрения, которую ему могут сообщить. Еще хуже, если свою задачу он видит лишь в том, чтобы выучить изложенные истины и их придерживаться. Для большой науки такой школьник потерян полностью. Но главное — повзрослев, он будет способен работать сколько-нибудь продуктивно только в условиях жесткой бюрократической системы.

Нужны ли биологу шахматы?

В термодинамике существуют понятия: замкнутая система (не обменивающаяся с внешней средой ни веществом, ни энергией) и открытая. По аналогии можно ввести представление о замкнутой или открытой **информационной** системе. Если для решения задачи достаточно строго определенного набора сведений и он заранее известен, то мы имеем дело с замкнутой информационной системой. Ее примером может служить игра в шахматы. Исходно задано ограниченное число фигур и ограниченное число правил игры. Играя в шахматы, мы заранее точно знаем, что нам не потребуются знания по физике или химии. Другой пример — геометрия. Если задана система аксиом и правила вывода, то можно доказывать теоремы.

Понятно, что шахматы или геометрия — принципиально отличаются от биологии, представляющей собой открытую информационную систему. Но вот вопрос: может ли принести пользу человеку, увлекающемуся биологией, занятие шахматами или геометрией? Если да, то какую?

Ясно, что шахматы и математика способствуют развитию логики, математика, кроме того, учит строгости определений и доказательств. Однако такой ответ нельзя назвать полным.

Начнем с шахмат. Многовариантность решений, о которой шла речь выше, в полной мере присуща шахматам: большинство позиций допускает множество ходов, и из них игрок вынужден всякий раз выбирать лишь один. При этом приходится мириться с неполнотой информации (неизвестно, какой ход сделает противник) и заниматься вероятностным прогнозированием.

При выборе варианта хода или плана игры следует также оценивать позицию. Но строгих количественных методов для этого нет, а потому остается вырабатывать оценки типа «хуже» — «лучше», учитывая много факторов. Иными словами, здесь решается задача на поиск оптимума с учетом многих параметров — типичная задача, решаемая природой в ходе эволюции (и очень часто возникающая у экономистов).

Каждая из этих особенностей шахматной игры заслуживает подробного обсуждения и важна для развития мышления.

Но есть одна особенность, которая еще больше роднит шахматы с биологией и отличает их от геометрии. Это — наличие в шахматах динамики, «стрелы времени». В шахматах всегда присутствует направление движения, там нельзя вернуться к исходной позиции.

В биологии тоже очень часто приходится анализировать системы, имеющие направление движения. Это и развитие организма, и ход эволюции животного мира, и изменения экологических систем.

В геометрии ситуация иная: там нет «стрелы времени». Систему геометрии можно строить разными способами, выбирая ту или иную систему исходных аксиом. То, что было аксиомой в одной системе, будет теоремой в другой, и наоборот. Очень важно, чтобы школьник это понимал!

Как видим, изучение замкнутых информационных систем может быть полезно для интересующихся биологией не только оттачиванием логики. Более того, подобная работа способна развивать даже чувство прекрасного. Так бывает, когда неожиданный ход мысли превращает бесконечно запутанный поиск в изящное и простое решение.

«Замкнутые» не значит «скучные»

Существуют ли в биологии относительно изолированные области, которые можно рассматривать как информационно замкнутые? Мы думаем, да. Во всяком случае, два таких раздела позволяют развивать те же качества, что и, например, геометрия. Речь идет о классической генетике и нейронных сетях.

В классической генетике, как в геометрии, можно сформулировать исходную систему аксиом и правил и, опираясь на них, возводить достаточно сложное здание. Подобно тому, как строятся неевклидовы геометрии, можно строить и разные генетики; например, рассмотреть закономерности наследования на планете с трехполыми животными.

А что в задачах на нейронные сети? Там школьникам исходно задаются свойства некоторых элементов — формальных нейронов, способных находиться либо в состоянии возбуждения, либо покоя. Среди нейронов есть нейроны возбуждающие и тормозные, а потому они могут алгебраически суммировать приходящие к ним сигналы. Когда алгебраическая сумма приходящих сигналов становится больше некоторой заданной величины (порога), нейроны переходят от покоя к возбуждению и посылают сигнал к нейронам-адресатам. Нейроны способны соединяться друг с другом, образуя сети.

Таким образом, школьникам сообщаются свойства некоторых элементов и правила их взаимодействия. Это позволяет решать ряд содержательных задач, в которых школьник должен сконструировать из заданных элементов схему, обеспечивающую заданное поведение животного.

Задача 9. *Известно, что бабочка-крапивница предпочитает температуру 36 градусов Цельсия. Если на улице холодно и солнце не светит, бабочка сидит с закрытыми крыльями. Если холодно, но светит солнце, бабочка раскрывает крылья и греется на солнце. Но как только температура тела достигает 36 градусов, бабочка складывает крылья. Нарисуйте схему соединения нейронов с рецепторами и мышцами, которая обеспечивала бы такое поведение бабочки.*

Придумаем эксперимент

Задачи по формальной генетике или по нейронным сетям родственны математическим или шахматным. Однако большинство биологических задач информационно открытые. Они развивают не только логическую культуру или способность комбинировать, но и другие качества: умение анализировать поведение сложных систем с богатыми внутренними связями, прогнозировать пути развития таких систем, искать необходимые сведения в иных разделах биологии или даже в других науках. Для развития этих способностей полезны задания на придумывание экспериментов и на их интерпретацию.

Задача 10. *Предложите опыты, позволяющие выяснить, как муравьи находят дорогу домой.*

Во всех задачах такого рода прежде всего необходимо выдвинуть какие-то гипотезы (например, муравьи ориентируются по солнцу), а затем предложить способы их проверки. Причем и тут разные гипотезы вовсе не обязательно взаимоисключающие — правильных ответов может быть много.

Задача 11. *В двух одинаковых сосудах выращивается культура хлореллы. В один из сосудов поместили дафний, питающихся хлореллой, и через не-*

которое время обнаружили, что частота делений клеток хлореллы в сосуде с дафниями больше, чем в контрольном сосуде. Как вы можете объяснить это явление? Как экспериментально проверить правильность вашего объяснения?

Особенность и ценность подобных задач в том, что здесь ничего не известно заранее. Школьник не знает, какие сведения понадобятся, какими приборами целесообразно воспользоваться. Вот — последняя задача. С одной стороны, речь идет о растениях, и, наверно, неплохо бы вспомнить физиологию растений. С другой — тут говорится про деление клеток, и не потребуется ли знание цитологии? Впрочем, описывается пусть очень простая, но все-таки экологическая система, тогда не привлечь ли какие-то сведения из экологии? А может быть, пригодится теория эволюции — ведь наша система как-то изменилась, проэволюционировала?

Вообще, решая информационно открытые биологические задачи, школьник учится обращаться с системами, в которых действуют разнообразные причинные связи. Их понимание позволяет выдвигать гипотезы, предсказывать, что произойдет с системой при изменении разных параметров, при разрыве некоторых связей, при внешних воздействиях. Не последняя роль в развитии такого понимания принадлежит «мысленным экспериментам». Их идея заимствована нами из физики.

Задача 12. *К каким последствиям привело бы полное внезапное исчезновение насекомых?*

Польза подобных задач очевидна. Но существует и другой аспект проблемы, не столь заметный. Придумывая и анализируя биологические эксперименты, школьник начинает понимать, что отдельный опыт очень редко позволяет решить какую-то научную проблему, что он, как правило, имеет много возможных интерпретаций, что для выбора между разными вариантами нужны новые опыты и т. д. В итоге вырабатывается правильное представление о ходе научного познания, что, к сожалению, часто не обеспечивает изучение биологии в школе.

Пожалуй, здесь можно остановиться. В чем была одна из основных идей написания этой статьи? Вначале она задумывалась как заметка о пользе биологических задач для более глубокого изучения биологии. Но по ходу написания сама собой стала превращаться в иллюстрацию еще и совсем другого тезиса — о роли биологических задач в развитии разных качеств школьника.

Автор статьи и его многочисленные коллеги в течение ряда лет собирали и придумывали разные биологические задачи. Они использовались при проведении школьных олимпиад, прежде всего в олимпиаде для школьников МГУ, в заданиях биологического отделения ВЗМШ Российской академии образования (РАО) при МГУ и при проведении занятий на летних школах или на классных занятиях.

Сейчас накопленный запас задач и опыт их использования превращается в школьные биологические задачники для разных классов. Эта работа ведется в недавно созданном Московском институте развития образовательных систем (директор член-корреспондент РАО А. М. Абрамов). Первый такой задачник для одиннадцатого класса («Почти 200 задач по генетике») недавно вышел из печати. Издательство «Просвещение» обещает нам выпустить задачник «Биология и другие науки». Подготовлен к печати задачник «Нейронные сети». Вместе с тем остается множество интересных задач, которые в ближайшее время, вероятно, напечатать в виде книг не удастся.

Со следующего номера редакция собирается публиковать задачи по биологии на страницах журнала. После публикации группы задач в одном из следующих номеров будут помещаться их решения.

Мы были бы очень рады получать от школьников (в промежутке между публикациями задач и ответов) решения, а также замечания о содержании предлагаемых задач и решений. (Не забудьте указать свой возраст и класс, в котором учитесь.) Предлагаем вам для решения задачи №№ 1—4, 7—12.

Фамилии читателей, приславших наиболее интересные решения, будут опубликованы в журнале.

Вы можете решать задачи и присылать решения, начиная с этого номера журнала. На конверте просим писать: «Задачи по биологии».

С. Смирнов

«Как память наша отзовется...»

Святослав

(Текст с ошибками)

В это утро князь Святослав проснулся поздно и в дурном настроении: давало себя знать похмелье после вчерашнего пира в честь победы над лукавыми греками и их подлыми союзниками — половцами*. Ведь не сам же хан Куря догадался ударить в тыл войскам князя, осаждавшим Херсонес! Какое счастье, что в тот час князь еще не ввел в бой свой главный резерв — варяжскую дружину во главе с Добрыней Никитичем! Братья-варяги выждали момент и ударили половцам во фланг; Курю сам Добрыня рассек пополам и преподнес его голову своему князю. Из ханского черепа сделали чашу; вчера весь вечер Святослав пил из нее мед и кумыс. Вот и перепил...

Но ничего; главное — Херсонес взят, Византия потеряла Крым! Конечно, царь Василий Болгаробойца не простит русичам этот успех, как не простил недавний разгром своего союзника, хазарского султана Песаха. Но помогли тому не звездочеты-иудеи, не наемные татарские тумены. Стремительный натиск киевлян и их союзников-мадьяр вынудил султана бежать сперва из Итиля в Саркел, оттуда в Семендер и дальше, в родной Крым, где Святослав чуть не настиг беглеца; но тот успел уплыть в Царьград на последней галере. Ладно, Аллах с ним, пусть сам расскажет царю Василию, какой грозный соперник появился у него на северном берегу Черного моря! Хазария больше не возродится, и Крым стал владением Киева, но о Царьграде нужно подумать всерьез... Лучший способ обороны — нападение; войны с Василием не миновать, надо искать союзников против него.

Это Святослав умеет: еще в Киеве он вовремя заключил союз с варягами, которые помогли ему после смерти матери. Та хотела отдать трон и скипетр старшему сыну, христианину Улебу. Не вышло! Нет больше Улеба, а киевских христиан Святослав прижал так, что и не пикнут! Хватит с них торговых дел, нечего лезть в княжье дело... Потом Святослав договорился с конунгом мадьяр Арпадом: тот прежде служил хазарам, но глупый султан Песах предпочел половецкого хана. Обиженный мадьяр жаждал кровной мести и охотно пошел на союз с Русью против Хазарии. Правда, теперь Арпад ушел со своей дружиной на запад вслед за Аттилой. На прощанье он принес Святославу вассальную клятву, впервые назвав его новым титулом — Хакан-Рус. Так и должно быть: на смену султану Хазарии пришел хакан Руси. Этот титул выше княжьего; он дается не человеческим выбором, а волей Неба. Сам Тенгри подтверждает его громовым голосом и блеском своего молота!

Но и Христос силен: разве сумела бы мать Ольга без его помощи удержать власть в Киеве? Без такой помощи, наверное, и Святославу не взять Царьград; ведь там, говорят, больше тысячи церквей с золотыми крестами! С Христом надо помириться. Но как? Надо еще раз допросить Калокира, пленного правителя Херсонеса. Он хитер и не трус, оттого князь пока сохранил ему жизнь. Что знает лукавый грек о Дунайской Болгарии? Не найдет ли там Святослав союзников против Царьграда, как прежде нашел их в Днепровской Болгарии против хазар?

Стража прервала размышления князя: в порт вошел странный корабль с крестом на мачте. На нем прибыл посол какого-то могучего западного правителя. Через час Святослав принял кардинала Лиутпранда — легата папы Сильвестра и посла императора Оттона. Этот жилистый старик знавал еще мать Святослава, он даже присутствовал в Царьграде на ее крещении. Теперь Лиутпранд прибыл к сыну Ольги с новым предложением:

---

* Журнал продолжает публикацию задачника по истории С. Г. Смирнова, начатую в 1991 году.

папа и император предлагают князю участие в крестовом походе на Царьград! Западные рыцари готовы к походу. Болгарский хан Симеон, давно колебавшийся в своем выборе — от кого принять крещение, наконец решился в пользу Рима, против Адрианополя. Если и Святослав примет католическую веру, папа и император сразу даруют ему королевский титул. А потом русичи и варяги вместе с западными братьями, болгарами и норманнами, а также с англичанами и испанцами вместе пойдут войной на Византию. Впереди богатства Адрианополя, за ними — Святой Крест в Иерусалиме!

Святослав промолчал о том, как безразличны ему чужие святыни. Пусть папа с императором сами идут в Иерусалим к своему умершему Богу. А вот взять Царьград общими усилиями — это дело заманчивое. Пусть римский наместник Христа помирит своего Бога со Святославом; ради этого можно креститься, а дальше видно будет. Самое важное для князя-кагана — урвать добрый кусок при разделе византийских земель. Для этого нужны будут союзники среди ромеев. Калокир назвал князю ряд полезных имен. Братья Варда Склир и Варда Фока задумали мятеж против царя Василия; наверное, они помогут крестоносцам, а потом Святослав отдельно договорится с ними. Западные норманны — с ними князь найдет общий язык так же легко, как нашел его с киевскими варягами... Да и хан Симеон — он наверняка присоединился к крестоносцам лишь для того, чтобы сокрушить давних недругов — ромеев. С ним можно сговориться о судьбе византийского Причерноморья. Хакан-Болгар и Хакан-Рус поделят его между собой и не пустят в эти земли ни лукавых греков, ни лукавых итальянцев! Тогда можно будет говорить на равных и с германским императором, и со всеми королями Европы. Киев уже перенял роль Хазарии в Великой Степи; после падения Царьграда он может перенять и его роль — стать столицей Восточной Европы... Ну, время покажет.

Такие мечты обуревали участников первого Крестового похода. Так Святослав сделал первый шаг в Европу — прорубил в нее окно, как позднее стали говорить потомки.

Вопросы по истории Киевской Руси

1. Почему киевляне терпели власть варягов с середины IX до середины X века и не восставали, как новгородцы в 862 году?

2. Германский епископ, побывавший в Константинополе одновременно с Ольгой, называет ее «Хелена, Регина Ругорум». Что значит этот титул? Как он мог произойти?

3. С кем из киевлян Ольга обсуждала план своей поездки в Константинополь в 957 году? Почему этот план был одобрен? Кто правил Киевом в отсутствие Ольги?

4. Каким путем и на каком транспорте Ольга ездила в Константинополь? Сколько времени мог занять этот путь?

5. Почему, вернувшись из Византии, Ольга не попыталась крестить всех киевлян?

6. Почему киевляне не пожелали принять князем древлянина Мала, хотя прежде они приняли Олега, тоже убийцу их прежнего князя?

7. Ряд историков говорят, что Святослав не был князем Киева. Другие говорят, что был, но смысл слова «князь» был тогда иной, чем позднее, при Ярославе Мудром. Какое из этих утверждений ближе к истине и как это проверить? Какой иной титул мог быть тогда у киевского правителя и кто мог носить этот титул после смерти Ольги?

8. Верно ли, что одни и те же киевляне одобряли военный поход Игоря на Византию и мирную поездку Ольги туда? Какие у них могли быть резоны для этого?

9. Перечислите современников княгини Ольги в Европе и в Азии.

10. Составьте короткую цепочку из общих знакомых от Святослава и основателя Священной Римской империи.

11. Почему Святослав легко подчинил себе Болгарию, но не смог там укрепиться?

12. Говорят, что Святослав после покорения Болгарии захотел захватить престол в Константинополе. Кто мог подать князю такую мысль? С кого он мог брать пример в таком деле?

13. Почему Святослав — победитель хазар и болгар, на равных боровшийся с Византией — не смог одолеть печенегов?

14. Случайно ли, что в борьбе за наследство Святослава победил тот его сын, который сидел в Новгороде, а не тот, который сел в Киеве?

15. Опишите вооружение дружинников Святослава. Как они сражались — конные или пешие?

16. Откуда Владимир привнес тех богов, которым он заставлял поклоняться киевлян в 978 году? Почему раньше киевляне не поклонялись им?

17. Почему Владимир не принял христианство сразу, как только овладел Киевом?

18. Перестали ли киевляне почитать языческих богов после 988 года? Если нет, как они примиряли эти две веры?

19. За какие свои заслуги Василий отдал в жены Владимиру свою сестру? Был ли этот брак выгоден для императора?

20. Кто был владельцем первой библиотеки на Руси? Какие книги могли быть в ней?

21. Перечислите современников Владимира в Азии. О ком из них Владимир мог знать? Кто из них жил на территории будущего СНГ?

22. Считается, что Ярослав Мудрый был культурнее, чем его отец, а тот — культурнее своего отца. Какие факты подтверждают это мнение?

23. Говорят, что к концу правления Ярослава Мудрого на Руси не осталось варягов. Куда они делись? Почему этого не бывало раньше?

24. Новгородцы не любили княжича Ярослава, когда тот был наместником своего отца в Новгороде. Почему же они поддержали княжича в борьбе за престол?

25. С какими королевскими родами Европы был связан родством Ярослав Мудрый? Для чего он заключал эти браки?

26. Для чего Ярослав Мудрый издал первый свод законов? Как Владимир обходился без этого?

27. Почему Ярослав при составлении своей «Правды» не взял за образец законы Византии? Почему короли Западной Европы пользовались римскими законами как образцом?

28. «Русская правда» не упоминает смертную казнь и тюремное заключение. Как же карали убийц и воров?

29. Виры за убийство знатных людей по «Правде» Ярослава столь велики, что почти никто не смог бы их заплатить. Какой смысл в подобных штрафах?

30. Какие иностранные языки были известны при дворе Ярослава Мудрого?

31. Перечислите тех правителей, с которыми Ярослав Мудрый мог обмениваться грамотами.

32. Составьте цепочку из общих знакомых между Ярославом Мудрым и Вильямом Завоевателем.

33. Почему Ярослав Мудрый не имел королевской короны? Он сам ее не хотел или кто-то не хотел его ею увенчать?

34. Верно ли, что по объему власти Ярослав Мудрый превосходил современных ему королей Англии и Франции? Если да, то почему так вышло?

35. Составьте рассказ жителя Парижа или Лондона, побывавшего в Киеве в 1050 году. Что его больше всего удивило?

36. Составьте рассказ жителя Константинополя, побывавшего в Киеве в 1050 году. Как он оценил местные порядки в сравнении со своей столицей?

37. Кто из правителей средневековой Европы более всего похож на Ярослава Мудрого? В чем причины такого сходства? Каковы отличия, в чем их причины?

38. Назовите современников Ярослава Мудрого в Западной Европе.

39. Назовите современников Ярослава Мудрого на Руси и в Византии.

40. Говорят, что русское летописание началось при Ярославе Мудром. Почему не раньше? Кто вел летопись? Кто ее читал?

41. Какие города в СНГ были основаны при Ярославе Мудром? Какие из них названы в честь князя?

42. Каковы христианские имена Владимира Крестителя и Ярослава Мудрого? Почему они так мало известны?

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

А. Славская

«Остаться верным самому себе»

ЛИЦЕЙ

«Всякое поведение человека,— хочет он того или нет,— поскольку он живет в общении с другими людьми, есть воспитывающее поведение: оно оказывает то или иное формирующее воздействие на другого человека. Поведение, поступки одного (каждого) человека — то, что обусловливает моральное поведение другого человека. Надо определить свое поведение так, чтобы поставить его в ситуацию, требующую с его стороны морального поведения. Это и есть воспитание как действенное отношение к людям, направленное на моральное формирование людей. Воспитание в этом смысле — не только педагогическая, но моральная проблема, и только так поставленная, она может дать педагогический эффект...»

Имя человека, пронесшего эту мысль через всю свою жизнь и прекрасно понимавшего, что при жизни вряд ли увидит ее напечатанной, открытой всем, а не только близким ученикам, известно лишь достаточно узкому кругу специалистов — это Сергей Леонидович Рубинштейн.

Человек болезненного здоровья, небольшого роста, он начинал свою жизнь баловнем обеспеченной интеллигентной семьи, стал студентом Марбургского университета, слушал с Пастернаком одних и тех же профессоров, побывал комиссаром народного образования и директором библиотеки, был членом-корреспондентом Академии наук СССР и «безродным космополитом». Блестяще и стремительно войдя в действительность военного коммунизма в качестве самостоятельно мыслящего философа-марксиста, он очень быстро понял свою несовместимость с официальной ролью философии в нашем обществе. Философу истинному, а не по должности, ему было очевидно, *«...что при всей необходимости перестройки общества никакой общественный строй не устранит всех горестей человеческого сердца. Неверно валить на «природу» человека беды, порожденные капиталистическим строем, но заблуждением, иллюзией является, с другой стороны, представление, будто разрешение социальной проблемы — распределения всех производимых обществом материальных благ — ликвидирует все жизненные проблемы, всю проблематику человеческой жизни...*

Я убежден, что вся острота и важность общественных проблем, задач общественного переустройства не снимает задач переустройства личных отношений человека к человеку как индивиду, личности. Господствующее у нас поныне пренебрежение этическими проблемами или игнорирование их, исходящее из убеждения, что все вопросы человеческого бытия решаются исключительно в политическом плане,— эта общая, в корне неверная установка, а не частная ошибка тех или иных воспитателей,— действительная и основная причина того серьезного неблагополучия, которое еще наблюдается в нас в этом отношении».

И в эпоху жесткой заданности поведения всех людей извне С. Л. Рубинштейн стал разрабатывать и отстаивать принцип, согласно которому поведение, поступки и отношения людей в конечном итоге определяются причинами внутренними. Этой — кажущейся сейчас такой очевидной — «формулой» он бесконечно много сказал конкретным живым людям той жестокой эпохи. Он говорил тем самым, что ответственность за все происходящее несет каждый человек, он утверждал, что тогда, когда уничтожены все остатки свободы внешней, человек может сохранить внутреннюю свободу, найти опоры в своей внутренней жизни.

«В этических нормах есть ядро, которое сохраняет свою силу для человеческих отношений при всех изменениях политической ситуации.

...Основным нарушением этической, нравственной жизни применительно к человеку в условиях общества является использование его в качестве средства для достижения какой-либо цели. Однако это не означает, что человек лишается вообще какой-либо функции и роли в обществе. Проблема «отчуждения» возникает при сведении человека к общественной «маске», к носителю определенной общественной функции, роли, сообразно которой он используется как средство для достижения тех или иных практических целей. Ограниченность жизни человека, который превращается в носителя одной какой-нибудь функции, жизни, которая втиснута в соответствующие рамки, определяется тем, что к человеку другие люди относятся лишь как к носителю этой функции, который лишь соответственно ей используется, который существует для других лишь в этом качестве. Преодоление этого сведения человека к «маске» есть переход от «маски» к человеку во всей полноте его человеческого бытия. Диалектика же соотношения человека и его маски, функции связана с тем, какова эта функция, эта его роль (например, единичный человек как представитель народа, человечества, идеала, борец за правду и т. д.). На одном полюсе — это сведение роли к предельной убогости и ограниченности. На другом полюсе — утрата личной жизни или, во всяком случае, сужение своей личной жизни.

...Механическое соблюдение общественных требований, их формально механическое проецирование в поведении лишено всякой моральной ценности».

Именно поэтому и концепция этики, разработанная Рубинштейном, предполагала не простое следование абстрактным правилам, прописным истинам, а борьбу за верность человека лучшему в самом себе, борьбу за жизнь, отвечающую подлинно человеческой сущности. Дух менторства, поучения, морализирования был чужд ему. Человек больших страстей и дерзаний, он скорее был склонен идти на поражения и ошибки, чем жить по правилам и регламенту. Собственная совесть, убежденность, вера в свою правоту — основы собственной нравственной инстанции, ответственности перед собой и людьми. *«Все поступки человека,— писал он,— выступают как реальное изменение условий жизни других людей. Отсюда ответственность человека за всех других людей и за свои поступки по отношению к ним».*

Самой сердцевиной этических взаимоотношений людей Рубинштейн считает любовь. В «свой жестокий век» он утверждал, что любовь — это такое отношение одного человека к другому, которое усиливает существование последнего, делает его более существующим. *«Любовь оказывается новой модальностью в существовании человека, поскольку она выступает как утверждение человека в человеческом существовании. Напротив, акт или чувство ненависти, презрения есть отказ в признании, полное или частичное перечеркивание бытия человека, значимости его бытия. Ненависть есть идеальная форма изничтожения, морального убийства человека. Любовь в ее «онтологическом» содержании — это процесс вычленения и сплетения зависимостей целей и средств особого, неповторимого существа данного человека. Любовь есть выявление этого образа человека и утверждение его существования. С началом любви человек начинает существовать для другого человека в новом, более полном смысле как некое завершенное, совершенное в себе существо. Иными словами, любовь есть утверждение существования другого и выявление его сущности. В настоящей любви другой человек существует для меня не как «маска», то есть носитель определенной функции, который может быть использован соответствующим образом как средство по своему назначению, а как человек в полноте своего бытия...»*

Любовь выступает как пристрастный проявитель (в одном случае это осуществляется действием природной силы, природной потребности, в другом — воспитанного гуманным правом чувства) всех хороших качеств в двояком смысле. Во-первых, она их вызывает к жизни, во-вторых, она делает их более видимыми для любящего (или делает любящего более зорким к ним). Важно при этом, что речь идет о проявлении лучших качеств не только в любовных отношениях, но и во всех планах жизни, во всех сферах человеческой деятельности. Любовь мужчины к женщине, матери к ребенку — это природная основа этического отношения человека, которая затем выступает как преломленная через сознание и обогащенная, проникнутая богатством всех человеческих отношений к миру...»

С. Л. Рубинштейн скончался 11 января 1960 года. В 1989 году исполнилось сто лет со дня его рождения, и это был первый и единственный юбилей ученого, отмеченный публично в Советском Союзе и за рубежом, юбилей, к которому удалось переиздать его классический труд «Основы общей психологии» (сначала отмеченный Сталинской премией, а затем заклейменный), а также продолжить публикацию его обширного рукописного наследия, небольшие отрывки которого мы предложили лицеистам «Знание — сила».

ЛИЦЕЙ

«Все началось с ворчания на древнерусскую литературу...»

Московский институт развития образовательных систем (МИРОС) впервые предлагает школьникам курс «Древнерусская литература в школе». Открывает серию книга Натальи Владимировны Давыдовой «Евангелие и древнерусская литература».

Курс этот сложился довольно парадоксально.

«Дело было так. Стояли замечательные июньские дни, светило солнце, цвела сирень... А я сидела дома и готовилась к экзаменам по литературе. С тоской смотрела в окно и листала экзаменационные билеты: «Онегин — типичный представитель...», «Печорин — лишний человек», «Стиль романов Л. Н. Толстого»... И было мне очень грустно, что вместо прогулок по лесам и лугам под летним солнцем я сидела и зубрила прописные истины про «представителей», «жанры» и «стили».

«Пушкин, Лермонтов, Достоевский...» — читала имена писателей без самих произведений. Вспоминала, что говорил о них учитель, иногда заглядывала в учебник. Учебник — вот книга книг!

«Слово о полку Игореве» — памятник литературы XII века». Я призадумалась, да ничего про этот «памятник» не вспомнила. Может, болела, когда его «проходили»? Пришлось открыть книжку: «Не лепо ли ны бяшет, братие, начяти старыми словесами...»

— Это что еще такое! — возмутилась я. — Эти «словесы» до утра не разберешь. Не могли для экзамена попонятней «памятник» выбрать? «Не лепо ли ны бяшет...» — ворчала я. — Неужели в древнерусской литературе ничего другого не нашлось?

Попыталась вспомнить, о каких еще древнерусских произведениях слышала, и не припомнила. В учебнике упоминалось только «Слово о полку Игореве». Сказано было, что само «Слово...» сгорело в пожаре, остались лишь копии.

На уроке истории нам называли книгу, кажется, той же эпохи: «Повесть временных лет», но читать не задавали. Наверное, и от нее одно название осталось. А если нет произведений, то и литературу ту пора забыть.

И пошла я в районную библиотеку узнать, если ли там какие-нибудь древнерусские книги. В библиотеке не нашлось. Вот интересно, что же это за таинственная литература, которую и почитать нельзя? Забыв про летнее солнце и прогулки по лугам, пошла в другую библиотеку. Очень мне стало интересно, что случилось с литературой Древней Руси, куда она подевалась.

С тех давних, школьных лет только и размышляю о древнерусской литературе. И вот парадокс! Чем дольше размышляю, тем больше возникает вопросов.

Период древнерусской литературы составляет семьсот лет из тысячелетней истории русской литературы. 700 лет из 1000! Как случилось, что такой огромный этап исчез из курса литературы в школе? А произведения того времени недоступны школьникам. Печатались они в основном в редких изданиях, которых не найти в детских и районных библиотеках. Как случилось, что язык, на котором столетия писали наши предки, нам совершенно непонятен?»

В поисках ответа на этот вопрос и началось увлечение автора древнерусской литературой, а закончилось — желанием передать свои знания тем, кто любит литературу, историю, искусство древности и современности, тем, кто хочет знать больше, чем написано в школьном учебнике, тем, кто сам размышляет, постигает, ищет и способен усомниться в истинах учебника.

МИРОС предлагает также издать:
«Повесть временных лет»,
«Сказание о Борисе и Глебе»,
«Моление Даниила Заточника»,
Повести о монголо-татарском нашествии,
Повесть о житии Александра Невского,
«Хождение за три моря» Афанасия Никитина,
«Житие Сергия Радонежского»,
«Послание Ивана Грозного»,
«Житие Василия Блаженного»,
«Повесть о Горе-Злосчастии»,
«Житие протопопа Аввакума»,
«Древнерусская духовная лирика».

«Гринпис» с честью отступает из Антарктиды

В течение четырех лет известная международная природоохранительная общественная организация «Гринпис» содержала свою южнополярную станцию Уорлд Парк в Антарктиде. Это была единственная круглогодичная антарктическая база, не принадлежавшая кому-либо из государств.

Основной целью при ее создании было добиться, чтобы «Гринпису» предоставить статус официального наблюдателя на конференциях стран-участниц Договора об Антарктике, для этого нужно обладать такой станцией. В подобном статусе организации, к сожалению, отказано, и ее руководство рассматривает вопрос о ликвидации станции.

Демонтаж станции намечено провести так, чтобы она служила образцом бережного отношения к природе. Негативным примером стала оставленная Чилийской экспедицией ее база на Антарктическом полуострове, где представители «Гринпис», посетившие ее на своем судне «Гондвана», обнаружили свалку протекающих бочек с нефтепродуктами, загрязняющими соседнюю колонию пингвинов. По мнению представителей организации, один из главных «загрязнителей» антарктической среды — американская станция «Мак-Мердо».

Специальная группа экспертов «Гринписа» посетила также остров Кинг Джордж. В течение пяти недель эксперты изучали обстановку здесь, в наиболее плотно «заселенном» уголке этой части света: тут находятся полярные станции семи различных государств. Образцы почвы острова Кинг Джордж взяты для лабораторного анализа на определение содержания тяжелых металлов, полихлорированных бифенилов и различных микроорганизмов. Первые исследования показали, что остров сильно загрязнен.

Содержание станции Уорлд Парк обходилось в миллион долларов в год. Теперь эти деньги будут переключены на «инспекцию» других районов континента, главным образом Восточной Антарктиды, где расположены австралийские, японские и некогда основанные Советским Союзом южнополярные станции.

Замурована по собственному желанию

В душных и влажных тропических лесах Южной Азии, на островах Индо-Малайского региона и в некоторых районах Африканского континента живут своеобразные птицы-носороги, получившие свое название за довольно крупный нарост на клюве. Их сорок пять видов, и у них немало особенностей, но одна из них до сих пор не перестает удивлять наблюдателей. Свои гнезда птицы-носороги устраивают в дуплах деревьев, а иногда и в расщелинах скал. У носорогов нет определенного времени гнездования, и, как считают некоторые ученые, в связи с недостатком мест для устройства гнезда в одном и том же дупле последовательно выводят птенцов несколько пар птиц. Выбрав однажды дупло, родители будут выводить в нем потомство и впредь.

А удивление вызывает вот что. У многих видов носорогов самки... замуровывают себя в дупле и таким образом оказываются в добровольном заключении в течение четырех — шести недель, насиживая яички, а затем еще шесть недель во время выкармливания птенцов. Вначале оба родителя приступают к заделке дупла снаружи, а когда отверстие станет небольшим, самка, влетев в дупло, замуровывает его изнутри. Чем? Вот тут мнения ученых расходятся. Одни утверждают, что строительный материал подносит самец, по мнению других, самка замазывает аход своим пометом. Остается только узкая щель, через которую самец будет кормить свою супругу, а затем и птенцов. Время вскрытия дупла у разных видов различно. Самки в дупле же и линяют. Для самца период кормления птенцов и супруги очень тяжел. Бедняга валится с ног! Один из наблюдателей подсчитал, что за 10 часов самец приносил пищу 18 раз. Другой наблюдатель сообщил, что за три с половиной месяца самец принес своей супруге 24 тысячи плодов! А вот третий уверяет, что ему удалось увидеть, как один супруг (ну очень внимательный!) приносил к гнезду.. цветы! А ведь они не входят в рацион. Что бы это значило?

Тайна раскрыта

О любопытном случае рассказал на страницах американского журнала «Аляска» ихтиолог Ким Франсиско. Однажды в Управление рыболовства и охоты штата привезли и попросили опознать необыкновенную рыбу, выловленную жаберной сетью небольшим сейнером в водах штата Аляска. Рыба сочетала в себе черты рыб нескольких семейств, и Франсиско не смог ее определить. Неопознанная рыба привела к переполоху во всем рыболовном флоте штата. Никто ничего подобного никогда не видел! И только в американском городе Кетчикане с помощью книги Дж. Л. Харта «Тихоокеанские рыбы Канады» тайна была наконец раскрыта — рыба оказалась длинноносым ланцетником. Встречается она очень редко и мало изучена. Судя по немногим сообщениям, этот вид ланцетника обитает в Атлантическом и Тихом океанах, а также в Средиземном и Беринговом морях. Рыба относится к пелагическому или батипелагическому типу. Ее представители встречаются на разных глубинах — от поверхности океана до 1300 метров. Самая крупная из когда-либо выловленных рыб имела длину 2,08 метра и весила 4,54 килограмма. Длинноносые ланцетники очень прожорливы. В их желудках обнаружены морские черви, осьминоги, медузы, скорпены и даже другие ланцетники. В желудке исследуемого ланцетника нашли спинной хребет лосося, запутавшегося в ячейках жаберной сети. Любопытно, ланцетник — гермафродит, то есть каждая рыба одновременно и самец и самка. Длинноносых ланцетников находили в желудках опахов, акул, альбакоров, желтоперых тунцов и морских котиков. Иногда они попадались отдельным рыболовам. Но в жаберные сети в водах Аляски ланцетник попался впервые.

Я. Гордин

О единстве истории

(Дм. Голицын, П. Милюков, В. Ленин)

Исторические аналогии — вещь опасная. Но только в том случае, если сопоставлять события по внешнему рисунку, а не по сущностному смыслу. Можно сказать, что исторический поток течет по единому смысловому слою, который, как дно реки, своим рельефом определяет особенности поведения потока — водовороты, водопады, омуты.

Исповедуя идею абсолютной цельности истории, будучи уверен, что деление процесса на вчера и сегодня, прошлое и настоящее есть нечто вполне условное в плане историософском, я считаю возможным и насущным сопоставить два роковых события нашей истории, под которыми — в глубине — лежат принципиально сходные участки «смыслового рельефа».

Первое событие — попытка части Верховного тайного совета в стратегическом союзе и яростном тактическом противоборстве с разумной частью дворянства ввести в России конституционное правление, что в перспективе вело к радикальному изменению не только политического, но и экономического бытия. Это происходило в январе — феврале 1730 года.

Второе событие — взрыв 1917 года, предопределенный поражением конституционалистов за два без малого века до того.

То, что произошло в 1917 году, знают все хотя бы по главным чертам сюжета. Катастрофа XVIII века известна куда менее.

В ночь с 18 на 19 января 1730 года в Москве, незадолго до своей женитьбы на княжне Долгорукой, внезапно умер пятнадцатилетний император Петр II, сын убитого царевича Алексея. Возник династический кризис. Ибо дед покойного юноши-императора Петр Великий уничтожил традиционный порядок престолонаследия, и трон теперь должен был переходить от одной августейшей особы к другой по завещанию. Последствия этого деспотического акта Россия расхлебывала целое столетие — до 1825 года.

Юный император, как и его дед, умер, не успев назначить наследника. И на российский трон могли претендовать все прямые потомки царей Ивана и Петра Алексеевичей. Причем линия слабоумного Ивана была старшей.

Реальной властью в стране в тот момент обладал Верховный тайный совет, правительствующий орган, образованный при Екатерине I. После короткого обсуждения совет решил пригласить на царство дочь царя Ивана вдовствующую курляндскую герцогиню Анну Иоановну. Предложил это князь Дмитрий Михайлович Голицын.

Князь Дмитрий Михайлович был человеком огромной образованности, сильного ума и целеустремленной сосредоточенной воли. Много лет он готовился к моменту, который наступил ночью 19 января. Ведущей идеей князя Дмитрия Михайловича была идея ограничения самодержавия, введения в России конституционной монархии, представительного правления. Все царствование Петра I, занимая высокие посты, он находился в молчаливой, но упорной оппозиции к деятельности императора. И не потому, что был против европеизации России, он был куда бо́льшим европейцем, чем Петр, но потому, что его категорически не устраивала цель, к которой вел страну железный царь. Голицын рано понял опасность возникновения военно-бюрократического монстра, равнодушного к интересам народа и безжалостного в охране собственных интересов.

Князь Дмитрий Михайлович мечтал совместить парламентаризм шведского образца с исконно российскими культурными традициями.

Бедствующую в Митаве Анну князь Дмитрий Михайлович предложил потому, что рассчитывал сделать ее номинальной правительницей. Он верил, что извлеченная из своего захолустья Анна Иоанновна будет счастлива богатством и почетом и даст ему с единомышленниками радикально изменить российское государственное бытие, обеспечить надзор сословий за бюрократией, гарантировать неприкосновенность личности и достоинства дворян и мещан, значительно увеличить экономическую свободу.

Князя Дмитрия Михайловича поддержали два прославленных полководца, любимцы армии,— его младший брат фельдмаршал князь Михаил Голицын и фельдмаршал князь Василий Долгорукий.

Его готовы были поддержать и некоторые другие «сильные персоны» из военного и статского генералитета, психологически измученные своим бесправием перед лицом государей и фаворитов.

Подавив слабое сопротивление нескольких членов совета, Голицын и перешедший на его сторону знаменитый петровский дипломат князь Василий Лукич Долгорукий составили кондиции — условия, на которых Анна получала трон. Эти условия, резко ограничивающие самодержавие, были прологом конституции. Анна условия приняла.

Но князь Дмитрий Михайлович с самого начала совершил ряд тяжких ошибок. Замкнувшись в узком кругу единомышленников, не позаботившись о массовой поддержке своих идей шляхетством, средним и мелким дворянством, он оскорбил и оттолкнул тех, кто мог решительно поддержать его. Он не обнародовал обширный и стройный конституционный проект, им разработанный и предусматривавший представительство всех групп населения, кроме крестьянства. (Много позднее Милюков считал, что отмена рабства тоже входила в долгосрочные планы Голицына.)

Эта закрытость, недоверие к обществу и пренебрежение им при самых благих намерениях возбуждали подозрения в корыстном властолюбии, в намерении узурпировать власть, которых у Голицына вовсе не было. Эти подозрения возникли даже у тех, кто жаждал задуманных князем Дмитрием Михайловичем реформ.

Ошибками Голицына немедленно воспользовались сторонники восстановления самодержавия, которых возглавили умные, опытные и коварные архиепископ Феофан Прокопо́вич и вице-канцлер Остерман.

Съехавшиеся в Москву на несостоявшуюся свадьбу юного императора военные и статские чины, армейские и гвардейские офицеры разбились на множество группировок — все составляли свои проекты государственного устройства, все спорили со всеми, все не доверяли всем. Москва на несколько недель превратилась в огромный возбужденный политический клуб.

Сотни дворян, стоявших за ограничение самодержавия, но не доверявшие Верховному тайному совету, подписали конституционный проект, составленный историком Василием Татищевым. У конституционного дворянства и группы Голицына была общая стратегическая цель, а разделяли их взаимное недоверие и представления о тактике. Они медленно двигались к компромиссу, который только и мог спасти положение. Но двигались слишком медленно, истощая друг друга в противостоянии. Сторонники самодержавия оказались трезвее и мобильнее. 25 февраля 1730 года, заручившись согласием прибывшей в Москву Анны Иоанновны и перетянув на свою сторону сбитую с толку гвардию, они совершили переворот. Кондиции были разорваны, конституционные надежды перечеркнуты, самодержавие восстановлено.

Вскоре началась расправа с конституционалистами. Князь Дмитрий Михайлович умер в Шлиссельбурге. Фельдмаршал Долгорукий попал туда еще раньше своего соратника. Фельдмаршала Голицына спасла от опалы скорая смерть.

Россию ждал фавор Бирона, национальное унижение, ужесточение крепостного права, разгул доносительства, террор и беззаконие.

Роковые люди

Принципиальное сходство между реставрацией самодержавия 25 февраля 1730 и большевистским переворотом 25 октября 1917 года с неизбежностью приходило на ум мыслителям разных эпох и научных школ.

Георгий Федотов говорил о типе людей, которые «негодуют на замысел верховников» и получают в исторической перспективе «на месте дворянской России — империю Сталина».

Через несколько десятилетий американский историк и политолог Ричард Пайпс сказал в работе «Создание однопартийного государства в Советской России», анализируя победу Ленина над сторонниками демократии в Советах: «Это неожиданное и полное крушение демократических сил и их последующая неспособность отстоять свою конституционную власть напоминает поражение Верховного тайного совета в 1730 году, попытавшегося наложить на русскую монархию конституционные ограничения». Вне зависимости от точности сопоставления здесь важна сама тенденция.

История имеет для нас подлинную ценность только в силу своей цельности. Гигантская вольтова дуга, тускло горящая между двумя полюсами — 1730 годом и катастрофой начала XX века, освещает, хотя и неровно, спорадические попытки русских конституционалистов разных эпох образумить деспотическую власть и тем спасти страну и государство. Идея созыва Учредительного собрания для определения формы власти, выросшая из общественной прапамяти — из воспоминаний о земских соборах, — идея, столь важная для сознания русского человека, поблескивает на полюсе 1730 года, чтобы вспыхнуть в 1917 году и рассыпаться бессильными искрами в январе 1918-го.

Ощущение глубокого неблагополучия, опасной нелепости происходящего было доминирующим в донесениях иностранных дипломатов из Москвы на исходе царствования Петра II. Ощущение кризиса возводимой системы, явно проявившееся в «деле царевича Алексея», окрепло к 1730 году и — хотя и у меньшинства шляхетства и аристократии — привело к выраженным политическим стремлениям. Вихрь конституционных проектов разной степени исполнимости и радикальности,

возбужденные толки о республиканском устройстве, восторженные ожидания, что Россия станет «сестрицей Англии и Швеции», свидетельствуют об осознании исторического рубежа, за которым должна начаться новая жизнь.

Именно эти две предпосылки — психологическая изжитость прежних форм общественного существования и достаточно ясное представление о формах новых — есть непременное условие революции, не существенно, кровавой или мирной. Особенно важна вторая часть. Если представление о новых формах оказывается иллюзией, это приводит к историческому срыву, попыткам реставрации, массовому духовному дискомфорту и, соответственно, междоусобице.

Конституционная реформа 1730 года не состоялась, поскольку у решающей силы — гвардии — не было ощущения изжитости петровского выбора и не было сколько-нибудь ясного представления о том, как можно жить по-иному. Поэтому то, что было достигнуто в январе, гвардия через месяц перечеркнула и вернула все на свои места. Произошел реставрационный переворот с соответствующими последствиями...

В конце 1916 года ощущение изжитости старых форм существования господствовало во всех слоях и политических группировках.

Значительный деятель партии конституционных демократов князь Владимир Андреевич Оболенский писал в мемуарах: «О том, что Николай II и его приближенные ведут Россию к неминуемой гибели, уже не было разногласий между правыми и левыми, солдатами и офицерами, между простонародьем и интеллигенцией, между послами союзных держав и русскими великими князьями. Это единодушное отношение к власти особенно ярко проявилось в заседании Думы в начале ноября 1916 года, на котором я присутствовал. Это было то знаменитое заседание, на котором Милюков, приводя целый ряд фактов из деятельности властей на фронте и в тылу, заканчивал изложение каждого из них риторическим вопросом: «Что это — глупость или измена?» Эти слова были как молотом по голове, ибо они формулировали то страшное, что всех мучило... Правые и левые депутаты, журналисты, публика — все аплодировали, вскакивали со своих мест, шумели, что-то кричали, заглушая слова Милюкова».

В 1916—1917 годах всеобщим сознанием овладела та яростная жажда перемены, которая складывается только из массы однонаправленных индивидуальных стремлений. В январе 1730 года эта жажда — в ее роковой непреклонности — владела лишь князем Дмитрием Михайловичем и некоторой частью шляхетства. Этого оказалось недостаточно.

Человек совсем иного типа, чем князь Оболенский, философ Федор Степун, трезвый и до февраля аполитичный, писал: «С убийством Столыпина даже и в консервативных кругах исчезла надежда, что власть как-нибудь справится со своей «исторической задачею». Во всем чувствовался канунный час. Всем было ясно, что Россия может быть спасена только радикальными и стремительными мерами».

Но и тот, и другой принадлежали все же хоть и к разным группам, но к элите. А вот что занес в дневник 15 февраля 1917 года средней руки московский житель, выходец из крестьян Никита Окунев: «Настроение безнадежное,— видимо, все сознали, что плеть обухом не перешибешь. Как было, так и будет. Должно быть, без народного вмешательства, то есть без революции, у нас обновления не будет».

Хотя революция предчувствовалась всеми, но, как и смерть Петра II, открывшая возможность перелома, взрыв 1917 года произошел неожиданно. И, как и две сотни лет до того, после фактического исчезновения высшей власти решать проблему преемственности пришлось органу, права на то не имеющему,— Временному комитету Государственной думы, созданному тут же — по необходимости.

В момент крушения старого режима у некоторых депутатов Думы возникла идея объявить Думу Учредительным собранием. В 1730 году Верховный тайный совет именно так и поступил, взяв на себя право не только избрать монарха, но и определить форму правления. Именно эта акция — келейные решения вопросов такой важности — с самого начала подорвала репутацию совета в глазах шляхетского общенародия.

В семнадцатом году благоразумие депутатов не допустило подобного поворота. Но необходимость Учредительного собрания осознавалась неуклонно.

Несмотря на все отличия, нет в нашей истории двух эпизодов, которые были бы так близки между собой по сути, как конституционный взрыв 1730 года с последующим реставрационным переворотом и события года семнадцатого.

Отсутствие органической законности и правового начала в политической жизни России детерминировали схожие акции с разрывом в столетия.

Министры Верховного совета не сомневались в своем праве «дать России государя». Та же уверенность владела конституционалистами через двести лет. Василий Витальевич Шульгин, умный монархист, вспоминал одно из первых заседаний Временного комитета Думы, этого аналога — для того момента — Верховного совета: «Нас был в это время неполный состав. Были Родзянко, Милюков, я — остальных не помню... Мы были в своем кругу. И потому Гучков говорил совершенно свободно. Он сказал приблизительно следующее:

— Надо принять какое-то решение... В этом хаосе, во всем, что делается, надо прежде всего думать о том, чтобы спасти монархию... Без монархии Россия не может жить... Но, видимо, нынешнему Государю царствовать больше нельзя...

Родзянко сказал:

— Я должен был сегодня утром ехать к Государю... Но меня не пустили... Они объявили мне, что не пустят поезда, что бы ехать с Чхеидзе и батальоном солдат...

— Я это знаю,— сказал Гучков.— Поэтому действовать надо иначе... Надо действовать тайно и быстро, никого не спрашивая, ни с кем не советуясь... Если мы сделаем по соглашению с «ними», то это непременно будет наименее выгодно для нас. Надо поставить всех перед совершившимся фактом. Надо дать России нового Государя».

Этот разговор, происходивший ночью, в значительной степени повторение ночного совещания верховников 19 января 1730 года. То же противопоставление себя — «им», сильных персон, государственных мужей — «общенародию». В одном случае — генералитету, бюрократии, шляхетству, в другом — разнокалиберной стихии демократии. «Они» — для Гучкова левые деятели, социал-демократы. О большевиках еще речи не было.

Главное здесь — внеправовое государственное сознание.

Если сравнить мотивации, которыми объясняли свои действия те и другие персоны, то они оказываются удивительно близкими. Если князь Дмитрий Михайлович выдвигал Анну, исходя из того, что страдавшая в Курляндии принцесса, не отличавшаяся, по его мнению, сильным характером и самостоятельностью мысли, будет послушным прикрытием для конституционных реформ, то Милюков, объясняя, почему он и его единомышленники соглашались «на передачу власти монарха законному наследнику Алексею и на регентство до его совершеннолетия — великому князю Михаилу Александровичу», писал: «Мягкий характер великого князя и малолетство наследника казались лучшей гарантией перехода к конституционному строю».

Эта мотивация повторяет не только воззрения 1730 года, но и дословно совпадает с аргументацией тех декабристов, которые предлагали после победы мятежа возвести на престол добрую и болезненную вдову Александра I — Елизавету Алексеевну.

Вообще, как это ни странно, разговоры оппозиционеров XX века — предреволюционных лет — воспроизводят ход рассуждений совершенно иных времен. Историк Милюков, конечно, не мог не обратить на это внимания, восстанавливая в мемуарах планы возможного переворота, — «говорилось в частном порядке, что судьба императора и императрицы остается при этом нерешенной — вплоть до вмешательства «лейб-компанцев», как это было в XVIII веке, что у Гучкова есть связи с офицерами гвардейских полков.»

В другом месте Милюков пишет: «Что Николай II больше не будет царствовать, было настолько бесспорно для самого широкого круга русской общественности, что о технических средствах для выполнения этого общего решения никто как-то не думал. Никто, кроме одного человека — А. И. Гучкова. Из его показаний перед чрезвычайной комиссией видно, что он и сам не знал, как это совершится, так как не знал окончательной формы, в какой совершится ожидавшийся им переворот. Он не исключал и самых крайних форм устранения царя, если бы переворот совершился в форме, напоминавшей ему XVIII столетие русской истории,— в форме убийства. Он признал перед комиссией, что существовал у него и у его «друзей» «план захватить по дороге между Ставкой и Царским Селом императорский поезд...»*.

Последний план в точности совпадает с тем, что замышлял еще в ранние декабристские времена отчаянный Лунин.

Конечно же, Милюков был не глупее нас и понимал архаичность «переворотных» замыслов, восходивших к принципиально иным политическим условиям. Но на него, как и на Гучкова, давила задача, ими перед собою поставленная,—

* Об этом статья М. Барышникова «Последний дворцовый заговор в России», «Знание — сила», 1992 год, № 10.

«Знание — сила», Январь 1993

осуществить переворот, не допустив пугачевщины, анархии, кровавой самодеятельности масс. Контролировать они могли только локальное, стремительное и узкое движение. Отсюда — кажущаяся нам теперь наивной ориентация на гвардейские методы XVIII века и тактику 14 декабря.

Как в свое время верховники, оппозиционные лидеры семнадцатого года оказались в тактической ловушке. Путь, который обещал прочное овладение властью — и которым пошел Ленин,— был для них невозможен. И не только по нравственной щепетильности — это препятствие большинство политиков умеет преодолеть. Но власть, полученная «пугачевским путем», подразумевала и реализацию «пугачевских целей». А вот этого они принять не могли.

Эта особенность психологии сильных и убежденных лидеров привела и в 1730, и в 1917 годах к пагубно неточной оценке ситуации. Но непонимание того, что в действительности хочет современное им «общенародие», у сильных персон семнадцатого года оказалось еще глубже, чем у верховников.

2 марта 1917 года Милюков, лидер конституционных демократов, один из самых известных политических деятелей России, один из самых энергичных организаторов новой власти, произносил очередную речь перед революционной толпой, собравшейся в зале Таврического дворца. Он так вспоминал об этом эпизоде: «Очередь дошла до самого рогатого вопроса о царе и династии. Я предвидел возражения и начал с оговорки. «Я знаю наперед, что мой ответ не всех вас удовлетворит. Но я скажу его. Старый деспот, доведший Россию до полной разрухи, добровольно откажется от престола — или будет низложен. Власть перейдет к регенту великому князю Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей». В зале зашумели. Послышались крики: «Это — старая династия!» Я продолжал повышенным тоном. «Да, господа, это — старая династия, которую, может быть, не любите вы, а может быть, не люблю и я. Но дело сейчас не в том, кто что любит. Мы не можем оставить без ответа и без разрешения вопрос о форме государственного строя. Мы представляем его себе как парламентарную и конституционную монархию. Быть может, другие представляют иначе. Но если мы будем спорить об этом сейчас, вместо того чтобы сразу решить вопрос, то Россия окажется в состоянии гражданской войны и возродится только что разрушенный режим. Этого сделать мы не имеем права».

На первый взгляд, прогноз Милюкова относительно возрождения разрушенного режима не оправдался. Но это только на первый взгляд. На самом деле реставрация самодержавной системы в ее петровском варианте произошла достаточно скоро — в конце двадцатых годов (мы к этому еще вернемся), и гражданская война была одной из предпосылок реставрации.

Тут историк Милюков твердо заглянул в будущее. Но то, что он предложил в момент действия, и было чревато междоусобицей. Ее симптомы не замедлили появиться. «А к вечеру, в сумерках, в той же зале произошла следующая сцена. Я увидел Родзянко, который рысцой бежал ко мне в сопровождении кучки офицеров, от которых несло запахом вина. Прерывающимся голосом он повторял их слова, что после моих заявлений о династии они не могут вернуться к своим частям. Они требовали, чтобы я отказался от этих слов». Офицеры знали настроение столичного гарнизона лучше Милюкова. Они понимали, что защита опостылевшей династии может привести к самосудам над ними...

Теоретически Милюков был совершенно прав. «Парламентарная и конституционная монархия» давала наилучшие шансы на выход из кризиса. И вполне возможно, что сохранение династии в подобной системе государственного устройства было разумно. Но разум и теоретическая целесообразность никого не интересовали. Направление процесса диктовалось особым — кризисным — народным правосознанием, замешанным на элементарной справедливости. В это представление о справедливости как важная составная часть входила жажда мести за многовековые унижения, без учета последствий удовлетворения этой жажды. Ужас заключался в том, что окончательно рухнула всякая, даже формальная, связь между государственными и общественными интересами — с одной стороны, и тем, как представлял собственные интересы каждый отдельный человек в России. Разумеется, за исключением тонкого слоя, к которому и принадлежали демократические и конституционные лидеры. Но решали не они.

Внутреннее, чисто человеческое — помимо всего прочего — неприятие компромисса в социальных отношениях, в политике и общественной культуре, то самое неприятие, которое так много способствовало гибели великого замысла князя Дмитрия Михайловича, а затем и его самого, было вообще чрезвычайно сильно в русской жизни.

Умная, наблюдательная сподвижница кадетского лидера Ариадна Тыркова, спокойно рассматривая впоследствии действия конституционных демократов, специально обратила внимание на эту черту: «Кадеты и после манифеста 17-го октября продолжали оставаться в оппозиции. Они не сделали ни одной попытки для совместной с правительством работы в Государственной Думе. Политическая логика на это указывала, но психологически это оказалось совершенно невозможно. Мешала не программа. Мы стояли не за республику, а за конституционную монархию. Мы признавали собственность, мы хотели социальных реформ, а не социальной революции. К террору мы не призывали. Но за разумной схемой, которая даже сейчас могла бы дать России благоустройство, покой, благосостояние, свободу, бушевала эмоциональная стихия. В политике она имеет огромное значение. Не остывшие бунтарские эмоции помешали либералам исполнить задачу, на которую их явно готовила история,— войти в сотрудничество с исторической властью и вместе с ней перестроить жизнь по-новому, но сохранить предание, преемственность, тот драгоценный костяк, вокруг которого развиваются, разрастаются клетки народного тела... Одним из главных препятствий было расхождение между их трезвой программой и бурностью их политических переживаний».

Прежде всего надо запомнить это уникальное признание. Профессиональная политическая деятельница отнюдь не стихийного толка уверенно заявляет о приоритете психологического состояния над продуманной программой — приоритете в политической практике. Это многое объясняет и в событиях 1730 года, и в событиях года 1917.

Если либералы-интеллектуалы, каковыми были кадеты, не могли справиться с «бурностью своих политических переживаний»,— а самодержавие давало достаточно оснований для этой бурности,— то чего можно было ждать от солдатской, рабочей, разночинной массы? С этим новые лидеры, лидеры демократии, не хотели считаться, пытаясь убедить народ — для его же пользы — в правильности своей программы.

Но как бы ни был Милюков предан своей установке, он понимал, что приводимые им аргументы достаточно умозрительны и действие их недолговечно. Потому в конце цитированной речи он обратился к гипнотической идее Учредительного собрания, связанной в сознании и подсознании народа с коллективным, то есть справедливым решением общих проблем, с памятью, как правило смутной, о соборах, вече — этих выразителях воли общенародия.

Недаром же Татищев, готовый взять на себя разработку государственного устройства, тем не менее поддерживал идею шляхетского Учредительного собрания, сознавая, что только такой ход способен снять психологический дискомфорт, терзающий дворянство, оскорбленное тем, что его судьбу решают без его участия. И не важно, хорошо решают или плохо.

Голицын взорвался на той же мине, что заложил сразу после февральской победы Милюков,— на попытке решить вопрос о форме государственного строя умно и профессионально, но келейно, не учитывая настроения «общенародия».

Милюков закончил свою речь так: «Как только пройдет опасность и установится прочный мир, мы приступим к подготовке Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Свободно избранное народное представительство решит, кто вернее выразил общее мнение России, мы или наши противники». И сам же комментирует: «Признаюсь, в этом заключительном аккорде было немного логики». Логики было совсем мало, ибо главные решения были бы приняты до Учредительного собрания.

Повторялся конфликт без малого двухсотлетней давности.

Предложив оставить у власти Романовых, даже ограниченных парламентской системой, Милюков совершил страшную ошибку. Его, как в свое время князя Дмитрия Михайловича, несла слепая энергия политического заблуждения — неточная оценка политико-психологического состояния людей. Несмотря на то, что большинство кадетского ЦК высказалось за демократическую республику, Милюков не желал расстаться с мечтой о конституционной монархии, которую считал наиболее органичной и устойчивой формой правления для России. Вопреки мнению соратников он уговаривал великого князя Михаила принять престол. Совершенно непостижимым образом он считал, что монархия — необходимый «привычный для масс символ власти», без которого Временное правительство утонет, как «утлая ладья». «Милюков не хотел остановиться, не мог остановиться, боялся остановиться,— пи-

сал Шульгин об этой сцене.— Этот человек, обычно такой вежливый и выдержанный, не давал никому говорить, он прерывал всех, кто ему возражал... Белый как лунь, с синевато-серым от недосыпания лицом, совершенно охрипший от выступлений в бараках и на митингах, он отрывисто каркал».

Яростное неприятие этой идеи рабочими и солдатами заставило великого князя изменить принятое было решение. И тогда Милюков, ключевая фигура создававшегося правительства, подал в отставку. Идея была ему дороже власти. «Измученный пятью бессонными ночами, проведенными в Таврическом дворце, и окончательно выведенный из равновесия отказом в. к. Михаила Александровича, полный мрачных предчувствий, я решил отказаться от вступления в министерство», вспоминал он. Его с трудом уговорили вернуться.

Мрачные предчувствия были оправданы, но не отказом Михаила, а его, Милюкова, ошибкой, след которой потянулся за ним и усугубил резонанс второй — роковой — ошибки, выбившей его из активной политической игры.

Конечно же, нужно постоянно помнить огромную разницу между эпохами, которые мы сейчас сопоставляем, разницу между возбужденным шляхетским «общенародием» и революционными массами XX века, помнить, что масштаб московских дискуссий 1730 года не сопоставим с общероссийским шквалом, опрокинувшим имперскую структуру. Но тем не менее, со всеми необходимыми поправками, можно сказать, что и в XVIII, и в XX веке Россия решала принципиально схожую задачу — замену самодержавия конституционной представительной системой. Но если в 1730 году она до решения задачи не дотянулась, то в 1917 году она через нее перепрыгнула с разбегу, порвала естественные связи и вылетела в неограниченное фантомное бытие, из которого был только один выход — жестокая реставрация.

Надо сказать, что мемуарные свидетельства разного рода как нарочно подталкивают к сопоставлению разделенных двумя столетиями событий, выявляя даже внешнее сходство эпизодов. Измученные верховники всю ночь спорили о престолонаследии и составляли начальный документ — кондиции,— который должен был лечь в основу будущего государственного устройства, и разошлись около четырех часов утра. Князь Дмитрий Михайлович надменной волей заставил принять участие в своей смертельно опасной игре даже тех, кто этого вовсе не хотел.

Но именно эта ночь встает перед мысленным взором, когда читаешь в воспоминаниях Шульгина описание другой ночи — с 1 на 2 марта 1917 года — в Таврическом дворце, где члены комитета Думы и исполкома Петроградского совета в спорах пытались сформулировать такой же основополагающий исходный документ: «Это продолжалось долго, бесконечно... Я совершенно извелся и перестал помогать Милюкову, что сначала пытался делать... направо от меня лежал Керенский... по-видимому, в состоянии полного изнеможения. Остальные тоже уже совершенно выдохлись... Один Милюков сидел упрямый и свежий». Они закончили работу в 4 часа утра.

Тут дело, разумеется, не в случайных совпадениях, но в той атмосфере внезапного исторического сдвига, который заставляет группу деятелей взять на себя — вне права и традиции — роль вершителей судеб страны и государства и пытаться, пользуясь этим сдвигом, срочно, лихорадочно, ночью, на свой страх и риск приспособить те идеи, что пестовались годами и десятилетиями в кабинетах и политических собраниях, к самой что ни на есть живой жизни. И всегда в такой момент на пёрвый план — иногда совсем ненадолго — выдвигается фигура, которая своей последовательностью и внутренней основательностью придает надежность начатому делу. Эта надежность может вскоре оказаться иллюзорной, как было с князем Дмитрием Михайловичем и его историческим соучастником Павлом Николаевичем Милюковым. Но для начального момента присутствие такой фигуры фатально неизбежно. История отталкивается от нее, чтобы пойти своим непредсказуемым путем.

В свойствах этой фигуры концентрируются и надежда на успех, и причины поражения. Все это тем более важно, что в исторических переворотах начальный период предрекает финал.

«Милюков был тогда центральной фигурой, душой и мозгом всех буржуазных политических кругов. Он определял политику всего «прогрессивного блока», где официально он стоял на левом фланге. Без него все буржуазные и думские круги в тот момент представляли бы собой распыленную массу... Так оценивали его роль и окружающие, независимо от партий. Так и сам он оценивал свою роль... Этот роковой человек вел свою роковую политику не только для демократии и революции, но и для страны, и для собственной идеи, и для собственной личности». Это писал близко наблюдавший Милюкова современник.

Недостатки — продолжение достоинств

Многолетняя потаенная и явная политическая работа князя Дмитрия Михайловича Голицына должна была увенчаться событием, которое и произошло в реальности в январе 1730 года,— трансформацией петровской военно-бюрократической системы и конституционным ограничением самодержавия с перспективой представительного правления.

Многолетняя политическая работа Павла Николаевича Милюкова должна была увенчаться событием, которое и произошло в реальности в феврале 1917 года,— крушением империи с надеждой на введение конституционной монархии в сочетании с сильным парламентом.

Иллюзии князя Дмитрия Михайловича длились около пяти недель.

Надежда Милюкова на идеальный вариант просуществовала несколько дней — до отречения великого князя Михаила Александровича, в пользу которого отрекся перед тем Николай II. Затем около десяти месяцев, до разгона Учредительного собрания, длилась агония милюковской попытки.

Оба они не были поклонниками Учредительного собрания и предпочитали смутной воле «общенародия» точные волевые решения кружка профессионалов или вообще свои собственные.

Не только их фундаментальные государственные идеи были принципиально сходны (со всеми поправками на разность эпох), но и сходство их личных качеств наводит на простую мысль. Силовое поле истории, концентрирующее энергию миллионов индивидуальных воль, еще не сформировавших векторного направления, выдвигает сильные фигуры, носительницы положительных и радикальных идей. Эти экспериментальные фигуры, жертвуя собой, проясняют возможности действия, реалистичность этих идей в данный момент. Таков был в 1917 году Милюков. У эклектика Керенского не было ясно очерченной идеи. Таков был князь Дмитрий Михайлович. На этих фигурах проверяется уровень и характер свободы, реально воспринимаемый политически активным общенародием.

Правительство Анны Иоанновны, а через двести лет большевики, пожинали плоды этой жестокой проверки...

Подобные фигуры неизбежно обладают набором противоречивых качеств, соответствующих мучительной противоречивости момента. И, быть может, главное из них — разрыв между стратегическими и тактическими представлениями. Причем это не абсолютный разрыв, который отнюдь не мешает деятелю. Не мешало же Ленину чудовищное противоречие между декларируемым как цель всеобщим счастьем и бестрепетное причинение бесконечных страданий тем самым людям, которые в перспективе должны были обрести блаженство. Это разрыв, сознаваемый и тяжело переживаемый, на преодоление которого уходят силы, предназначенные для реализации идеи.

Личность князя Дмитрия Михайловича, бескорыстного в своем реформаторском стремлении, готового жертвовать собой ради достойного существования России, и в то же время надменного, игнорирующего не только нижестоящих людей, но и сам ход окружающей жизни; человека умного, опытного, образованного и пренебрегающего простым политическим здравым смыслом, совершающего нелепые тактические промахи; отвергающего петровскую жестокость и с трудом принимающего саму мысль о необходимости компромисса,— эта личность нам уже знакома.

В конце февраля 1917 года безжалостная история выдвинула на авансцену политика, в своих фундаментальных чертах близкого Голицыну. Что и неудивительно — нужна была «разъяснительная жертва». Попытаемся понять Милюкова-деятеля с помощью нескольких свидетелей — близких ему политических соратников и людей, стоявших поодаль, но внимательно за ним наблюдавших.

Павел Николаевич Милюков, сын разночинца и дворянин, не мог в отличие от князя Дмитрия Михайловича похвалиться знатностью. Но, как и князь Голицын, он был надменен.

У князя Дмитрия Михайловича надменность и пренебрежение к окружающим вырастали из сознания родовых заслуг. У Милюкова — это от высокой интеллектуальной самооценки и от пренебрежения к человеку вообще. Знаток русской истории, он с трудом замечал человека.

Эта «холодность» Милюкова, о которой пишут многие, в значительной степени определяла его политический стиль.

Оболенский в мемуарах посвящает немало страниц именно политическому стилю Милюкова, прекрасно понимая, какую роль сыграл этот стиль в предреволю-

ционной общественной жизни: «Милюков в своей политике исходил исключительно из «ума холодных наблюдений», как шахматист за шахматной игрой. Холодный и рассудочный, он лишен был не только порывистости собственной души, но и чуткости в понимании чужих эмоций». Очевидно, этот коренной изъян Милюкова-политика, лидера одной из влиятельнейших легальных партий, пагубно сказался на всей деятельности партии.

Как ни дико может это прозвучать, ясные представления об историческом процессе русского прошлого, изученность механизма былых событий трагически мешала Милюкову, пытавшемуся наложить рационально оформленный опыт на бушевание живых, диких, мятущихся сил. Его систематизирующий ум историка не справился с необходимостью парадоксальных импровизаций. «Милюков был бы прекрасным премьер-министром английского конституционного правительства и руководителем внешней и внутренней политики конституционной Англии,— пишет Оболенский,— ...в России же не был в состоянии повлиять на происходившие события, ибо не ощущал биения горячечного пульса своей страны и не обладал необходимой для политика революционного времени интуицией».

А теперь сравним характеристику, данную Милюкову Оболенским, с другой, данной другим умным и наблюдательным свидетелем другой ключевой фигуре 1917 года. Рассказывая в мемуарах о съезде Советов, Федор Степун с восторженной подробностью описал выступление своего страшного антипода — Ленина. Поскольку Ленин был в равной степени антиподом и Милюкова, и, как ни странно это может прозвучать, князя Дмитрия Михайловича, есть смысл воспроизвести эту обширную характеристику. Тем более, что Ленин все еще остается для нас личностью вполне легендарной, мифологизированной. А понимание истинной разницы между Лениным, который был отнюдь не исчадием ада, но, что гораздо страшнее, торжествующим протуберанцем национального духовного кризиса, и русскими деятелями разных эпох, пытавшимися вернуть страну на естественный, здоровый путь,— это понимание в недалеком будущем станет одним из краеугольных камней нашего понимания трагедии 1917 года. Но до цитирования скажем, что Ленин как политик противостоит классическому типу русского реформатора-прогрессиста — Василию и Дмитрию Голицыным, Сперанскому, Киселеву. Это противостояние с ослепительной резкостью выявилось в период революции, когда реформаторам либерального толка пришлось вступить в смертельную игру, где все решало настроение человеческих масс.

Так, князю Дмитрию Михайловичу недурно удавались его сложные и далеко идущие политические комбинации — как, например, использование Верховного тайного совета для ограничения самодержавия,— но почва уходила у него из-под ног, когда он оказывался в разомкнутой сфере политической борьбы, заполненной хаотическим движением даже такой ограниченной массы, как шляхетское общенародие.

Ленин с его философским дилетантизмом и поверхностными, но хваткими историческими аналогиями как практический политик настолько же превосходил либералов-реформаторов, одним из лидеров которых был Милюков, насколько Петр I превосходил в политической борьбе европеизированную формацию с ее лучшими представителями Василием и Дмитрием Голицыными.

В Ленине был могуч тот наступательный прагматизм, который помог Петру быстро создать своего государственного монстра. «Если Петр старался вводить в Россию европейскую цивилизацию, то его прельщала более ее внешняя сторона,— писал Михаил Александрович Фонвизин.— Дух же этой цивилизации — дух законной свободы и гражданственности — был ему, деспоту, чужд и даже противен. Мечтая перевоспитать своих подданных, он не думал вдохнуть в них высокое чувство человеческого достоинства, без которого нет ни истинной нравственности, ни добродетели. Ему нужны были способные орудия для материальных улучшений, по образцам, виденным им за границей...»

А теперь сравним это с ленинским текстом, несколько слов из коего так любят цитировать его последователи, свирепо корежившие страну: «Пока в Германии революция еще медлит «разродиться», наша задача — учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства».

Но главное — Ленин обладал гениальной способностью слияния с массой на самом элементарном уровне, хотя он отнюдь не был интеллектуально элементарен. Любые политические принципы он мог без всякой внутренней ломки совместить с сиюминутными народными устремлениями этого бытового уровня. Его методы борьбы за власть вырастали из требований этой стихии, не отягощенной ни этическими ограничениями, ни политической и экономической логикой. Побуждения, которые двигали массами в тот момент, основывались на самых общих представлениях о справедливости, далеко не во всем совпадающих с реальными возможностями любой власти. Но до момента овладения властью Ленин — в отличие от своих противников — действовал как апостол этой почти биологической справедливости. Все это очевидно из пристального описания, сделанного Степуном. «Первое впечатление от Ленина было впечатление неладно скроенного, но крепко сшитого человека. Небрежно одетый, приземистый, квадратный, он, говоря, то наступал на аудиторию, близко подходя к краю эстрады, то пятился вглубь. При этом он часто, как семафор, вскидывал вверх прямую, несгибающуюся в локте правую руку.

В этом хмуром, мелко умятом под двухэтажным лбом русейшем, с монгольским оттенком лице, тускло освещенном небольшими, глубоко сидящими глазами, не было никакого очарования; было в нем даже что-то отталкивающее. Особенно неприятен был жесткий, под небольшими подстриженными усами брезгливо-презрительный рот.

Говорил Ленин немузыкально, отрывисто, словно топором обтесывая мысль. Преподносил он свою серьезную марксистскую ученость в лубочно-упрощенном стиле. В этом снижении теоретической идеи надо, думается, искать главную причину его неизменного успеха у масс. Не владея даром образной речи, Ленин говорил все же очень пластично, не теряя своеобразной убедительности даже при провозглашении явных нелепостей.

Избегая всякой картинности слова, он лишь четко врезал в сознание слушателей схематический чертеж своего понимания событий. Содержание ленинской речи произвело на всех присутствующих, не исключая и некоторых большевиков, впечатление какой-то грандиозной нелепицы. Тем не менее его выступление всех напрягло и захватило.

Многочисленные враги Ленина чаще всего рисуют его начетчиком марксизма, схоластом, талмудистом, не замечая того, что, кроме марксистской схоластики, в Ленине было и много бакунинской мистики разрушения. Быть может, Ленин был на съезде единственным человеком, не боявшимся никаких последствий революции и ничего не требовавшим от нее, кроме дальнейшего углубления. Этой открытостью души навстречу всем вихрям революции Ленин до конца сливался с самыми темными, разрушительными инстинктами народных масс. Не будь Ленин самой ухваткой своих выступлений того разбойничьего присвиста, которым часто обрывается скорбная народная песнь, его марксистская идеология никогда не полонила бы русской души с такой силою, как оно, что греха таить, все же случилось».

Так все и было до момента захвата власти. Там уже пошло иное, но в данном случае нас не интересующее.

Между ситуациями 1730 и 1917 годов есть огромная разница, но есть и серьезное сходство. Тяжба свободы и рабства, вершившаяся в 1730 году, после Февральской революции оказалась как бы перевернутой. Инстинкт свободы, конечно же, существует в человеке. Но для его положительной реализации требуется интеллектуальное усилие, осознание конструктивности этого инстинкта. Для подчинения инстинкту рабства никакого усилия не требуется. За свободу нужно бороться. Рабству можно подчиниться.

Вне этого осознания, вне этого усилия торжествующий инстинкт свободы с неизбежностью чреват новой стадией рабства.

В 1730 году шляхетское общенародие, включая гвардейское офицерство, не решилось на осознание и подавило в себе инстинкт свободы. В 1917 году мятежные массы в полной мере выплеснули этот инстинкт, но не сумели осознать его как начало конструктивное. «Мистика разрушения», о которой говорит Степун, не перешла органично в логику созидания. Ложная логика имперского созидания, восторжествовавшая в 1730 году, мертвая дисциплина военно-бюрократической системы исказили народное сознание и создали эффект слепого отталкивания от всего, что хоть как-то их напоминало.

Ленин гениально воспользовался этим эффектом.

Милюков не хотел его учитывать. Керенский занимал промежуточную позицию, вполне гибельную именно по причине ее промежуточности.

Оболенский, вспоминая Милюкова, очертил вообще тип подобного политика,

для русского реформаторства характерный, что во многом объясняет постоянную победу то охранительской, то революционной идеи над идеей реформаторской: «...С юности выработав в себе прочное мировоззрение и в соответствии с ним построив свои политические идеалы, он всю жизнь честно стремился к их достижению, но его холодный ум не только не был в состоянии увлекаться иллюзиями, которыми увлекались другие, но с этими увлечениями он попросту не считался. Он шел к своим целям теми путями, которые подсказывались ему оценкой объективного положения вещей и исторических фактов и которые были бы вполне правильны, если бы не находились в противоречии с преобладавшими настроениями общества и народа, считаться с которыми он не умел и не хотел».

Важно заметить, что проницательный Оболенский говорит здесь не о целях, а о путях их достижения. Цели и князя Дмитрия Михайловича, и Сперанского, и Милюкова были истинными для России. Цели Петра, Остермана, Ленина, при всей их кажущейся разнице,— фантастическими и губительными. Но эти утописты умели выбрать реальный путь к нереальной цели, и потому проблема власти решалась ими успешно. Реформаторы же пытались идти к здравой цели утопическим путем, игнорируя «иллюзии», которыми была увлечена в соответствующий момент человеческая масса. И не дотягивались до власти, получив которую в достаточном объеме, они могли бы доказать свою правоту.

Владимир Андреевич Оболенский, в бóльшей степени человек, чем профессиональный политик, спокойно обдумывая через много лет причины российской катастрофы, замечательно проиллюстрировал эту убийственную черту русских реформаторов-прогрессистов: «...Вся конституционная тактика Милюкова, при помощи которой он рассчитывал принудить правительство к уступкам, ни к чему не привела, ибо конституционный монарх Николай II (после известного манифеста 17 октября 1905 года.— *Я. Г.*) продолжал считать себя самодержцем. Последним усилием Милюкова на пути его конституционной борьбы был созданный по его мысли прогрессивный блок. Но, оказавшись бессильным в конституционной борьбе, прогрессивный блок, невольно втянутый в борьбу с монархом, сделался одним из факторов революции, которую его создатель и лидер хотел предотвратить. Овладение проливами, соединяющими Черное море с Средиземным, было жизненной задачей для России. Милюков был прав, ставя эту задачу одной из целей вспыхнувшей мировой войны. Но он продолжал настаивать на этой цели в качестве министра иностранных дел во время революции, когда русская армия была уже не способна продолжать войну. Между тем следствия его патриотического упорства были печальны: ему самому пришлось уйти из состава Временного правительства, а его иностранная политика дала благоприятную почву для демагогической пропаганды большевиков против войны и «империалистической буржуазии». И далее, во время гражданской войны он поддерживал диктатуру Деникина, которая гибла от внутреннего разложения, вел переговоры с немцами об оккупации русских столиц перед полным разгромом немецких армий, а за границей образовал эмигрантскую республиканско-демократическую группу, совершенно чуждую психологии как большинства русской эмиграции, так и настроениям выросшей в России под властью большевиков молодежи».

Это именно тот тип политики, умной в общеисторическом смысле и провальной в конкретных обстоятельствах, которую вел в решающие недели и князь Дмитрий Михайлович.

Остерман и Прокопович, строители мертвой машины, в действии были гораздо ближе к принципам живой жизни, чем Голицын, взыскующий государственной органики.

Свирепый утопист Ленин по пути к достижению безумной цели умел сливаться с иррациональной стихией народных устремлений, то есть был тактическим реалистом.

Трезвый Милюков, тонко учитывая обстоятельства, демонстрируя готовность к самым крутым маневрам, действовал над стихией. «Считая себя реальным политиком, он во всех своих политических зигзагах исходил из соображений о том, в чем в данный момент нуждалась Россия. И соображения эти были вполне логичны. Но политика — не шахматная доска, на которой бездушные деревянные фигурки двигаются исключительно по воле игроков. И строго обдуманные шахматные ходы Милюкова сплошь да рядом оказывались неудачными вследствие сопротивления одушевленных фигурок... Понятно, что этот крупнейший человек и дальновидный политик в течение своей полувековой политической деятельности систематически терпел неудачи. Русская жизнь с ее кипучими страстями постоянно выбивалась из рамок его политических расчетов».

Государственные проекты и политические комбинации Голицына и Милюкова существовали в пределах здравой политической логики.

Демиургические замыслы Ленина своим размахом опрокидывали все разумные ограничения, но в этом богоборческом размахе содержалась своя религиозность, мощно воздействовавшая на людей. «В июне 1917 года,— заканчивает Степун свой рассказ,— мало кому было ясно, насколько легче революции входят в логику своего безумия, чем в разум своей истины».

Россия пожинала плоды столетий ложной государственной разумности, государственной дисциплинированной религиозности, тупо подавляемого инстинкта свободы, дошедшего до того состояния смертельно напряженной пружины, когда выброс высвобожденной энергии ломает остатки и без того распадающейся духовной структуры народа.

Здесь требовалась новая религиозность.

Говоря о нелепости рассуждений Ленина, Степун тем не менее заметил: «Ленину с большим ораторским подъемом и искренним нравственным негодованием возражал сам Керенский. С легкостью разбив детски примитивные положения Ленина, он все же не уничтожил громадного впечатления от речи своего противника, смысл которой заключался не в программе построения новой жизни, а в пафосе разрушения старой». Он боролся при помощи классической логики с тем, что существовало по совершенно иной логике.

Философ Федор Степун объяснял глухоту кадетов их западничеством. Но Ленин был не меньший, а то и больший западник, чем историк Милюков с его вкусом к плоти русской истории. Причины, по которым на короткий, но решающий момент основная масса активных русских людей предпочла Ленина Милюкову, лежали глубже.

Отчасти этот трагический парадокс объяснял Бердяев: «...Русская революция сразу же обнаружила страшный раскол между верхним культурным слоем и народными массами. Культура этого верхнего слоя была чужда народу. Народ перешел от наивной православной веры, в которой не вполне еще были преодолены языческие суеверия, к наивной материалистической и коммунистической вере. В революции произошел срыв русской культуры, перерыв культурной традиции, которого не произошло, например, во Французской революции. Произошло низвержение культурного слоя». Добавим: этого не произошло ни в одной великой революции — не только во Французской, но и в английской, и в нидерландской, — ибо ни одной революции не предшествовало ничего, подобного петровской реформе, созданию принципиально антинародного государства.

Кадеты в политической практике следовали традиции послепетровской политической культуры, составлявшей часть русской культуры верхних слоев. В этой традиции, согласно государственным принципам Петра, игнорирующим интересы народа вообще и отдельной личности тем более, доминировал патерналистский элемент. Противник первого императора, князь Дмитрий Михайлович, радея о благе России как жилища людей, а не фундамента государственной машины, тем не менее выломиться из этой петровской традиции не смог.

В 1917 году, когда максимализировались все процессы, произошел, как совершенно точно пишет Бердяев, срыв, и в результате прежняя традиция взаимоотношений с народом, которую при всей новизне идей исповедовали кадеты, народом вообще перестала восприниматься.

Ленин же в период борьбы за власть предложил новый стиль, новый метод — антипатерналистский, демагогически выдвигающий на первый план «революционное творчество масс».

Ленин был новатор по отношению ко всем предшествующим и современным ему русским политикам. Ибо, как пишет Степун, «Ленин, в одиночестве думавший о революции, уже жил массовой психологией». Тогда как и декабристы, и народники, вплоть до эсеров, не говоря уж о либеральных партиях, были ориентированы на свое представление о народе и действовали в соответствии с этими представлениями.

Ленин в решающие моменты вживался в особые, перевернутые по отношению к повседневным этическим постулатам представления революционной массы и безоговорочно принимал ее восприятие справедливости, ее мировосприятие. «Ленин удивил всех предложением немедленно же арестовать несколько сот капиталистов, дабы сразу прекратить их злостную политическую игру, и объявить всем народам мира, что партия большевиков считает всех капиталистов разбойниками»,— вспоминает Степун уже упомянутое выступление вождя на съезде Советов.

Ленин до захвата власти шел за настроениями масс. Милюков, находившийся после Февраля фактически в том же положении, поскольку власть Временного правительства была весьма условной, оставался верен своим обычным представлениям и своей вчерашней программе.

В послепетровской России привилегированные слои, занимавшиеся политикой, не воспринимали свободу в ее универсальном смысле. Это было прямым следствием «европеизации по-петровски», а не собственно европейской традиции. Как не было это и национальной русской традицией. В народной идеологии «свобода — воля» универсальна и индивидуальна, она не скована, не ограничена социальными, сословными групповыми границами.

В послепетровской России свобода воспринималась политически активными слоями сугубо иерархически. Отсюда множественность антагонистических или полуантагонистических уровней общественного бытия, так пагубно сказавшаяся и в 1730, и в 1917 годах.

Ленин, вступив в действие весной семнадцатого года, произвел радикальный переворот в психологическом взаимоотношении политики с массами, сведя число антагонистических уровней до минимума. Он объединил основную часть иерархической системы — «все капиталисты разбойники», а кто не с нами, тот прислужник разбойников,— и разом исключил всю эту категорию из сферы общественного правосознания, поставив ее вне закона. И вместе с тем в своих обращениях объединил весь «трудовой народ» в безусловной универсальной свободе (дифференциация началась после захвата власти).

Для Милюкова, при всем его бескорыстном народолюбии, народ был объектом политического воздействия — младшим братом. Таким образом, уровень свободы на первом этапе для него, Милюкова, оказывался один, а для народа — другой. Теоретически он был прав, но второго этапа не наступило.

Ленин, как мы видели, строил систему отношений принципиально иначе, он отдавал массе всю инициативу, стимулируя и оформляя ее, беря усилие осознания на себя.

Временное правительство оказалось в положении верховного тайного совета, пропустив момент компромисса с общенародием. И как в свое время князь Дмитрий Михайлович надменной неуступчивостью и преданностью своей идее создал повод для кризиса, так и Милюков в апреле семнадцатого года подобным образом спровоцировал кризис, который так и не разрешился до октября. «...Возглавляемые профессором Милюковым умные, образованные и деятельные «кадеты», в руки которых сразу же попало министерство иностранных дел, были слишком западниками-позитивистами, чтобы считаться в своей реальной политике с таким невесомым фактором, как нравственно религиозное убеждение простого народа. Всенародную мечту о мире они сразу же взяли под подозрение...» Степун имел право говорить так. Не только сильно думающий философ, но и боевой офицер-артиллерист, он делил с солдатской массой военный ужас и знал ее настроения лучше политиков.

Милюкова и Временное правительство, да и все дело Февраля, погубило нежелание и неумение быстро закончить войну или хотя бы обнадежить на этот счет истерзанную и изможденную армию. Эта же проблема была главной причиной разногласий между Временным правительством и Советом, в то время как в первые месяцы компромисс этих двух держателей власти был вполне возможен, ибо Совет еще не был большевистским, а Ленина в России не было!

Более гибкие соратники Милюкова это видели. Оболенский вспоминал: «...Как сильный и властный человек, он (Милюков.— *Я. Г.*) занял во Временном правительстве... наиболее непримиримую позицию в борьбе с Советом... в вопросе о проливах, чрезвычайно осложнявшую отношения правительства с Советом рабочих и солдатских депутатов».

Не станем здесь вдаваться в анализ содержания вызвавшей бурю ноты Милюкова от 18 апреля. Историки спорят, что́ именно привело к первому кризису между Временным правительством и революционизированным населением России — намерение продолжить опостылевшую войну или империалистические тенденции, требование «аннексий и контрибуций». Важно то, что вполне последовательная позиция «сильного и властного» министра иностранных дел взорвала слабое равновесие между правительством и Советами, дала большевикам выразительный материал для агитации, спровоцировала первые уличные столкновения между сторонниками и противниками правительства, во время которых пролилась первая кровь, и тем самым предопределила дальнейший катастрофический ход событий.

Глас разумного среднего слоя, Никита Окунев, уже нам знакомый, записал в дневник 21 апреля: «Действительно, Милюков заварил такую кашу, которую ни ему, ни всему правительству не расхлебать». Он не подозревал, какое тягостное пророчество содержалось в его словах.

В воспоминаниях наблюдательной и проницательной Тырковой есть текст, замечательно характеризующий тот привлекательный и достойный, но неудачливый от бескомпромиссности тип политиков, к которому принадлежали и Голицын, и Милюков: «...В нем (Милюкове — *Я. Г.*) было упорство, была собранность около одной цели, была деловитая политическая напряженность, опиравшаяся на широкую образованность. Он поставил себе задачей в корне изменить государственный строй России, превратив ее из неограниченной самодержавной монархии без конституции, в государство правовое. Он был глубоко убежден в исторической необходимости такой перемены, но она должна была быть связана с его, Милюкова, политикой, с ним самим. Его личное честолюбие было построено на принципах, на очень определенных политических убеждениях. Если бы ему предложили власть с тем, чтобы он от них отказался, он, конечно, отказался бы от власти».

Тут можно бестрепетно заменить фамилию, и мы получим точную характеристику князя Дмитрия Михайловича. Дело не только в принципиально совпадающей при всех, разумеется, коррективах генеральной жизненной задаче. Связь двух политиков-реформаторов органичнее — она лежит в сфере собственно личности и личного мировосприятия и самовосприятия в мире. А отсюда и политический стиль. Это прежде всего единство личности и ведущей идеи. Князь Дмитрий Михайлович, как мы знаем, мог обладать значительной властью в самодержавной России Анны Иоанновны, обязанной ему восшествием на престол. Но он рискнул всем, чтобы получить другую власть, в других условиях. Власть для него не была самоценна.

Вопрос о самоценности власти — один из ключевых вопросов при оценке и классификации политиков. Князь Дмитрий Михайлович после провала конституционного порыва, к которому он готовился полжизни, фактически самоустранился. Власть была ему не нужна даже в том случае, если бы Анна оказалась натурой широкой и не держала на него зла. Милюков ушел в отставку, когда понял, что не в состоянии реализовать свою идею в конкретных условиях.

Ленин, великий прагматик, вовсе не был, вопреки своей репутации, фанатиком идеи. Он был фанатиком власти. Разумеется, он не был просто беспринципным властолюбцем. Он, как уже говорилось, был человеком крупным с опасно искаженным мессианским сознанием — демиургом, строителем мира. Но сколько-нибудь четкого представления о мире, который он призван построить, у него не было (в отличие от великого Петра, мечтавшего о могучей русской деспотии в регулярной и аккуратной голландской форме и представлявшего себе результат своей титанической деятельности даже пластически).

Ленин был неукротимым импровизатором, а власть была тем непременным условием, которое давало возможность демиургических импровизаций. Власть шла впереди стратегической идеи и добывалась путем реализации множества идей тактических. И здесь Ленину нет равных.

Все трое — Голицын, Милюков и Ленин — не были поклонниками идеи собора — Учредительного собрания, этого общепримиряющего выхода из кризиса. Но если фанатики идеи — Голицын и Милюков — готовы были, скрепя сердце, отдать судьбу идеи общенародию, то Ленин — фанатик власти — передать тому же общенародию уже захваченную власть не мог даже под угрозой большой крови.

И вся потенция насилия, скопившаяся после неудачных порывов к свободе — в 1730 году, в начале царствования Екатерины II, в 1825 году, в 1860-е годы,— вся потенция деспотического насилия, стократ усугубленная обидой и горечью обманутого народа, извергласъ небывалым по жестокости, длительности и коварству террором после 5 января 1918 года, после разгона Учредительного собрания.

Учредительное собрание — похороны идеи

Гениальные мастера овладения властью и удержания ее — Петр и Ленин,— получив власть, немедленно же столкнулись с упорным сопротивлением, и репутации их приобрели в сознании противников схожие очертания.

Неоднократно уже цитированный — по причине честного и ясного взгляда на события — Федор Степун писал о первых месяцах после октябрьского переворота: «...Православному сознанию и исповедничеству большевизм представ-

лялся не началом истории, а ее концом, не утреннею звездою грядущего светлого царства, а вечернею зарею запутавшегося в грехах мира. Многие ощущали Ленина антихристом и ждали Божьего суда».

Далее, излагая взгляды Бердяева 1920 года на революцию, еще до эмиграции, когда Бердяев и Степун жили близкой духовной жизнью, свободной жизнью среди несвободы и насилия, Степун свидетельствовал: «Объяснение неорганического, сверх всякой меры разрушительного характера нашей революции Бердяев искал в том, что Россия не сумела своевременно пробудить в себе мужское начало и им творчески оплодотворить народную стихию. Уж очень долго она невестилась, ожидая жениха со стороны: то призывала древнего варяга, то современного немца и кончила чужеплеменным Марксом.

Явлением одновременно и своим, и мужественным был в России только Петр Великий. Но этот муж оказался насильником, изуродовавшим женскую душу России. Народ нарек его антихристом, и даже порожденная его реформами интеллигенция сразу же подняла знамя борьбы против созданного им на западный лад государственного механизма».

Я сознательно обратился к пересказу Степуна, а не к текстам самого Бердяева. Степун пересказывает соображения Бердяева полемически, но с явной симпатией. Очевидно, сближение «революции Петра» (Пушкин) и революции Ленина было тогда в их кругу общим местом.

Петр и Ленин воспринимались верующими людьми как антихристы.

В истории как процессе взаимодействия множества личностей, а в частности в политике, все в конечном счете упирается в проблему справедливости. Христос — воплощение справедливости. Антихрист — несправедливости. Тотальный разбой, который проповедовал Ленин до захвата власти, миллионами людей был принят за осуществлеиие справедливости.

Почему?

Одна из могучих движущих сил русской истории — обида. Народная обида на власть имущих и этих власть имущих окружающих.

Блок — с его обостренным, почти паталогическим восприятием стихийных процессов — записал в дневник 6 января 1919 года: «Я любил прогарцевать по убогой деревне на красивой лошади; я любил спросить дорогу, которую знал и без того, у бедного мужика, чтобы «пофорсить», или у смазливой бабенки, чтобы нам блеснуть друг другу мимолетно белыми зубами... Все это *знала* беднота. Знала она это лучше еще, чем я, сознательный. Знала, что барин — молодой, конь статный, улыбка приятная, что у него невеста хороша и что оба — господа. А господам — приятные они или нет — постой, погоди, ужотка покажем. И показали. И показывают».

Он писал это по поводу бессмысленного сожжения барских усадеб и в том числе его Шахматова. Он верно понимал причины происходящего: глубочайшая, в глубину веков уходящая обида и неверие «господам», чужим, непонятным, коварным...

Народная обида нарастала равномерно и неуклонно. Правительства делали слишком много для того, чтобы эту обиду усугублять.

Последовательные ограничения прав не только давили крестьянина экономически, но и жестоко оскорбляли по-человечески, разрушая его, основанное на понятии справедливости христианское самосознание. Это разрушение откровенной и торжествующей несправедливостью христианского самосознания русского человека дало столь страшные результаты и в революционные месяцы, и в годы гражданской войны, и в период большевистского террора против сограждан и против церкви. Историк Иван Дмитриевич Беляев — человек, не только прекрасно знавший, но и живо чувствовавший трагическую историю русского крестьянства,— говорил: «По смерти Петра Великого... в какие-нибудь тридцать пять лет владельческие крестьяне и кабальные люди, еще не совсем слитые с полными холопами при Петре Великом, так сравнялись с ними, что уже составили одно безразличное крепостное состояние, утратившее почти все права личности».

Важнее всего последнее — права личности, утрата коих переживалась крестьянином болезненно, меняя его мировосприятие.

Указом от 25 октября 1730 года свежесформированное правительство Анны запретило боярским людям, монастырским слугам и крестьянам приобретать недвижимые имения и в городах и в сельской местности. Еще через несколько месяцев крестьяне лишены были прав вступать в подряды и откупа. Власть подрубала остатки экономических корней простонародного самостояния.

Вместе с тем продолжалась ликвидация и остатков гражданских прав крестьян. Беляев подвел итог предательству власти 1730—1740-х годов по отношению к своему народу: «Страшно за бедняков: их ничто не спасает от неволи, к ним нет ни доверия, ни пощады, их не спрашивают, будут ли они платить подушную подать, а прямо требуют, чтобы они шли в крепость к тому, кто их примет и обяжется платить подушную подать! Самое рабство они должны считать милостью: им негде и головы преклонить, закон торжественно отрицает их личность и свободу, как будто бы тесна сделалась пространная русская земля, как будто бы уж так много было рабочих рук, что все промыслы и занятия были разобраны, что вольному человеку и подушных негде заработать, и волей-неволей бедняк из платежа подушных должен был идти в солдаты или искать как милости, чтобы кто-либо взял его к себе в вечное рабство и обязался платить подати».

Это было последовательное развитие уничтожения личных прав и абсолютизирование прав государства, стремление гвоздем закона каждого прибить к месту и заставить делать то, что желает система. Так усложняли и выводили все выше и выше вавилонскую башню государства, убивая душу в конкретном человеке.

С сороковых годов восемнадцатого века право владеть рабами-единоверцами окончательно стало привилегией дворянства. И большинство дворянства радостно пошло на это, не понимая, какую ужасную участь оно готовит себе в исторической перспективе: «Господам — приятные они или нет — постой, погоди, ужотка покажем».

Указом от 4 декабря 1747 года помещикам дано было право продавать крестьян для отдачи в рекруты.

Указом от 23 декабря 1760 года помещики получили право по своему усмотрению ссылать своих крестьян в Сибирь.

Беляев комментирует: «Таким образом, свободные бедняки вследствие правил второй ревизии, во избежание от военной службы и ссылки в Сибирь поступившие в крепость к помещикам, из платежа подушной подати, по настоящим указам не избегали ни солдатства, ни ссылки на поселение, только уже не по распоряжению правительства, а по воле помещика. Помещик же с приобретением таких привилегий, получив полную власть над крепостными людьми, торговал ими как товаром, продавал в рекруты, ежели находил выгодных покупщиков, а платеж подушной подати за проданных разлагал на остальных крестьян; если же какой крепостной в рекруты не годился, того ссылал в Сибирь и получал за него рекрутскую квитанцию, а за детей его деньги, да при том имел право оставить детей у себя...»

В самое либеральное время царствования Екатерины, как мы знаем, помещики получили право своей волей отправлять крепостных не просто в Сибирь на поселение, но на каторгу, а в августе 1767 года крепостных сделали не только бесправными, но и безгласными: «А буде по обнародовании сего указа которые люди и крестьяне в должном у помещиков своих послушании не останутся и недозволенные на помещиков своих челобитные, а наипаче в собственные руки императрицы, подавать отважатся, то как челобитчики, так и сочинители сих челобитен, наказаны будут кнутом и прямо сошлются в вечную работу в Нерчинск с зачетом их помещикам в рекруты».

И когда сегодняшние наши монархисты и державники толкуют о славном царствовании Екатерины, то не грех бы им, народолюбцам, помнить о том, что делали со своим народом российские государи, и Екатерина в частности, и отчего возникали русские бунты со всей их беспощадностью.

Крестьянская реформа 1861 года, безусловно, великая, но запоздалая и воспринятая крестьянством как несправедливая, не сняла — это доказал 1917 год — ненависти мужика к господам, власти, ко всему образованному слою.

Ленин понял народную обиду — и крестьянскую, и рабочую,— но понял ее **корыстно**, не сочувствуя, но используя в своих политических интересах. Это выявилось немедленно после захвата власти.

Восприятие Ленина как антихриста, даже если не перейти с чисто религиозной почвы на почву христианской этики, имело фундаментальный смысл. По раннехристианской традиции антихрист должен обладать гениальной способностью к мистификации, к мимикрии, к **имитации** сочувствия и сострадания. Раннехристианские мыслители считали, что антихрист до своего торжества неразличимо имитирует Христа как носителя справедливости, но только после победы являет свое истинное лицо.

Великий Ефрем Сирин проповедовал об антихристе: «Он примет вид истинного пастыря, чтобы обмануть стадо... Представится смиренным и кротким, врагом неправды, сокрушителем идолов, великим ценителем благочестия, милостивым покровителем бедных, необычайно прекрасным, кротчайшим, ясным со всеми.

И во всем этом под видом благочестия будет обманывать мир, пока не добьется царства». Но как только власть в его руках, «...теперь он уже не благочестив, как прежде, не покровитель бедных, а во всем суров, жесток, непостоянен, грозен, неумолим, мрачен, ужасен и отвратителен, бесчестен, горд, преступен и безрассуден...»

Единственным гарантом справедливости во взаимоотношениях народа и власти может быть только представительное правление. Земские соборы на Руси далеко не всегда выполняли эту функцию, но развитие тенденций сословного государства в перспективе могло к этому привести.

Петр пресек эту тенденцию. Мечта осталась. Декабристы после победы планировали созвать Собор из представителей всех сословий, который решил бы судьбу России. Народовольцы надеялись, что после убийства царя взволновавшийся народ заставит ужаснувшуюся власть созвать народный Собор.

В XX веке Дума не заметила в сознании разных слоев идею Собора — Учредительного собрания.

Наших дедов мечта невозможная,
Наших героев жертва острожная,
Наша молитва устами несмелыми,
Наша надежда и воздыхание —
Учредительное собрание.

Когда Зинаида Гиппиус писала эти строки, то они содержали в себе отнюдь не только поэтическую фигуру.

В марте 1917 года, после свержения самодержавия, в России не было политического проекта популярнее, чем созыв Учредительного собрания.

Исключение составляли большевики. 18 марта газета «Социал-демократ» писала: «Последние дни в России, по крайней мере на словах, нет противников Учредительного собрания... Обыватель, крестьянин и порой отсталая рабочая масса полагают, что в один прекрасный день соберется долгожданное Учредительное собрание и устроит порядок на русской земле. Словом, обыватель уподобляется старухе из стихотворения Некрасова, которая, лежа на печи, шепчет: «Вот приедет барин, барин нас рассудит»... Нет! Народовластие не может быть установлено большинством голосов в Учредительном собрании. Надо отказаться от подобных конституционных иллюзий».

Другая радикальная партия, эсеры, в большинстве своем занимала иную позицию. Один из эсеровских лидеров писал: «Для нас Учредительное собрание, созванное на основе всеобщего избирательного права, представлялось тем фокусом, куда сойдутся лучи истинной русской воли, где наконец народ найдет покой, доверив Учредительному собранию свою судьбу, в полном убеждении, что оно сумеет и захочет сделать героическое усилие в области творчества для создания нового правого строя... Мы были уверены, что народ понимает взлелеянную нами ценность, что он понимает великий демократический принцип народовластия, своего суверенитета. Мы верили, что крестьянство и пролетариат как единая сила дадут Учредительному собранию устойчивое положение, помогут ему создать наконец истинную народную, трудовую власть».

Здесь нет ни возможности, ни надобности рассказывать о борьбе за Учредительное собрание, историю подготовки и проведения выборов, о лихорадочных маневрах Ленина, не желавшего созыва Учредительного собрания и делавшего ставку на «захватное право», но и не смевшего по тактическим соображениям открыто в том признаться. Нам важен финал. Финал этот был предопределен сущностью власти, как ее представлял себе и реально осуществлял Ленин.

Ричард Пайпс поражение демократии в Советах сравнивает с поражением Верховного тайного совета, он пишет: «Тогда, как и теперь, твердого «нет» самодержца оказалось достаточно, чтобы подавить возмущение и положить конец попыткам подчинить правительство внешнему контролю». Как мы знаем, все это было не совсем так. Но далее Пайпс говорит вещи справедливые и важные, к тому же естественно связанные с той ассоциацией — 1730 и 1917 годы,— которую породила у него фундаментальная общность сопоставляемых режимов: «С этого времени Россия управлялась декретами. Ленин получил те же самые прерогативы, какими пользовались цари до октябрьского манифеста (имеется в виду манифест 17 октября 1905 года, вводивший элементы представительного правления.— *Я. Г.*): его воля была законом. По словам Троцкого, «с момента объявления Временного правительства низложенным Ленин систематически, и в крупном и в малом, действовал как правительство». Декреты, которые Совнарком выпускал с этих пор, полностью соответствовали самодержавным указам, касаясь, как и последние, одновременно и самых фундаментальных, и самых тривиальных вопросов и так же входя в силу с того момента, как самодержец скреплял их своей подписью. Декреты приобретали силу закона лишь после того, как их подписывал Ленин, даже если они и выпускались по инициативе кого-либо из комиссаров. Подобную практику, вероятно, одобрили бы и Николай I, и Александр III. Режим правления, установленный большевиками всего за две недели, прошедшие с октябрьского переворота, означал возврат к самодержавному строю, господствовавшему в России до 1906 года. За несколько дней коммунистическая партия стерла в истории страны конституционную практику двенадцати предшествующих лет, словно бы ее никогда и не было».

Пайпс мог бы не ограничиться в качестве аналогов Николаем I и Александром III. Дело было серьезнее. Принцип управления указами ввел не Николай, а его пращур — Петр Великий. Этот же принцип ввел в практику правительства Анны его идеолог — Остерман.

Строев, проанализировав программные документы, составленные вице-канцлером, сделал вывод: «Остерман разделял веру своего великого учителя в силу указов и в цитированной нами записке указывал на необходимость «подкреплять правосудие частыми издаваемыми манифестами».

Принцип управления указами-декретами не есть формальный момент, это важный элемент властного мышления, мышления не процессом, но волевыми актами. Главенство системы разовых решений над системой законов принципиально роднит самодержавное и большевистское мышление. Этот стиль политического демиурга, объединявший Ленина и Петра, замечательно точно уловил Степун: «...Монументальность, с которою неистовый Ленин... на горе крестьянской России принялся за созидание коммунистического общества, сравнима разве только с сотворением мира, как оно рассказано в книге Бытия. День за днем низвергал он на взбаламученную революцией темную Россию свое библейское «Да будет так...». Декреты оглашались один за другим, но коммунизма не получалось».

Не только цели, но и связанный с ними стиль управления, стиль миростроительства заставил Петра твердо прервать традицию Земских соборов. По той же причине Ленин не мог примириться с самим фактом созыва Учредительного собрания. Оно было для него не только опасно при сложившемся соотношении партийных фракций, но и до отвращения чуждо его представлениям о взаимоотношениях политика с миром.

Выборы в Учредительное собрание большевики проиграли. Из 715 мест они получили 175. Вместе с левыми эсерами они составили около 30 процентов депутатов. Кадеты получили около пяти процентов — два миллиона голосов, в то время как большевиков поддержало десять с половиной миллионов, а эсеров — почти восемнадцать.

С кадетами большевики после переворота поступили просто — объявили их врагами народа, подлежащими немедленному аресту, то есть загнали в подполье. Левые эсеры нужны были Ленину для коварной игры с крестьянством. Именно необходимость поддержки левых эсеров лишила Ленина возможности сорвать само открытие Учредительного собрания. Он говорил Троцкому: «Надо, конечно, разогнать Учредительное собрание, но вот как насчет левых эсеров?»

20 ноября Совнарком, ссылаясь на транспортные трудности, отложил открытие собрания, которое должно было состояться 28 ноября. Кадетов-депутатов выслеживали и арестовывали. Но сделать решительный шаг все же еще не могли, общественное настроение пока еще играло роль. Большевикам нужно было собрать достаточный военный кулак, чтобы подавить возможные волнения. Оболенский выразительно описал этот день:

«...28 ноября весь Петербург с нетерпением ждал открытия Учредительного собрания. Наконец этот день настал. По этому случаю городская Дума решила в полном составе двинуться к Таврическому дворцу приветствовать народных избранников. В условленный час гласные, собравшись в помещении Думы, вышли на Невский проспект и направились пешком к Таврическому дворцу. Понемногу мы обросли густой толпой народа, которая с пением «Марсельезы» двигалась по улицам.

Русская революция не выработала своего революционного гимна. Конкурировали между собой два иностранных — «Марсельеза» и «Интернационал». «Марсельезу» пели преимущественно патриотически настроенные революционеры, а «Интернационал» — социал-демократы — интернационалисты, и в частности большевики.

И вот эти два чужестранных гимна наполнили своими звуками улицы Петербурга. Ибо в уличной толпе у нас были и сторонники и противники. Последние, стоя шеренгами на панелях, старались

заглушить нашу «Марсельезу» пением «Интернационала».

Среди этой ужасающей какофонии с панелей раздавались по нашему адресу недвусмысленные угрозы, тем более опасные, что мы были безоружны, а многие из наших врагов — солдаты и красногвардейцы — были вооружены. Однако они все-таки не решились напасть на нас, так как наша все возраставшая толпа значительно превышала их численностью. А «Марсельеза» в этот день одержала решительную победу над «Интернационалом».

Через два месяца по такой же безоружной толпе большевики открыли огонь. Они уже чувствовали себя крепче...

Мы благополучно дошли до Таврического дворца, но там сообщили, что за неприбытием многих депутатов Учредительного собрания первое его заседание отсрочено на несколько дней».

Если октябрьский переворот большевики еще как-то оправдывали безвластием Временного правительства, опасностью контрреволюции или хаоса, то в ситуации с Учредительным собранием, избранным совершенно законно и демократично, у них никаких оправданий не было. Попытки собрать сведения о нарушениях процедуры в провинции не удались. Оставалось пойти на откровенное беззаконие с опорой на военную силу. Тезис о том, что большевики опирались на народное большинство, весьма спорен. Они опирались, — как Петр, как сторонники самодержавия в 1730 году, — на штыки. Это было совершенно естественно и определялось сущностью их идеологии и методологии.

В феврале 1730 года большинство шляхетского «общенародия», желавшего Учредительного собрания, было осажено силой вооруженных гвардейцев. В январе 1918 года судьбу Учредительного собрания, за которое стояло большинство российского общенародия, решил вооруженный кулак, собранный Лениным за месяц отсрочки. За этот месяц большевики яростно устанавливали контроль над столицами. И если 28 ноября в демонстрации, описанной Оболенским, участвовало, по данным тогдашней печати, до двухсот тысяч петроградцев, то в начале января следующего года расстановка сил оказалась иной. И не столько физически, сколько психологически.

Многие активные деятели партии конституционных демократов, пользующиеся влиянием в средних слоях, были уже арестованы. Другие скрывались. Милюкова не было в Петрограде. Эсеры, победители на выборах, не могли решиться на вооруженное выступление в защиту Учредительного собрания, которое было последней надеждой и партии социалистов-революционеров, и русского крестьянства, и России вообще. Но тогда это понимали немногие.

Еще 27 ноября Никита Окунев записал в дневник: «Арестован Главный избирательный комитет Учредительного собрания. Причины довольно загадочны, но дело клонится к тому, что Учредительное собрание будет сорвано большевиками... Что же делается у нас? И что эти «трое» — Ленин, Троцкий и Муралов — за законодатели превращения интеллигентных людей в каторжников? Неужто это их законное право, и никто не отменит их ужасных, бесчеловечных «декретов»? События последних дней не сулят скорого избавления от такого неслыханного произвола. Большевики сильны безусловно... Нет такой силы, которая могла бы урезонить ликующих большевиков. «Буржуазные» газеты надеются на образумление «темных масс», но я не вижу этого вскоре и склонен думать, что террор родины прогрессирует и может быть остановлен только союзом европейских государств, но для этого там нет таких гениев, как Наполеон или Бисмарк».

Никита Окунев, крестьянский сын, крепкий мещанин, коммерческий служащий, человек той русской земщины, которая не раз спасала Россию, надеется только на иностранное вмешательство.

Впрочем, он был не одинок. О том же мечтал Бунин и многие, многие...

В канун открытия собрания, когда планы большевиков были достаточно ясны, в Петрограде сложилась парадоксальная ситуация. За несколько дней до 5 января 1918 года, очередного срока, назначенного Совнаркомом, военная комиссия Союза защиты Учредительного собрания, созданного демократическими партиями и профсоюзами, подготовила мощную вооруженную демонстрацию в поддержку собрания. Выйти к Таврическому дворцу обещали Семеновский и Преображенский полки, бронедивизион Измайловского полка, рабочие Обуховского и Государственного печатного заводов. В свою очередь агитация большевиков не имела должного успеха: ни один полк Петроградского гарнизона не высказался против Учредительного собрания. Максимум, чего удалось добиться большевикам, — солдатских резолюций о непременном сотрудничестве собрания с Советами. На Путиловском, Обуховском, Балтийском заводах рабочие уже подписали петиции в защиту Учредительного собрания. В этих условиях разгон собрания большевиками становился чрезвычайно для них опасным.

Но дальше произошло то, что вообще было характерно для взаимоотношений большевиков и других крайних группировок с демократической общественностью в межвременье 1917 года. Утрированным примером этих взаимоотношений было поведение Керенского. Степун рассказывает горький эпизод, когда политической разведкой военного министерства, в котором Степун служил после возвращения в феврале с фронта, были подготовлены материалы, свидетельствующие о заговорщической деятельности левых и правых организаций, среди которых были, естественно, и большевики. Степун и его начальник Борис Савинков убеждали Керенского выслать из Петрограда нескольких явных заговорщиков. Сперва Керенский согласился, но потом произошла сцена, которую можно назвать «зеркалом Февральской революции»: «Бледный, усталый, осунувшийся, он долго сидел над бумагою, моргая красными воспаленными веками и мучительно утюжа ладонью наморщенный лоб. Мы с Савинковым молча стояли над ним и настойчиво внушали ему: подпиши. Словно освобождаясь от творимого над ним насилия, Керенский вдруг вскочил со стула и почти с ненавистью обрушился на Савинкова: «Нет, не подпишу! Какое мы имеем право, после того как мы годами громили монархию за творящийся в ней произвол, сами почем зря хватать людей и высылать без серьезных доказательств их виновности. Делайте со мною что хотите, я не могу». Так мы и ушли ни с чем».

Нечто подобное, только в ином масштабе, произошло и в канун 5 января. Когда Военная комиссия обратилась в ЦК эсеров за разрешением на вооруженную демонстрацию, то получила резкий отказ. ЦК был согласен только на демонстрацию мирную, безоружную. До нас дошла реакция солдат, сторонников Учредительного собрания, на это предложение: «Что вы, смеетесь над нами, товарищи? Вы приглашаете нас на демонстрацию, но велите не брать с собой оружия. А большевики? Разве они малые дети? Они будут, небось, непременно стрелять в безоружных людей. Что же мы, разинув рты, должны будем им подставлять наши головы или же прикажете нам улепетывать тогда, как зайцам?» На предлагаемых условиях полки на демонстрацию не вышли. Последний шанс укрепить позиции Учредительного собрания и остановить полную узурпацию власти большевиками был упущен...

Ленин вел себя куда трезвее. В Петроград были стянуты отряды верных большевикам матросов и батальоны латышских стрелков. Определены и поставлены под ружье отряды красногвардейцев, готовых поддержать Ленина. Собрался не очень многочисленный, но крепкий боевой кулак. В Петрограде ввели военное положение и запретили под угрозой применения оружия любые демонстрации и митинги. Было объявлено, что Керенский и Савинков тайно вернулись в Петроград (что было ложью) и готовят контрреволюционный переворот, приуроченный к открытию Учредительного собрания. Вышедшая утром 5 января «Правда» открывалась лозунгом: «Сегодня гиены капитала и их наемники хотят вырвать власть из рук Советов».

Очевидец описал военные приготовления у самого Таврического дворца: «...Перед фасадом Таврического вся площадка уставлена пушками, пулеметами, походными кухнями. Беспорядочно свалены в кучу пулеметные ленты. Все ворота заперты. Только крайняя калитка слева приотворена, и в нее пропускают по билетам. Вооруженная стража пристально вглядывается в лицо, прежде чем пропустить; оглядывают сзади, прощупывают спину, после того как пропустят... Пропускают люди уже не в шинелях, а во френчах и гимнастерках. Через вестибюль и Екатерининский зал направляют в залу заседаний. Повсюду вооруженные люди. Больше всего матросов и латышей. Вооружены, как на улице, с винтовками, гранатами, патронными сумками, револьверами. Количество вооруженных и самое оружие, звуки его бряцания производят впечатление лагеря, готовящегося не то к обороне, не то к нападению».

Нужно помнить, что здесь описан не штаб революции, а место заседания законно и демократично избранного всероссийского парламента, призванного решить дальнейшую судьбу страны.

Депутаты Учредительного собрания, войдя в Таврический дворец, оказывались в плену у большевиков...

Ленин не разрешал начать заседание, пока не станет ясна ситуация на улицах. А на улицах произошло то, что и должно было произойти. Полки остались в казармах. Большинство рабочих, узнав об этом, тоже не решились выступить. Тем не менее в мирной демонстрации приняло участие около 50 тысяч человек. На Литейном демонстранты были встречены пу-

леметным и ружейным огнем и разогнаны. Та же участь ждала и разрозненные рабочие выступления в разных концах города.

Наиболее осмысленную картину происшедшего в страшный день 5 января 1918 года дал Максим Горький в своей газете «Новая жизнь» по горячим следам: «...9-го января 1905 года, когда забитые, замордованные солдаты расстреливали по приказу царской власти безоружные и мирные толпы рабочих, к солдатам, невольным убийцам, подбегали интеллигенты, рабочие и в упор, в лицо кричали им:

— Что вы делаете, проклятые? Кого убиваете? Ведь это ваши братья, они безоружны, они не имеют зла против вас, они идут к царю просить его внимания к их нужде. Они даже не требуют, а просят, без угроз, беззлобно и покорно! Опомнитесь, что вы делаете, идиоты!

Казалось, что эти простые, ясные слова, вызванные тоской и болью за безвинно убиваемых рабочих, должны бы найти дорогу к сердцу «кроткого» русского мужичка, одетого в серую шинель. Но кроткий мужичок бил прикладом совестливых людей или колол их штыком, или же орал, вздрагивая от злобы:

— Расходись, стрелять будем!

Не расходились, и тогда он метко стрелял, укладывая на мостовую десятки и сотни трупов.

Большинство же солдат царя отвечало на упреки и уговоры унылым, рабским словом:

— Приказано. Мы ничего не знаем — нам приказано...

И как машины, они стреляли в толпы людей. Неохотно, может быть, скрепя сердце, но стреляли.

5-го января 1918 года безоружная петербургская демократия — рабочие, служащие — мирно манифестировала в честь Учредительного собрания.

Лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного собрания — политического органа, который дал бы всей демократии русской возможность свободно выразить свою волю. В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, в ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян. На жертвенник этой священной идеи пролиты реки крови — и вот «народные комиссары» приказали расстрелять демократию, которая манифестировала в честь этой идеи. Напомню, что многие из «народных комиссаров» сами же на протяжении всей политической деятельности своей внушали рабочим массам необходимость борьбы за созыв Учредительного собрания. «Правда» лжет, когда она пишет, что манифестация 5 января была организована буржуями, банкирами и т. д. и что к Таврическому дворцу шли именно «буржуи», «калединцы».

«Правда» лжет — она прекрасно знает, что «буржуям» нечему радоваться по поводу открытия Учредительного собрания, им нечего делать в среде 246 социалистов одной партии и 140 — большевиков.

«Правда» знает, что в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красными знаменами Российской социал-демократической партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов. Именно этих рабочих и расстреливали, и сколько бы ни лгала «Правда», она не скроет этого позорного факта.

«Буржуи», может быть, радовались, когда они видели, как солдаты и красная гвардия вырывают революционные знамена из рук рабочих, топчут их ногами и жгут на кострах. Но возможно, что и это приятное зрелище уже не радовало всех «буржуев», ибо ведь и среди них есть честные люди, искренно любящие свой народ, свою страну.

Одним из таких был Андрей Иванович Шингарев, подло убитый какими-то зверьми. (Земский врач, член ЦК от конституционных демократов, сподвижник Милюкова, был убит в тюремной больнице Петропавловской крепости революционными матросами. — *Я. Г.*)

Итак, 5 января расстреливали рабочих Петрограда, безоружных. Расстреливали без предупреждения о том, что будут стрелять, расстреливали из засад, сквозь щели заборов, трусливо, как настоящие убийцы.

...Я спрашиваю «народных комиссаров», среди которых должны же быть порядочные и разумные люди: «Понимают ли они, что, надевая петлю на свои шеи, они неизбежно удавят всю русскую демократию, погубят все завоевания революции?

Понимают ли они это? Или они думают так: или мы — власть, или пускай — все и вся погибают?»

Да, именно так они и думали.

Расстрел 5 января, который и был подлинным концом демократической революции, начатой в феврале, ночной разгон Учредительного собрания — лишь пародийный эпилог трагедии этого дня.

Убийство министров-кадетов Шингарева и Кокошкина, после разгона радостно подхваченная пробольшевистскими низами травля кадетов свидетельствовали о безумном смещении представлений активного меньшинства общества. Вульгарная политическая схема, вбитая Лениным в сознание этого меньшинства, основанная на примитивном дифференцировании людей, открывала путь к новому деспотизму.

В некрологе Андрея Ивановича Шингарева, напечатанном в первом томе «Вестника Европы» за 1918 год, вышедшем, очевидно, вскоре после убийства, было сказано: «Когда он крикнул убийцам: «Братцы, что вы делаете!», это был мучительный крик души, страдавшей за тех, кто его убивал. Он знал, конечно, что их натравили, что в них разожгли ненависть против тех, кого каждый день на столбцах красной печати клеймили «врагами народа»; и все же он, несомненно, мучительно страдал, видя перед собой убийцу из того самого народа, которому отдал жизнь: они принимали от него все — его мысли, его чувства, его работу без устали и передышки и, наконец, пришли и взяли его жизнь. С той легкостью, с тем зверским спокойствием, с каким они разрушают русскую жизнь, они разбили и этот драгоценный сосуд человеческий».

Некогда, в феврале 1730 года, гвардейское офицерство, ведомое вбитой в его сознание ложной, но соблазнительной в своей простоте идеей, отвергло и поставило на край гибели первых русских конституционалистов. В январе 1918 года «большевистская гвардия», одушевленная идеей, не менее ложной и ведущей к тому же стратегическому результату, оружием пресекла попытку конституционного решения судьбы России.

В критический момент 1730 года «общенародие» отвергло гуманную по сути своей идею князя Дмитрия Михайловича, сулившую тому же «общенародию» всевозрастающий уровень свободы и более высокую степень личной защищенности, и в конечном счете отправило его на смерть в Шлиссельбургскую крепость. В 1918 году, в другой критический момент, новое общенародие отреклось от того же Шингарева, ни богача, ни буржуя, ни вельможи — скромного земского труженика с его гуманными и сулящими России мирное существование идеями, и отправило его на смерть в Петропавловскую крепость.

И в том, и в другом случае отдано было предпочтение идее жестокой и убийственной...

В том же некрологе задан был горестный вопрос: «Почему погиб именно он? Этот земский врач, который, никогда не щадя себя, мчался по проселочным дорогам из деревни в деревню, чтобы лечить больных крестьян, этот министр, который ютился в крошечной квартире и жена которого была учительницей, верной помощницей в неустанной работе мужа...»

Это, быть может, главный и по сию пору вопрос.

Если я попытался по мере сил объяснить, почему русская гвардия выбрала и значительная часть шляхетства выбрала самодержавие, то для объяснения рокового выбора октября — января 1917 года нужна новая книга, следующая книга.

Гибель Шингарева оказалась символом: люди из народа убили истинного народолюбца, предпочтя ему тех, кто уже стрелял в народ за два дня до того. Гражданскому миру, построенному на компромиссе и терпимости, были предпочтены нетерпимость и насилие.

Чрезвычайно симптоматично, что во время выборов в Учредительное собрание за большевиков дружно голосовали солдаты и матросы. В Петрограде большевистские кандидаты получили 71,3 процента всех солдатских и матросских голосов, в Москве — 74,3. Не меньшую поддержку получили большевики и на северной и западной линиях фронтов.

Там, где шла решающая борьба за власть, Ленин получил подавляющую массу штыков. Вспомним, что Петр пришел к власти, опираясь на гвардейские и солдатские полки. Вооруженной рукой он эту власть и удерживал. Остерман и Феофан Прокопович произвели переворот 25 февраля, опираясь на гвардейскую часть шляхетства.

Почему солдаты и матросы голосовали за большевиков? Только ли потому, что победа Ленина сулила им быстрое прекращение войны и демобилизацию к земельному переделу? Нет, не только. Тут работал сильный психологический фактор. Во всех трех случаях люди, привыкшие к оружию, к насилию, поддержали, условно говоря, партию, идеологией которой было насилие, навязывание своей стране жесткой волевой системы. Человек с ружьем верил, что только партия, проповедующая насилие одних людей над другими, может обеспечить ему экономическую и социальную справедливость.

То, что политическая история России столетиями творилась исключительно

с опорой на вооруженную силу, сформировало к XX веку искаженный тип общественного и личного сознания. Жертвой этого типа сознания пал Шингарев и множество истинных русских демократов.

Позиция солдатской массы в канун 5 января не противоречит вышесказанному. Солдаты голосовали за большевиков как депутатов Учредительного собрания. От Учредительного собрания они ждали исполнения своих желаний. Большевики казались им наиболее близкими. В их сознании столкнулись две сильные идеи — традиционное представление об Учредительном собрании, общенародном соборе, гаранте справедливости, решении судьбы всем миром, и представление о большевиках как об идеальных реализаторах сегодняшней, сиюминутной справедливости, справедливости для каждого отдельного человека вне зависимости от того, как это скажется на судьбе общенародия. В сознании измученных людей исторически протяженное в перспективу оказалось побеждено сиюминутным.

Большевики и были великими временщиками, ловцами момента, энергичными импровизаторами.

Произошло совпадение психологических состояний..

К тексту Горького, цитированному как исторический источник, можно предъявить некоторые претензии. Но дело не в частностях. Горький выявил для читателей главное — родство самодержавного и большевистского режимов по психологическому восприятию своих прав.

Можно привести отчаянный возглас эсера Моисеенко на втором съезде крестьянских депутатов 2 декабря 1917 года, обращенный к большевикам: «Вы доведете Россию до того, что место Николая займет Ленин. Нам не нужно никакой самодержавной власти!» На могилу погибших 5 января, похороненных на Преображенском кладбище рядом с жертвами 9 января, одна из рабочих делегаций возложила венок с надписью: «Жертвам произвола самодержцев из Смольного». Это родство режимов стало очевидно к концу двадцатых годов. И, сопоставляя поведение старой и новой власти, можно сказать, что Ричард Пайпс был не совсем прав: отсчет следует начать не с 1906, а с 1861 года.

Великие реформы 1860-х годов были, пользуясь выражением Пушкина, «контрреволюцией революции Петра». Рухнуло крепостное право, фундамент петровского здания, произошла военная реформа, в значительной степени изменившая ориентацию на армию как главную ценность государства, получила куда большую свободу печать. Гражданские права, «дарованные» России манифестом 17 октября, а фактически вырванные у самодержавия всенародным напором, были развитием реформ шестидесятых годов.

В процессе тотального овладения властью с 1917 по 1929 год большевики произвели контрреволюцию реформам 1860-х и 1905 годов. Колхозный строй был вариантом, иногда еще более жестоким, крепостного права. Армия и секретная служба снова стали главной опорой правящей группы. Военная индустриализация снова сделала страну сырьевой базой вооруженных сил. Несмотря на сложную структуру, реальная власть оказалась стянута на крошечное пространство. Свобода слова была подавлена как никогда. Страна вернулась к принципиальному состоянию военно-бюрократической империи с мощным полицейским элементом. Только бюрократия оказалась прочно и единообразно идеологизирована, что придавало ее структурам особую устойчивость.

В стране произошла реставрация петровской системы, на которую впервые безуспешно посягнули люди 1730 года.

Переворот 25 октября — 5 января оказался по своему глубинному смыслу аналогом переворота 25 февраля 1730 года.

«Дорого заплатила дворянская гвардия за свое всеподданнейшее прошение 25 февраля 1730 года о восстановлении самодержавия», — писал Ключевский.

Дорого заплатила вся большевистская гвардия за фактическую реставрацию самодержавных принципов — матросы, красногвардейцы, солдаты пробольшевистских частей, все они были брошены вскоре в мясорубку страшной гражданской войны, явившейся прямым результатом разгона Учредительного собрания, а затем затянуты в кровавую воронку политического террора, раскулачивания..

И в том, и в другом случае реставрация стала трагедией для всей России.

Учредительное собрание грубо и цинично было разогнано в ночь с 5 на 6 января.

9 января, в годовщину трагедии 1905 года, Никита Окунев записал в дневник: «..Шингарев убит, и еще Кокошкин. Эти два бывших министра так много поработали для достижения того, чтобы русский народ был свободен, и вот сами пали жертвой от звериных рук освобожденных ими. И убиты не в Петропавловской тюрьме, а в больнице, убиты зверски... Да будут их предсмертные мучения вечным укором политическим деятелям, добивающимся социализации мира вооруженной борьбой!.. Жития Учредительного собрания было только одна ночь... Оно закончилось в 5 часов утра 6 января, а в 7 часов утра опубликован декрет о роспуске его. Само собрание произошло в необычайной и крайне неприличной обстановке: 400 человек «публики» составляли исключительно большевики, рабочие и солдаты, которые открыто грозили расстрелом и Церетели, и всем не нравящимся им ораторам. К утру подошел к председательской трибуне какой-то матрос и, хлопнув Чернова по плечу, предложил ему закончить заседание, «потому что караул устал».. Какой же караул нужен избранникам царя-народа?.. Что же теперь будет дальше? Сколько времени ждали Учредительного собрания...»

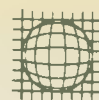
Окунев мог только догадываться о том, что будет дальше. Мы это знаем.●

11 декабря 1991 года,
Петербург

Литература

«Минувшее», выпуск 3, Париж, 1987 год.
Оболенский В. А., «Моя жизнь», Париж, YMCA-PRESS, 1988 год.
Степун Федор, «Бывшее и несбывшееся», Лондон, 1990 год.
Окунев Н. П., «Дневник москвича», Париж, YMCA-PRESS, 1990 год.

Цитировано по «Революция 1917 года глазами ее руководителей», Рим, 1971 год.
Милюков П. Н., «Воспоминания», Москва, 1990 год.
Тыркова-Вильямс Ариадна, «На путях к свободе», Лондон, 1990 год.
Шульгин В. В., «Дни», Ленинград, 1925 год.
Суханов Ник., «Записки о революции», Петроград, 1919 год.
Ленин В. И., Сочинения, Москва — Ленинград, 1929, т. XXII.
Бердяев Н. Собрание сочинений, том 3, Париж, 1989 год.

ВО ВСЕМ МИРЕ

Пусть и дороги будут разноцветными!

В лабораториях фирмы «Шелл» в Амстердаме создано синтетическое вещество, благодаря которому можно будет окрасить дороги в любой цвет. Одного-двух процентов краски, добавленной к асфальту, достаточно, чтобы получить дешевое дорожное покрытие любого цветового оттенка. А какого и где это применять, позаботятся психологи и специалисты по эргономике — они знают, как с помощью цветов можно оптимизировать самочувствие автомобилистов на конкретных отрезках пути.

Приятного аппетита!

Для уничтожения старых автомобильных шин одна итальянская фирма использует насекомых. Речь идет о специально выведенной разновидности прожорливой и с мощными челюстями гигантской щитовки, чья родина — Южная Америка. Эти насекомые с удовольствием съедают всю резину, оставляя нетронутым только металл.

Находке 95 миллионов лет!

При сооружении железнодорожного тоннеля между Великобританией и Францией уже найдено немало различных предметов, связанных с историческим прошлым. На снимке — палеонтолог лондонского Музея естественной истории. А занят он очисткой от горной породы найденного при строительстве тоннеля окаменевшего морского моллюска из семейства осьминогов и кальмаров — гигантской наутилиды. Его нашли в шестнадцати километрах от берега под шестидесятиметровым слоем мела, где он пролежал 95 миллионов лет. После очистки моллюск займет свое место среди экспонатов музея.

Возвращение «святого Айзека»

Сегодня, когда для нас наступило время «второго открытия» англо-американской фантастики, когда казавшиеся незыблемыми опоры иерархической лестницы, выстроенной в нашем информационно голодном сознании, рухнули под напором лавины новых НФ-жанров, авторов и сериалов, в обстановке пересмотра прежних ценностей судьба творчества Айзека Азимова на территории бывшего СССР оказалась, мягко говоря, не самой завидной. Стало модным поругивать писателя за якобы имевшую место «идеологическую совместимость» его творчества с советским тоталитарным режимом, за некоторый технократизм его произведений, за приверженность к научной достоверности... Результатом явилось то, что за последние два года по числу опубликованных книг на русском языке Айзек Азимов занимает среди англоязычных писателей-фантастов место во втором десятке... А ведь раньше все было иначе.

Такое положение дел представляется несправедливым, хотя и объяснимым. В условиях заполнения инфовакуума, стрелка весов читательского интереса откачнулась от научной фантастики в сторону фэнтэзи, от известных имен — к новым, от ортодоксальной НФ — к фантастике «новой волны». К тому же у читателей сложилось впечатление, что уж Азимов-то для них — явление более чем известное — предсказуемое. И только публикация на русском языке цикла «Сообщество»[1] показала ошибочность этого впечатления.

...Галактическая империя движется к упадку. Гениальный ученый-психоисторик Хари Селдон приходит к выводу, что после падения Империи наступит эпоха варварства, которая продлится 30 000 лет. Убежденный в возможности сократить «переходный период» от одной империи к другой в тридцать(!) раз, Хари Селдон создает два «сообщества» и дает им свой план — «План Селдона», пользуясь которым, они должны твердой лоцманской рукой привести корабль человечества в относительно спокойную гавань Второй Галактической империи.

Такова фабула цикла. Кого-то, возможно, восхитит масштаб описываемых событий (ведь это Азимов первым из фантастов решил «жилищный вопрос», расселив человечество по всей Галактике), кого-то — блестящее синергическое слияние различных НФ-идей, а кто-то будет с трепетом ожидать, «победят ли наши»... Главное, по-моему, не в этом. Если бы Галактическая империя не была всего лишь увеличенной до размеров Галактики Землей, а ее жители — обычными людьми, вряд ли бы умного читателя могли тронуть описанные «космические события».

Интересна сама эволюция образа Хари Селдона. В начале первой повести цикла это — гений-одиночка, пытающийся противостоять пока еще сильной Машине Империи и всегда сильной Машине Людской Ограниченности. Мы сопереживаем доктору Селдону и радуемся, когда ему удается одержать победу, скрыв ее мудрую улыбку под маской поражения. Но когда Селдон уходит из жизни, его предсказания начинают сбываться с наскучивающей точностью, а сам он становится для людей Сообщества Богом-Прорицателем, наши симпатии к нему начинают понемногу развеиваться. При этом мы не замечаем, как Айзек Азимов — блестящий мастер сюжета — исподволь готовит нам сокрушительный удар. Хари Селдон объявляется в Хранилище Времени и выясняется, что он не предусмотрел появления Мула — могущественного психомутанта, который в одиночку завоевывает Первое Сообщество. Хари Селдон терпит поражение, и мы испытываем к нему жалость — чувство, от которого один шаг до любви.

Кажется, что План Селдона потерпел крах. Однако Хари Селдон-человек предусмотрел, что он мог предусмотреть не все. И еще он предусмотрел другое: ни один человек, каким бы умным или могущественным он ни был, не в силах противостоять всем. Такое оказалось не по плечу даже нечеловеку Мулу. Поэтому основу победы над Мулом закладывает коллективный разум Второго Сообщества. Он же спасает от гибели План Селдона.

Собственно, цикл «Сообщество» — это история борьбы лучшей части человечества за то, чтобы помочь ему выжить. Сменяются поколения, вереницы людских судеб проходят перед нами, но всегда находятся люди, которым небезразлично будущее их цивилизации, несмотря на то, что они до него не доживут. Возможно, дело в том, что, пытаясь сделать будущее более счастливым, эти люди делают более счастливым (хотя и более трудным) свое настоящее.

Любой фрагмент этой непрерывной борьбы за выживание человечества по-своему интересен. Именно поэтому для публикации и выбран лишь эпизод — пять глав ранее не издававшейся на русском языке четвертой повести цикла — «Сообщество на краю». Наступает очередь Голана Тревица нарушить стагнацию Первого Сообщества и обратить его взоры на Землю...

«Святой Айзек» (так называли его герои романа Фрица Лейбера «Серебряные яйцеглавы») на протяжении своей творческой карьеры неоднократно отходил от фантастики, предпочитая ей научно-популярный жанр, и все же каждый раз возвращался, причем с неизменным успехом. Одно из его возвращений и было связано с написанием «Сообщества на краю», получившего в 1982 году премию Хьюго. Именно этого «возвращенного святого Айзека» мы почти и не знаем. Возможно, публикация глав из «Сообщества на краю» поможет читателю восполнить этот пробел и привлечет издателей к книге. Хотелось бы надеяться, что состоится другое возвращение — возвращение великого писателя-фантаста к сердцам и особенно умам настоящих ценителей НФ-литературы «отдельно взятой шестой части суши».

С. ПОТАПОВ

[1] Цикл выходил на русском языке под названиями «Основание», «Основатели», «Фонд» и другими

А. Азимов

Сообщество на краю

Главы из повести

Пролог

Первая Галактическая империя распадалась. Уже несколько веков она загнивала и расшатывалась, но лишь один человек полностью осознал это.

Это был Хари Селдон, последний великий ученый Первой Империи, создатель психоистории — науки, которая описывала человеческое поведение при помощи математических уравнений.

Отдельный человек непредсказуем, но реакцию толпы, как обнаружил Селдон, можно вычислить статистически, — чем больше толпа, тем с большей точностью. А человеческая масса, с которой работал Селдон, составляла все население миллионов обитаемых планет Галактики.

Уравнения Селдона показали ему, что, предоставленная самой себе, Империя рухнет и пройдут тридцать тысяч лет людского горя и страданий, прежде чем Империя восстанет из руин. И все же, если бы удалось изменить начальные условия, Междуцарствие можно было бы сократить до одного тысячелетия.

Именно с этой целью Селдон основал две колонии ученых, которые он назвал Сообществами. При этом он предусмотрительно разместил их «в разных концах Галактики». Первое Сообщество, специализировавшееся на физических науках, создавалось открыто. Существование другого, Второго Сообщества, планеты психоисториков и «менталистов», было окружено тайной.

В «Трилогии о Сообществах» рассказывается об истории первых четырех веков Междуцарствия. Первое Сообще-

ство (известное как просто Сообщество, поскольку о существовании второго практически никто не знал) началось с небольшого поселения, затерянного на пустынных окраинах Периферии Галактики. Оно неоднократно переживало кризисы, при которых психоисторические параметры достигали опасных величин, и Сообществу грозила гибель. У него оставался единственный выход, за которым, однако, каждый раз открывались новые горизонты развития. Все было рассчитано давно умершим Хари Селдоном.

Первое Сообщество, с его развитой наукой, подчинило окружающие варварские планеты. Оно столкнулось со своевольными наместниками, отколовшимися от умиравшей Империи, и разбило их. Оно столкнулось с остатками самой Империи при ее последнем сильном Императоре и последнем сильном генерале — и разбило их.

Казалось, План Селдона успешно выполнялся, и ничто не могло помешать установлению Второй Империи при минимальном периоде разрухи.

Но психоистория — наука статистическая. Всегда оставалась вероятность сбоя, и сбой произошел. Случилось то, чего Хари Селдон не мог предвидеть. Неизвестно откуда появился человек по прозванию Мул. Он один во всей Галактике обладал ментальными способностями. Он мог переплавлять человеческие эмоции и так изменять сознание людей, что его злейшие враги становились преданными слугами. Армии не смогли, просто не стали сражаться с ним. Первое Сообщество пало, и План Селдона, казалось, потерпел крах.

Оставалось таинственное Второе Сообщество, застигнутое врасплох, оно теперь начало готовить контратаку. Важным преимуществом Второго Сообщества оставалась тайна его местонахождения. Мул разыскивал его, чтобы завершить покорение Галактики. Уцелевшие сторонники Первого Сообщества тоже разыскивали его, чтобы получить помощь.

Рисунки Ю. Сарафанова

Ни те ни другие его не нашли. Вначале Мулу помешала акция некоей Байты Дарелл, и это позволило Второму Сообществу выиграть время для подготовки и в дальнейшем обуздать Мула.

Началась кропотливая работа по восстановлению Плана Селдона. Но покрывало тайны было сорвано со Второго Сообщества. Первое Сообщество узнало о существовании Второго и отвергло будущее под властью менталистов. Первое Сообщество обладало превосходством в физической силе; к тому же Второму Сообществу пришлось решать сразу две задачи: усмирить Первое Сообщество, но при том вновь уйти в тень.

Все это удалось Второму Сообществу при его величайшем Первом спикере Приме Палвере. Первому Сообществу дали насладиться видимостью полной победы; оно продолжало наращивать свое влияние в Галактике, совершенно не подозревая, что Второе Сообщество по-прежнему существует. Ныне пошел четыреста девяносто восьмой год с момента основания Первого Сообщества, оно могущественно как никогда, но один человек не соглашается с тем, что считается очевидным.

Член Совета

1

— Конечно, я не верю,— сказал Голан Тревиц.

Они стояли на широких ступенях Дома Селдона и глядели на Город, сверкающий в солнечном свете.

Терминус был планетой с мягким климатом благодаря сильному преобладанию воды над сушей. После введения погодного контроля на нем стало еще комфортнее и, по мнению Тревица, гораздо скучнее.

— Ни капли не верю,— повторил он и улыбнулся. На его моложавом лице сверкнули ровные белые зубы.

Мунн Ли Компор, его приятель и коллега по Совету, принявший тройное имя вопреки традициям Терминуса, озабоченно нахмурился.

— Не веришь, что мы отстояли город?

— Да нет. Город мы, конечно, отстояли. Еще бы, ведь сам Селдон сказал, что мы должны его отстоять, и он, дескать, так и знал пятьсот лет назад.

Компор перешел на полушепот.

— Слушай, ты можешь говорить так со мной, потому что я понимаю, что это просто треп, но не кричи во всеуслышание или отойди от меня. Неизвестно, насколько точно попадет молния, которую ты притянешь.

Тревиц не перестал улыбаться.

— А что такого я сказал? Что город спасен? И что мы обошлись без войны?

— Ну, воевать-то нам было не с кем,— сказал Компор. У него были небесно-голубые глаза и соломенно-желтые волосы, и он упорно отказывался изменить эти немодные цвета.

— Компор, а ты не слушал о гражданских войнах? — спросил Тревиц.

Тревиц был высокого роста, с черными, слегка вьющимися волосами. Он носил мягкий вязаный пояс и имел привычку засовывать за него большие пальцы.

— Гражданская война из-за переноса столицы?

— Во всяком случае, дело дошло до селдонского кризиса. Этот раскол погубил политическую карьеру Ханниса, а нам позволил пройти в Совет на последних выборах, когда чаши весов... — Он медленно покачал ладонью, как бы устанавливая равновесие.

Тревиц не обращал внимания на других правительственных служащих, а также смешавшихся с ними корреспондентов и просто любителей модных зрелищ, которым удалось раздобыть приглашение, чтобы увидеть Селдона (вернее, его изображение), и которые теперь ликовали, получив его благословение. Тревиц стоял неподвижно, позволяя толпе обтекать себя. Компор спустился на две ступени и остановился — невидимая нить натянулась между собеседниками.

— Ты идешь?

— Куда спешить? Мэр Бранно будет делать доклад, и заседание не начнется, пока она не кончит разжевывать всем известные новости... Лучше посмотри на город!

— Смотрю. Я его и вчера видел.

— Да, но посмотрел бы ты на него, когда его основали, пятьсот лет назад...

— Четыреста девяносто восемь,— автоматически поправил Компор,— юбилей будет через два года. Мэр Бранно, наверно, еще будет сидеть в своем кабинете, если пренебречь маловероятными вариантами.

— Если,— сухо подтвердил Тревиц.— И все-таки — как он выглядел пятьсот лет назад, когда его основали? Единственный город! Единственный маленький город, населенный группой ученых, корпевших над энциклопедией, которую они так и не закончили!

— Да что ты, Голан. Все знают, что закончили.

— Ты о нынешней Галактической энциклопедии? Это не их работа. Нынешняя энциклопедия записана в компьютерах и непрерывно пересматривается. А незавершенный оригинал ты видел?

— Который в музее Хардина?

— Да, в Музее оригиналов Салвора Хардина. Называй полностью, если уж ты так придираешься к датам. Ты видел его?

— Нет. А стоило?

— Да нет. Но все равно — вот они высадились, кучка энциклопедистов, и основали колонию на планете, лишенной

металлов, вращавшейся вокруг изолированного от остальной Галактики Солнца, на краю, на самом краю. А теперь, через пятьсот лет, мы стали планетой-парком. И металла у нас сколько угодно. Мы стали центром во всех отношениях.

— Не во всех,— сказал Компор.— Мы по-прежнему вращаемся вокруг Солнца,

изолированного от остальной Галактики. Все еще на самом краю.

— Да нет же, послушай! В этом вся суть селдонского кризиса. Мы теперь не просто планета Терминус. Мы — Федерация Сообщества, протянувшая свои щупальца по всей Галактике и фактически управляющая этой Галактикой. Мы отнюдь не изолированы, если не считать расположения.

— Ладно, согласен, — равнодушно сказал Компор и спустился еще на ступеньку. Невидимая нить между ними натянулась сильнее.

Тревиц протянул руку, как бы собираясь втащить товарища обратно, наверх.

— Неужели ты не понимаешь, Компор? Произошли огромные изменения, а мы не признаем их. В глубине души мы тоскуем по малому Сообществу, по исчезнувшему однопланетному миру, по ушедшим временам железных героев и благородных святых.

— Ну и что?

— Как — что? Посмотри на Дом Селдона. Во время первого кризиса, при Салворе Хардине, это было подземное Хранилище Времени, небольшой зал, в котором появлялось голографическое изображение Селдона. И все. Теперь это целый храм. Но есть ли здесь эскалатор с силовым полем? Движущиеся тротуары? Гравитический лифт?.. Есть только эти ступени, и мы спускаемся по ним и поднимаемся по ним, как будто Дом строили во времена Хардина. В сложное и непредсказуемое время мы в страхе цепляемся за прошлое.

Он сделал широкий жест.

— Виден ли здесь хоть один строительный элемент из металла? Ни одного. Потому что во времена Салвора Хардина здесь не было ни месторождений металла, ни металлоимпорта. Когда строили эту махину, даже установили порыжевшую от времени пластмассу, чтобы посетители с других планет могли останавливаться и восклицать: «Галактика! Какая милая старая пластмасса!» Говорю тебе, Компор, это все подделка!

— Так вот во что ты не веришь? В Дом Селдона?

— Да, и во все его содержимое! — яростно прошептал Тревиц. — Я не верю, что надо прятаться здесь, на краю Вселенной, только потому, что так жили наши предки. Я считаю, что мы должны быть там, в самой середине

— Но Селдон опроверг тебя. План Селдона выполняется, как было задумано.

— Знаю-знаю. Каждый ребенок на Терминусе воспитывается в вере, что Селдон создал План, что он все предвидел пятьсот лет назад, что он основал Сообщество, предсказал все кризисы и сделал так, чтобы во время этих кризисов являлось его изображение и сообщало нам тот минимум, с которым мы доживем до следующего кризиса. И так Селдон должен провести нас через тысячу лет истории, пока мы не сможем без риска построить Вторую и Величайшую Галактическую империю на руинах старого здания, которое начало разваливаться пятьсот лет и окончательно развалилось двести лет назад...

— Зачем ты мне все это говоришь, Голан?

— Затем, что это — подделка. Все подделка... Или это было настоящим когда-то вначале, но теперь — подделка! Мы не хозяева сами себе. Не мы следуем Плану.

Компор испытующе посмотрел на собеседника.

— Нечто подобное ты говорил и прежде, Голан, но я думал, что ты просто меня дразнишь. Ради Галактики, неужели ты это серьезно?

— Конечно, серьезно!

— Не может быть! Или ты меня очень хитро разыгрываешь, или ты сошел с ума!

— Нет. Ни то ни другое, — сказал Тревиц. Он успокоился и засунул большие пальцы за пояс, показывая, что больше не нужны эмоциональные жесты. — Признаю, что я подозревал это раньше, но то была лишь интуиция. Однако сегодняшний фарс открыл мне глаза, и я, в свою очередь, собираюсь открыть глаза Совету.

— Да ты рехнулся! — сказал Компор.

— Хорошо. Идем со мной и услышишь.

Двое спустились по лестнице. Они были последними. И когда Тревиц шагнул вперед, губы Компора шевельнулись, беззвучно бросив ему в спину: «Дурак!»

Продолжение — в № 3

МОЗАИКА

Когда биоритмы совпадают

От чего зависит долголетие брака? Ко многим известным факторам доктор Джефри Лансен из университета американского штата Юта добавил еще один — одновременное засыпание и пробуждение супругов. Синхронность суточных ритмов благотворно влияет на сердечную деятельность и общее самочувствие. Из ста пятидесяти опрошенных семей, где супруги встают и ложатся спать одновременно, 94 процента были довольны своей семейной жизнью. Там же, где ритмы не совпадали, 30 процентов жаловались на неудачный брак. Хотя этот фактор не так существен, как совпадение характеров, типов темперамента или религиозной принадлежности, он все же важен для «семейной физиологии».

Кукуруза — вместо пластмассы

После супа или салата можно съесть и тарелку — предлагает немецкая фирма по обслуживанию пассажиров в некоторых немецких поездах, подавая пищу в посуде, сделанной из кукурузных и хлебных продуктов. Цель — не столько потребление тарелок, сколько получение экологически чистых отходов и повторное их использование для корма животных.

Рисунок В. Серафенова

Зачем нужна ванна?

Странный вопрос. Конечно же, для того чтобы купаться. Но, оказывается, у ванны могут быть и другие функции. Перед вами — ванна на колесах, то есть, по сути дела, трайлер. Так она и используется. Это своеобразное средство передвижения придумал Джон Рибои, житель поселка Педро-Бэй, расположенного на побережье Аляски. Он сконструировал этот трайлер после того, как попытался создать его из других материалов. Но, увы, смог достать только старые автомобильные колеса да ось. Поэтому Джон страшно обрадовался, когда после ремонта местной школы обнаружил выброшенную за ненадобностью ванну. И теперь Рибои со свистом проносится по поселку мимо домов своих товарищей, вызывая улыбку прохожих. Можно улыбаться, конечно, но ванна-трайлер отлично выполняет свои функции. В ней Джон возит дрова, да и все прочее, что только можно и нужно перевезти.

Где родина матрешек?

Оказывается, это Япония. В 1890 году в Россию попала одна японская деревянная игрушка — фигурка мудреца Фукурума. Игрушка была разборная — внутри умещалось все семейство мудреца, поскольку каждый его член был меньше предыдущего. Русские мастера быстро освоили технологию производства, создав свой вариант — целый ряд «русских красавиц» в красивых ярких сарафанах.

Медведь в пивной

В пивной города Годхавна на острове Диско, около Гренландии, работает официантом четырехлетняя серая медведица по кличке Квамбо. Ее карьера началась в двухлетнем возрасте. Тогда она собирала со столов пустые пивные кружки, а владелец пивной вел подсчеты. Однако позднее ей доверили разносить полные кружки и закуски. Кроме всего прочего, Квамбо заботится также о порядке в заведении — когда кто-нибудь повышает голос за столом, она подходит к разбушевавшемуся посетителю и угрожающе размахивает лапами.

Реклама «вышла боком»

Администрация крупного универсама в городе Чаттануга, в штате Теннеси, поместила в местной газете объявление, испускающее запах жареного цыпленка. Эффект был неожиданным. К газетным киоскам стали сбегаться стаи собак и кошек, мешая торговле. Полиция оштрафовала дирекцию магазина на крупную сумму за нарушение порядка в городе.

Без вины виноватый

В израильском городе Хацев полиция задержала водителя с явными признаками опьянения. Тот клялся, что вообще не пьет. Выяснилось, что накануне вечером он съел много десертного винограда. Специалисты пришли к заключению, что в желудке произошла ферментизация винограда и в результате возник эффект опьянения.

Чего вы ждете от отпуска?

Отпуск для всех работающих... Как много с ним связывают! Чего же ждут от него? Немецкий журнал «Гутен Таг» поместил вот такую диаграмму. А чего ждете от отпуска вы?

Внимание читателей!

В редакции продаются номера журнала, а также с предоплатой принимаются предварительные заказы на следующие номера.